

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН НАПРЯЖЕНИЕ

Annotation

В этом мире слово способно начать войну. Оно же остановит кровопролитие, будет гарантом мира и крепкого союза. Таковы правила: слишком много силы в крови одаренных, чтобы лжецам позволили существовать. Однако ложь все равно будет жить, свивая гнездо в сердцах самых честных и благородных, обволакивая страшные преступления красивыми словами, превращая подлость в великий подвиг. Будет предан забвению собственный сын, забыт и вычеркнут из родовой записи – ради великой цели, во имя исполнения пророчества. Княжеский род закроет на это глаза и разделит вину – плата достойна награды. Но у наследника именитых властителей, выкинутого в приют заштатного городка, найдется своя точка зрения.

- [Владимир Ильин](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Эпилог](#)
-

Владимир Ильин

Напряжение

*Автор благодарит писателя Н. А. Метельского
за предоставленное разрешение использовать элементы
мира из книг последнего*

Пролог

Недобро смотрелась на небе сеть перистых облаков, подсвеченная огнями спящего города, – распахнувшаяся от горизонта до горизонта, она будто бы запирала миллионы горожан черно-серыми прутьями исполинской решетки. Не сбежать, не выпорхнуть. Впрочем, никто и не пытался. Наоборот – тысячи добровольных узников ежедневно прибывали в столицу, полные надежд навсегда остаться в сером, грязном узилище столицы... а если очень повезет – то и разменять свободу на служение тем, кто обитал в одном из сотен небоскребов-представительств, чьи вершины плыли над решеткой облаков. Аристо любили забираться повыше.

Тем же, кому не повезло родиться с гербом над колыбелью, предстоял длинный путь самосовершенствования, чтобы стать полезным высокородному господину. Уникальный навык и профессионализм, солидный опыт работы и огромная трудоспособность, верность и высокий боевой ранг – многое ценилось представителями династий, традиционно избиравших в служение лучших из лучших, и от претендентов не было отбоя. Дело не в деньгах или роскоши – истинный мастер своего дела, опытный специалист или сильный боец вряд ли испытывает потребность в финансах. Но только там, подле аристократа, была власть – крохи по сравнению с властью господина, однако даже эти крохи поднимали человека на недостижимую для остальных высоту. Ибо слуга аристо – левая его рука. А если простолюдина ударила левая рука аристократа – его удел терпеть, проглотив обиду и ярость.

Вот только слуга – еще и частица чести рода, так что истинным властолюбцам сворачивали шею сами хозяева. Чаше всего еще до того, как тот успевал посадить пятно на честь господина безобразным поступком. Впрочем, слуги были вполне довольны самим наличием огромной власти, уважением к статусу и защитой для себя и собственной семьи – уже ради этого стоило не щадить себя, работая по двадцать часов в сутки. Награда не заставит себя ждать – восхождение по иерархии слуг однажды завершится на самой вершине одного из родовых небоскребов. Что может быть лучше? Разве что право уйти на покой, оставив свое место детям – на одно поколение. Если те окажутся хотя бы на треть столь же способными, как родители, сытая жизнь им обеспечена – вместе с шансом основать династию слуг. Такое мало кому удавалось.

Пожалуй, личный референт князя Михаила Викентьевича Панкратова был к награде ближе остальных, четвертый десяток лет продолжая служить роду с верностью собаки – и со столь же крепкой хваткой, молодым на зависть. Выглядел он совсем не на свой возраст – высокий, поджарый, без намека на старческие морщины на руках и лице.

Об уготованной награде референт даже не подозревал, продолжая преувеличенно бодро декларировать успехи клана. В последние полгода появилась у старика такая черта – сообщать плохие новости в самом конце, вываливая вперед тонны приятных фактов. Будто бы боялся гнева.

Впрочем, действительно важные вещи под это правило не подпадали, так что в определение «плохое» входили мелочи, неприятные, но вполне терпимые, а уж на фоне перечисленных ранее успехов – так и вовсе пустяки. Тем не менее это не давало покинуть кабинет, отнимая от короткого сна князя, хозяина одного из сотен удельных княжеств огромной Империи, владельца заводов, корпораций и рудников, бесценные минуты. Был бы это другой день – ничего страшного, но последняя неделя обходилась вовсе без сна... а референт этого будто бы не замечал, продолжая тараторить бесполезную в общем-то информацию. Значит, пришло время менять, щедро одарив в пример остальным – не в этом году, так в следующем.

Князь вздохнул, стоя перед окном, сжал руки в замок за спиной и резко выдохнул, повелительной фразой, перебив референта:

– Еще что-нибудь?

К счастью, слуга понял его правильно и листнул сразу десяток запаянных в пластик прямоугольников отчета.

– Небольшие сложности под Каратобэ, господин. Семья Остер отступила вглубь нефтеперерабатывающего комплекса. Активные действия затруднены и грозят разрушением объекта, у противника два бойца ранга «учитель». Диверсионные отряды малоэффективны, противник отлично знает территорию. НПК – родовое предприятие Остер, господин.

Референт предупредительно замолчал, ожидая повеления своего главы. А тот не торопился отвечать, слегка скривившись от досады. Вот и причина, почему список восхвалений выдался на диво длинным – соразмерно ему и проблема. Ничего срочного, ничего важного. Просто предстоит решить: жить гордому семейству, не способному понять, что если не Панкратовы, то придут другие, или умереть. Не первый раз за эту неделю он решал чужую судьбу, и наверняка не последний.

Война на юге страны вспыхнула без всякой подготовки, неожиданно. В том не было злого умысла или хитроумного планирования – иначе бы все

действия были продуманы на пять шагов вперед отделом аналитики, а он бы не стоял, глядя на город и решая, что делать с остатками мертвого клана.

Просто старые владельцы обширных территорий слегка переоценили свои возможности, лишились двух бойцов ранга «мастер» и перестали существовать.

Сухо, емко, трагично – вполне достаточно, чтобы доходчиво объяснить любому, что улыбка симпатичной незнакомки в ночном клубе – совсем не повод тащить ее в свою машину. Даже если вы «мастер», как и ваш брат, а рядом одобрительно похохатывает охрана из двух «учителей». Потому как родовым умениям древних семейств в общем-то наплевать на ваш ранг и ранг свиты – главное, стойте компактно. Так что юная красотка перепугалась и сожгла двух идиотов вместе со свитой, машинами и половиной здания у дороги, а перепуганное заплаканным голосом семейство вырезало всех оставшихся наследников той же ночью – ни один из них недотягивал до «мастера». К слову, были в своем праве и мести могли совершенно не опасаться – мстить уже некем, а вассальные рода клана не станут объявлять войну, защищая мерзкий поступок. Вот если бы кто-то из главного рода выжил, тогда да, клятва обязала бы исполнить волю господина... Быть может, потому всех и вырезали, методично, хладнокровно, заведомо приготовив версию об испуге за наследницу – так оно куда правдоподобнее. В общем-то не важно. Главное – одна-единственная глупость перечеркнула шесть столетий существования известной фамилии, а вместе с ней – и клана. Слабенького, малоуважаемого (с такими-то руководителями), но все-таки – клана: объединения родовых корпораций, спаянных клятвой главному роду. И без этого рода, пусть и плохонького, остальным в одиночку было просто не выжить.

Потому мгновенно возник вопрос – кому достанутся ныне бесхозные земли, с людьми, городами и производствами на них. Виновники гибели клана демонстративно отошли в сторону, показывая богатство рода, честь и гордость – мол, их вполне удовлетворила смерть обидчиков. Бывшие клановые рода медлили... думали, что все будет по-прежнему? Император глянул вполглаза и вернулся к выбору новой фаворитки.

Уловив настрой, в столице тут же принялись методично делить чужое, договариваясь, интригуя, собирая альянсы и вороша старые противоречия. К концу месяца все должно было обрести новых хозяев – без единого выстрела или всплеска силы. Солидные люди предпочитали воевать, заседаая за длинными столами, выдвигая в наступление армии чисел

банковских счетов, сотрясая воздух залпами криков о древности рода и перечислениями боевых рангов своей родни и вассалов. Мнение будущих жертв никого не интересовало – те сами похоронили себя промедлением.

Пока в столице кипели интриги, кочевали солидные суммы с одного счета на другой, гремели дуэли днем и шептали ночью фаворитки, Панкратовы с грацией топора перекинули на землю мертвого клана половину собственной армии. Пока остальные говорили, специалисты клана работали без сна и отдыха над тем, что принято деликатно называть «обеспечением лояльности». Выходило на удивление быстро и легко, практически без крови. Просто был один господин, а стал другой, и даже бремя налогов снизил – простые люди принимали изменения довольно спокойно, а аристократы даже рады были перейти под руку уважаемого клана – скопом, не теряя налаженных связей и цепочек производства. Большее их число, во всяком случае...

Так что когда в столице все поделят, внезапно окажется, что земли де-факто уже принадлежат Панкратовым – приняты присяги, развешены штандарты и гербы. Остальные, разумеется, будут недовольны. Разумеется, соберут бессмысленную говорильню и даже напишут письмо императору. И, само собой, утрутся. Потому что делить чужое – это одно, а воевать, оплачивая кровью и жизнями, – совсем другое. В столице разучились идти умирать, предпочитая посылать на смерть вассальные рода, наемников, должников, на худой конец – младшее поколение. А ведь этого не хватит, совсем не хватит – воевать придется не с хилыми родами Китая, промышлявшими набегами и контрабандой, не с вольницей Свободных земель, не с мятежной областью, одуревшей от поборов, не вести вялотекущую «родовую войну» третью сотню лет в каком-нибудь глухом уголке земли. Стоит сорваться лишнему слову о войне – и враг сам придет к ним, в их дом, без единой секунды промедления.

Михаил Викентьевич оскалился хищной улыбкой и хрустнул пальцами, вытягивая руки, сцепленные в замок. Воевать он умел и любил, как и боевой костяк клана. Как и три клана-союзника. Так что старикам-интриганам ничего не перепадет, разве что затаят недоброе и попытаются отыграться в будущем, на что совершенно наплевать – потому как *все* против *всех* затаивают и пытаются.

На мгновение промелькнула мысль – интересно, если бы его сын остался жив, стал бы он таким же осторожным столичным мудрецом, ради спокойствия и жизни внуков, правнуков? Вместо боя – тепло камина, мелкий карапуз на коленях, цепляющийся за бороду... Князь мотнул головой, отгоняя теплый образ. Не судьба ему проверить.

– Вы лишили меня сына, а я лишу вас всего, – тихо, одними губами произнес он, со злостью рассматривая скопление башен-гигантов в центре города.

Он не боялся прослушки – окна с той стороны выглядели сплошным зеркалом, а усилия тех, кто пользовался аппаратурой снятия звука с поверхности окна, блокировал крошечный механизм, приклеенный десятком резиновых лапок к внутренней стороне оконного стекла, что еле заметно для глаза выводил беззвучный ритм. Хозяин кабинета притронулся подушечками пальцев к прохладной глади и прислушался. Нет, не слышно, только легкая дрожь покалывает пальцы. Зато у наблюдателей на другой стороне улицы гремит в наушниках легендарный протяжный бас: *What a wonderful world*. Чуть хриловатый, наверняка все-таки помехи... Быть может, так даже лучше – словно со старой пластинки, по которой скользит игла проигрывателя. Во всяком случае, это ощущение куда ярче, чем бесцветные разговоры по эту сторону окна.

– У соперника нет сил для прорыва блокады. С учетом отсутствия существенных запасов продуктов аналитики прогнозируют капитуляцию в течение месяца...

– Нет. Войска отвести, семье Остер принести извинения и выплатить контрибуцию. У них есть потери?

– Трое раненых, господин.

– Обеспечить медицинскую помощь, выделить целителя. Предложить от моего имени восстановить инфраструктуру и несколько выгодных контрактов.

Если семья Остер проявит крупицу сообразительности – будут процветать, а там, глядишь, у Панкратовых появится новый боевой род. Сражаться против армии и умудриться отступить без потерь – дорогого стоит. Таких следовало беречь, неспешно связывая родством и бизнесом, благо меж ними не было трупов – а значит, и стены злобы.

– Да, господин. По вашему слову.

– На этом все?

– Нет, господин. – Референт слегка замялся, перелистнув страницу назад, и изобразил чтение с листа – неправдоподобно, с его-то идеальной памятью.

Значит, еще одна неприятность.

– Глава рода Колобовых настаивает на личной встрече с вами.

Князь полуобернулся, бросив на слугу вопросительный взгляд.

– Финансисты, банкиры, немного ростовщики. Обитают всей семьей в столице, за два дня до начала конфликта переехали в «Карл Ритц Отель»,

под защиту императора Германии. Ранее обслуживали счета клана и все его платежи.

– Будет требовать особых условий, – утвердительно произнес Панкратов, вновь отвернувшись к окну, – но нам не нужна дублирующая финансовая структура.

– Если присоединившиеся к клану семьи перенесут активы к нам, они разорятся, господин, – мягко подсказал слуга.

– Собираются препятствовать?

– Уже, господин. Живые деньги своего банка они уже обменяли на мусорные бумаги десятка подставных компаний по всему миру. Обратный обмен возможен только по доброй воле Колобовых, это и будет предметом торга. Иначе все ваши новые вассалы станут нищими.

– Он себя бессмертным считает? – фыркнул князь.

– До родных нам не добраться, а его самого защитит статус гостя, – рассудительно произнес слуга. – В любом случае деньги нам нужнее, чем его жизнь.

– Репутация важнее денег, – проворчал Михаил Викентьевич, качнулся с пятки на носок, обдумывая решение. – Надо его подготовить к беседе, надавить, вывести из равновесия.

– Авария по пути, господин?

– Ни в ком случае, он гость! Пока едет к нам и от нас – ни единого волоска не должно упасть с его головы! Вот что: поставь перед ним просителя, которого не жалко. Посадите их вместе, пусть поскучают в компании, привыкнут друг к другу. Потом протащим труп просителя прямо перед Колобовым. Желательно аккуратно вскрыть аорту, зажать чем-то и в нужный момент дернуть тело, чтобы кровь попала Колобову на брюки и ботинки.

– Господин, есть подходящий кандидат! – посветлел лицом референт, вновь заскрипев пластиком страниц. – Некто Самойлов Максим Михайлович, девятнадцать лет, из мещан. Директор подрядной компании, обслуживает нашу больницу в Ельниках.

– Он крадет у нас?

– Аналитики пишут, что нет. Расходы сократились на треть. У Самойлова конфликт с новым руководителем больницы, тот хочет забрать бизнес себе. Тем не менее прошение об аудиенции исходит именно от директора. Мы уточнили этот момент – в секретариате больницы о письме ничего не знают. Парень подделал бланк и подпись.

– Или незаметно подсунул директору, обхитрив.

– Тем не менее он желает потратить ваше время, господин, на решение

собственных мелочных проблем. Одно это достойно смерти.

Панкратов почувствовал некое внутреннее неудобство – выходило, что парень перспективный и приносит роду деньги. К переводу столь ценного ресурса он относился весьма неодобрительно.

– К тому же парень одаренный, – бодро добавил референт. – Он сможет умирать красочно и долго даже с крупными рваными ранами и лишившись конечностей! Мы можем сделать так, что он взглянет Колобову в глаза, пока его будут волочить мимо.

– Добро, бери в работу. И оформи все красиво – нашего гостя не впечатлит смерть неотесанного бедняка.

– Сделаем в лучшем виде, господин, – уважительно поклонился референт.

Глава 1

Тринадцать лет тому назад

Внимательность заменяет предвидение. Огонек сигареты в темноте подъезда, пьяный смех большой компании, звон разбитой бутылки, стон механизма – любой приметы вполне достаточно, чтобы предугадать неприятность и попытаться ее избежать. Разумеется, если неприятность уже не выбрала вас своей целью.

У младшей группы Верхне-Новгородской школы-интерната тоже были свои приметы, предрекавшие боль и проблемы. Визгливый крик нянечки, глухой звук удара линейки по стене, скрежет переворачиваемых при досмотре тумб. Так себе проблемы – тех, кто не делал в постель, держал руки и ногти в чистоте и не тащил еду из столовой, задевало только краешком, для острастки.

Беда, куда хуже, двигалась вслед за обладателями звонких голосов старшей группы, от скуки и безнаказанности заваливающихся к мелким по несколько раз в день. И если от остальных бед еще можно было уклониться, вовремя встав подальше от виновника и его проблемы, то эта неприятность сама выбирала себе жертву из числа испуганных, сжавшихся в общую толпу детей. На этот раз выбрали меня, вытащили из второго ряда испуганной детской кучи и протащили, упирающегося, за собой. Я прямо слышал, как выдохнула толпа за спиной – лишь бы не их.

Стандартный развод – окружить одиночку и с серьезным видом уговорить сделать то, чего делать категорически нельзя. В моем случае подстава выглядела как две спицы, выглядывающие из розетки. Рядом, на табурете, лежала забытая нянечкой пряжа, из которой и выудили железки – некоторое время ими пофехтовали, потыкали тех, кто не успел вовремя сбежать, затем заскучали и придумали новую забаву. Со мной в главной роли.

– Спорим, одной рукой не достанешь? – нависал надо мной старший, кривя губы в ожидании развлечения.

– Да он слабак! – подначивал подпевала.

– И ничего не слабак, – надувал я щеки, досадуя на собственное невезение. Мне было шесть, что не мешало четкому осознанию: быть жертвой этой четверки – крайне хреново и чаще всего больно. И любое мое действие под их понуканием приближает эту боль.

– Быстро взял! – рявкнули сзади, снабдив подзатыльником. Эдак и нянечка может вернуться, и всему развлечению конец.

Испорченную пряжу повесят на меня – понять это вполне хватило ума. А вот опасности в двух спицах я не видел – как-то не объяснял никто в приюте опасность электрического тока, изредка просто шугая от розеток любопытствующих. Розетка – это было «нельзя подходить», «нельзя трогать» – такое же табу, вроде аптечки или ручек на окнах. Так что я чуть сгорбился и резко зажал спицы в ладошке, сердито пыхтя, и одновременно отчаянно желая, чтобы нянечка вернулась вот прямо сейчас и увидела всю сцену целиком. Да так и замер, закрыв глаза и ожидая развития событий.

– Не работает, что ли? – недоуменно произнес парень справа.

– Свет есть, – неуверенно вторили ему, щелкнув переключателем рядом.

Я с испугом посмотрел на старших, боясь сдвинуться с места.

– Дай-ка... – Главный коснулся было плеча... и тут же резко толкнул меня в сторону стены – не специально, просто парня буквально отшвырнуло от меня, бросило на пол, где он и замер с испуганным видом, за мгновение до того, чтобы заорать и разреветься.

На крик влетела нянечка, охнула, углядев в первую очередь меня у розетки, и понеслась спасать. Ее отшвырнуло чуть ближе, и в себя она пришла почти сразу, выдав визгливым голосом штук тридцать непонятных слов, из которых несложно было сложить картину будущего наказания. Тогда я вынул спицы из розетки и протянул в сторону нянечки, с извинениями. Как мне показалось, помогло – поток воплей тут же иссяк, сама женщина попятилась от меня, не вставая, затем лихо для своих габаритов перевернулась и убежала за дверь. Пока я размышлял, стоит ли и мне разреветься и что делать со спицами, нянечка уже вернулась с директрисой – высокой, чуть полноватой теткой со злым взглядом и той самой длинной деревянной линейкой.

Директриса медленно оглядывала зачинщиков, скучковавшихся у стены напротив меня, на несколько секунд останавливая взгляд на каждом. Словно угадывая ее мысли, нянечка тут же принималась шептать ей на ухо имя, возраст, номер группы, свои сетования и похвалы. По ее словам выходило, что ребята хорошие и вообще никак не виноваты, наоборот – спасали ребенка-дурня, всунувшего спицы в розетку. Вот тогда я и разревелся – из-за обиды на такое вранье и несправедливость. В шесть лет есть плохие и хорошие, белое и черное, зло и добро, так что негласный союз хулиганов, запугивающих четыре десятка детей, и единственной на этаж нянечки, весьма довольной, что дети не орут, не шумят

и слушаются – пусть и ценой безнаказанности четырех уродов, – смотрелся ужасным преступлением.

Дальше помню фрагментами – меня подняли, подвели к кровати, что-то дали выпить, а потом наступило утро следующего дня.

С того дня изменилось решительно все. Нет, меня не ругали и не били – наоборот. Все словно забыли о произошедшем, будто бы и не было ничего вчера. Но новый день все равно разительно отличался от череды предыдущих – во-первых, стали иначе кормить. Рядом с общими столами поставили еще один, на четыре персоны, за которым сидел только я один, а блюда, которые мне предлагала наша скудная столовая, в разы отличалась по качеству и количеству от того, что размазывали по тарелкам остальных. Разумеется, это не осталось без внимания коллектива ровесников – завидовать они уже научились, а думать пока что не очень, предпочитая действовать. К моему искреннему изумлению, разговор в духе «а че ты, вот я тебе сейчас в глаз дам» пресекла четверка тех самых старших, грамотно отмутив обидчиков и пригрозив каждому из невольных зрителей повторить то же самое, если кто-то хоть пальцем меня тронет. Я будто бы стал заповедным зверем этого заведения – меня кормили, охраняли, контролировали здоровье. Из недостатков – ежедневный бег утром и вечером, несколько болезненных уколов, отдельная зарядка днем и горькие таблетки вместе с завтраком и ужином. Другой бы обрадовался, я же неким звериным чутьем, необъяснимым ни опытом – которому неоткуда было взяться, ни чем-либо еще – не было никаких явных фактов, которые мог бы понять шестилетний-я, чувствовал недоброе. Каждый день смотрелся братом-близнецом предыдущего, менялись незначительные детали – вроде погоды, еды, мелькающих мимо лиц. А потом прозвучал колокольчик в руках первоклассницы первого сентября – день, в который все мои ровесники пошли в первый класс. А я – нет.

Занятия проводились тут же, в восточном крыле интерната, так что этот знаменательный день я попросту никак не мог пропустить – даже вышел вместе со всеми во двор, строиться прямоугольниками перед белой чертой в составе «а» или «б» класса – смотря в каком из списков окажется моя фамилия. Оказалось, что меня не было ни в одном из них, так что я просто остался рядом с «б» классом, легко рассматривая площадку перед входом поверх голов сверстников – за год индивидуальных занятий я солидно вымахал. Приветственные речи директрисы и небольшой концерт в исполнении старшеклассников уместились в половину часа, после чего первоклашкам уступили право первыми войти в здание – только на этот раз

они впервые пойдут не в левое крыло, в жилые комнаты, а в правое. На входе меня и перехватила директриса, легко выдернув из общей толпы, и строгим голосом приказала идти к себе. Так у всех ровесников появился еще один повод для зависти – пока они корпели над уроками, «этот бездельник» мог лежать на кровати. Правда, я-то не лежал, а бегал-прыгал под наблюдением нянечки, тщательно сверявшей все, что мне предстоит сегодня сделать, с планом в зеленой тетрадке. Для соседей по комнате всего этого не существовало, зато был везучий гад, которого давно пора проучить.

Народное возмездие пришло в последний четверг октября, через два часа после отбоя. Устав после очередного многочасового забега вокруг корпуса – мои занятия продолжались и зимой, под зорким взглядом личного надзирателя, предпочитавшего, впрочем, следить из окна, – я предпочел не заметить необычную тишину при моем появлении в общей спальне, проигнорировал колкие взгляды и кривые усмешки, махнул на все это рукой и завалился спать. За что и поплатился – когда на меня резко навалилась тяжесть нескольких тел, набросили на лицо шерстяной плед и начали осыпать быстрыми, без размаха, ударами, делать что-либо было уже поздно. Крик не прорывался через плотную ткань, руки и ноги надежно прижимали к кровати, не давая пошевелиться. Только дергался, когда по телу проходили особенно болезненные вспышки боли, но этой силы было недостаточно, чтобы сбросить с себя как бы не с десятков ребят. Дальше стало еще хуже – потратив все дыхание на крик, я с ужасом осознал, что не могу вздохнуть – плед прижали слишком плотно. Дернулся на этот раз в откровенной панике, но враги только сильнее навалились, с азартом продолжая «учить» упорствующего гада. А у меня уже шли фиолетовые круги перед глазами и дико шумело в висках. Из последних сил я попытался оттолкнуть своих мучителей, вложив в эту попытку всю ярость, все желание жить и весь свой страх. Результат вышел совершенно дикий – вспыхнуло так, что даже через закрытые глаза и плотную ткань пошли круги перед глазами, резко дернуло, снимая с меня всю тяжесть, дыхнуло паленым и сразу – запахом прошедшей грозы. Секунду царила тишина, тут же сменившаяся детским ором и плачем. Застучали по коридору шаги дежурной нянечки, вспыхнули плафоны над головой, освещая место побоища, в центре которого была моя, изрядно сдвинутая кровать, по обе стороны от которой размазывали слезы от дикой обиды «поборники справедливости». Да и не только от обиды – кого-то кинуло на рамы рядом стоящих кроватей, кто-то ушиб локти при падении и неудачно стукнулся головой. Заквохтала нянечка, рассаживая детей

по кроватям, появилась из аптечки зеленка и вата, а я так и продолжал сжимать в руках пропаленный, с темными разводами в нескольких местах, плед, которым меня чуть не задушили. Мыслей не было совершенно – выбило яркой вспышкой, от которой все еще мелькали овалы, стоило резко двинуть головой.

Следующий ор подняла уже сама няня, углядев на руках «невинных жертв» светло-серебристые сеточки узора, протянувшегося от пальцев до плеча. Затейливый рисунок – будто молния застыла, и он ни в какую не хотел отмываться... В животе похолодело, я подобрал ноги и поглубже закутался в одеяло и плед, стараясь защититься от злого, тяжелого взгляда, подаренного мне хозяйкой этажа. Та побуравила меня с полминуты, отмахнулась от оставшихся не замазанных зеленым детей и ушла вглубь этажа. Как оказалось – отправилась вызывать начальство.

В комнате все более-менее успокоилось, сдвигались на место кровати, шуршали одеяла – сон не шел после такого, вот и ворочались. Для разговоров было слишком много страха, а вместо угроз вполне хватало тяжелого, обиженного дыхания и быстрых, слегка испуганных взглядов. Я встал, чтобы поправить сбившуюся простыню и выровнять кровать, да так и застыл, с тоской изучая черные пропадины в паркете пола – там, где стояли металлические ножки кровати. Вот за это мне точно влетит.

Ночь выдалась длинной. Голос директрисы вновь выдернул меня из сна – незаметно для себя я умудрился заснуть, привалившись к изголовью. По ее приказу, как был – в тапочках и пижаме, прижимая к себе одеяло и плед, – долгое время стоял в коридоре, пока няня и директор ходили кругами вокруг моей кровати, рассматривая опалины на полу, изучали странные узоры на руках других детей и строгим голосом опрашивали о случившемся. Затем последовал долгий путь по пустым коридорам, подъем на второй этаж, свет фонаря, переход в восточное крыло и вновь ожидание – на этот раз возле приоткрытой двери директорского кабинета. Дверь поначалу закрыли плотно, но тут уже я перепугался – непроглядная темнота неосвещенного коридора давила и ужасала до такой степени, что я замолотил руками и ногами, требуя меня впустить.

Меня не интересовал разговор внутри кабинета, я почти не прислушивался, кутаясь в одеяло и стойко борясь со сном, но кое-что долетало и невольно запоминалось. Меня почему-то нельзя было оставить в старой комнате, и для меня надо найти новое место. Но... у взрослых, как оказалось, тоже множество страхов и запретов. Нельзя переставить мою кровать к старшей группе – «Он там всех поубивает!». Интересно, кто такой страшный «Он»? Нельзя разместить в библиотеке – «Вера

Сергеевна расскажет мужу!». В коридоре – «Там холодно». В медпункте – «Нельзя прерывать тренировки!». Или даже тут, в кабинете директора – «Ты смеешься? У меня посетители, мне как работать?!». Брать к себе домой нянечка также отказалась – несомненно, к счастью. Постепенно, перебирая помещения и имена, взрослые остановились на комнате сторожа и неожиданно замолчали. Вся сонная дымка мгновенно исчезла, сменившись ощущением ледяного крошева по спине. Только не туда!

Сторож – страшный человек. Это вам любой скажет. А еще у него шрам через все лицо, вместо ноги – костыль и одна рука к телу привязана! А еще он злобный, камни кидает так, что ровнехонько между лопаток залетает, ни сбежать, ни укрыться! Еще говорят, что он детей ест. И кошек. И собак. Вот к такому человеку меня вели. Вернее, я изображал шаг, буксируемый нянечкой по коридору – то есть вяло перебирал ногами, пока мое тело волокли к неминуемой гибели.

Логово людоеда выглядело уютно – наверное, еще и оттого, что самого хозяина не было, а в воздухе плыл аромат мятного чая. Обычная обстановка: две кровати с примкнутыми тумбами вдоль стен и стол возле окна. Точно такая же, как в медблоке. На столе парила дымком двухлитровая банка с заваркой, укрытая белой крышкой. Лежала развернутая газета с фотографиями незнакомых, красивых людей. На подоконнике сиротливо ютился кипятильник, обмотанный шнуром вдоль и пополам. Больше взгляду не за что было цепляться. Даже по виду кроватей не определить, какая принадлежит сторожу, – одинаково убраны, с аккуратно взбитыми подушками.

– Устраивайся там, – приказала няня, кивнув в сторону дальней от двери постели.

Сказку про Машеньку и медведей нам уже читали, так что я постарался совершить как можно меньше повреждений, устроившись на самом краю кровати, да еще завернулся тем, что принес с собой. Няня только головой покачала и бухнулась прямо на взбитую подушку. Ну и ладно, если что – ее он съест первой.

К приходу главного медведя зубы уже выстукивали нестройный ритм – во-первых, страшно, во-вторых, стена холодная и я изрядно замерз, а пошевелиться еще страшнее.

Неслышно распахнулась створка, впуская главный кошмар окрестных земель – широченного, высоченного, с мордой жуткой и черной тростью в руке, он оскалился в тридцать два здоровенных клыка и прогудел низким голосом, сотрясая стены и пол. Или это я дрожал?

– Машка, опаздываешь, – укоризненно покачал головой сторож,

потянувшись здоровой рукой к пряжке пояса.

«Бить будет!» – пронеслось в голове, сам я дернулся, невольно скрипнув пружиной.

Рука сторожа остановилась.

– Это кто? – подозрительно глянул он на меня своими жуткими глазищами.

– Это Максим. Главная приказала разместить у тебя, на время, – встала ему навстречу няня, храбро удерживая монстра за плечи.

– С какой это стати? – В голосе не слышалось ни нотки добродушия.

– Дерется сильно, буйный. Если разозлить, – тут же поправилась, поймав недобрый взгляд. – Нельзя ему оставаться в палате – еще покалечит кого или самого задушат. К старшим, сам понимаешь, тоже никак...

– А мне-то он зачем? – грубо оборвал ее сторож.

– Денег прибавят, за присмотр. Тем более ты ночью все равно не спишь.

Мне показалось или она погладила его по плечу?

– Тебе теперь где «не спать»? – прижал он ее к себе – ненадолго, руку тут же скинули и отшатнулись в сторону.

– Коль, не при ребенке же! Найдем. В спортзале, на матах мягеньких. Придешь? – вильнула она своими телесами, умудрившись потереться о страшилую бедром.

– Дай хоть познакомлюсь с постояльцем, – хекнул тот довольно, выпроваживая няню из комнаты.

– Жду! – мурлыкнуло из коридора.

А я и не знал, что у нее может быть такой голос – отличный от скрежета несмазанных дверных петель или вопля кота, которому наступили на хвост. Мы, помню, как-то специально ловили и проверяли...

– Дрался, говорят? – выдернул из размышлений сторож, уже разместившийся на кровати напротив, поближе к столу. Трость небрежно лежала по правую его руку – мне никак не добраться.

Я замотал головой.

– Били меня, – буркнул, глядя исподлобья.

– Много их было? – Мужик аккуратно перелил чай из емкости в миниатюрную чашечку, словно по волшебству выуженную из-под столешницы.

– Не знаю, не видел.

Тот поставил рядом вторую и вопросительно посмотрел на меня.

– Они голову пледом накрыли и толпой навалились, – выдал я, алчно поглядывая на расписанную синим орнаментом эмалевую чашку.

– О как, интересно. А дальше? – Тот вместо чая закинул в чашечку три кубика сахара, сильно подняв ставки. – Что-то ты целый слишком.

– Не знаю я, – шмыгнул, не желая обманывать. Да я и сам толком не понимал, что случилось. – Их ударило чем-то.

– Да ну? – Сторож выцепил один кубик из моей кружки и кинул в свою.

– Честно! – воскликнул я, не желая терять сладость. – Оно само вышло, мне дышать не давали.

– То есть? – Острый взгляд серых, выцветших глаз вцепился в меня, не давая дышать.

– Сверкнуло и дым пошел, а потом – как после грозы. А ребят отбросило. И черные следы на полу. И плед дымится, – тяжело сглотнул я, сжавшись еще сильнее.

– Плед – тот самый? – указал он пальцем на серо-черный лоскуток, выбивавшейся из моего пододеяльника.

Я торопливо кивнул и быстро сдернул его с себя, стоило ему показать характерный жест.

Грубые пальцы перебирали прожженную ткань, цеплялись за мелкие отметины, перетирали их меж собой. Сторож оглядывал дырочки на просвет, внимательно принюхивался и даже попробовал на язык. После чего плед, к моему сожалению, отправился в угол комнаты. Уж лучше бы вернул – холодно.

– Семь лет, надо же. Это ж как ты их убить-то хотел? – глубокомысленно произнес он, наклоня банку с чаем над второй чашкой.

– Я не хотел! – возмутился я от всей души.

Сторож замер, налив совсем чуть-чуть.

– Не хотел я никого убивать! – вспыхнул я негодованием. – Страшно было и дышать хотелось. Вот и... Само оно, – буркнул, сдуваясь.

– Не хотел убить и даже без ненависти... – уже констатируя, кивнул своим мыслям и еле слышно добавил: – Сильная кровь.

Чай наконец достиг кромки, вызвав чувство сухости во рту – будто кругов двадцать пробежал в летнюю жару. А потом... потом этот гад опрокинул в себя содержимое обеих чашек и с невероятным удовольствием наблюдал, как вытягивалось мое лицо.

– Это для бодрости варево, тебе ни к чему, – проковыляв к двери, криво ухмыльнулся он. – Устраивайся, малой.

Глава 2

Судьба по соседству

Дверь неслышно хлопнула, разделяя два поколения. Тридцать лет разницы между молодым юношей, полным надежд и энергии, и увечным стариком, который тоже когда-то верил в свою счастливую звезду и совсем не представлял себя никому не нужным калекой, сторожем на мизерном окладе. Тем не менее жизнь распорядилась именно так.

Николай Иванович Росков не родился инвалидом, наоборот – в семье мещан с восторгом и замиранием сердца выслушивали чуть поддатого (как за такое не выпить!) и благостно улыбающегося фельдшера, десятый раз повторявшего счастливой родне: «Ваш сын абсолютно здоров... и он одаренный». Отец, поговаривают, был рад чуть меньше, глушил водку и искоса поглядывал на супружницу – дар чаще всего передавался по наследству, а сам он и все его предки таковым похвастать не могли, так же как и у второй половинки. Дошло бы и до мордобоя, но тут прабабка проскрипела, что ее дед служил у князя Новгорода, и не абы кем, а дружинником. А это значит – ранг «витязь», не меньше. Могло и проклюнуться через поколения.

Не был Коля и дураком – оценки не ниже «хорошо», внимательность, отличная память открыла бы ему дорогу в любой университет. Тем более что одаренных брали куда охотнее, делая поблажки во время вступительных экзаменов.

Но кипела в крови жажда приключений, кружило голову внимание окружающих, грели душу восторженные ахи, стоило «потянуться» за родной стихией ветра и слегка похулиганить. Что-то било в грудь, требуя действий, подвигов и новых горизонтов. Николай не мог сидеть спокойно за партой, впитывая знания.

Так что восемнадцатилетие он встретил у вербовочного пункта отряда «Древичи» – самого крупного и известного в Верхнем Новгороде. Слегка пьяный, полный куража, Николай чуть ли не приплясывал, ожидая, пока ему откроет дежурный. Пункт работал круглосуточно, зазывая к себе всех, кто хотел новой жизни или бежал от старой. Главное – дар и отсутствие кровной вражды за спиной. В общем, Коля подходил – о чем ему сообщили, забрав паспорт вместе с подписанным не глядя договором.

Учебка, тренировки, отработка совместных действий, немного

математики, химии, физики, десантирование за Полярный круг, посвящение. Десяток операций – для начала в периметре охранения, затем – непосредственно. Первые трупы от собственной руки, шок, таблетки из металлического пенала, адреналин, кураж. Неделя пьяного загула – и все вновь повторяется. Лычки младшего лейтенанта, собственная боевая тройка. Перелеты по всему миру, которые уже не приносят удовольствия, потому что стали работой. Пятнадцать лет выслуги, по шесть-восемь операций в год, новые погоны и пять троек подчинения, солидный счет и мысли уйти в отставку.

А затем – новый вылет, тупиковая улица в железобетонных джунглях Токио и неестественно серьезный паренек в строгом черном костюме возле глухой стены, с алым гербом школы напротив сердца. И пули из шести стволов, которые никак не могли проложить дорожку к вроде бы неподвижному телу. Зло загудел ветер, сжимаясь в хлыст под давлением воли Николая, вспыхнул рожденный даром огонь меж рук его зама Семенцова, дрогнула земля, перекрывая своим стоном близкий гул машин – отряд вовсе не растерялся, уже не в первый раз им доставалась сложная цель, совсем не желающая приблизить выплату призовых. Они попали, все трое – не столь сложно бить по так и не сошедшей с места фигурке. Чистая физика – давление, идеальная среда для горения, каменные стены горнила – все для того, чтобы три стихии, соединившись, ударили на порядок сильнее, чем поодиночке. Отработанная связка, обкатанная не единожды, на этот раз не повредила даже форму на плечах пижона, что так и стоял, рассматривая своих палачей, с непроницаемым восточным ликом. А потом последовал ответ, вычеркнувший из списка живых две трети отряда, превративший Николая в калеку... Ранг «учитель» – это примерно танковый взвод. Танковый взвод, отработавший по узкому тупичку меж двух складов, в который, как оказалось, не они загнали цель, а она привела их за собой.

Очнулся Николай в тюремной больнице – почему-то их не стали добивать на месте, не увезли в родовые пыточные. Просто оставили умирать в каменном крошечке, под завалом из булыжников и арматуры. Новость подарила надежду – «Древичи» своих не бросали, а значит, скоро их должны были вытащить, перевезти на родину, обеспечить целителей и протезирование. Страшно жалко было ноги и очень тревожила непослушная рука, но были бы деньги – и это тоже можно было решить.

От них отказались. Какая-то большая политика, связанная со сближением двух империй. Не было «Древичей» в Японии, не было отряда Николая Роскова, а были бандиты, допустившие разбойное

нападение на аристократа из Великого рода. Наказание – гнить до смерти в сыром карцере местной тюрьмы, приговор вынесен и приведен в исполнение. Год в заточении поставил крест на восстановлении ноги, полностью отказала левая рука. Добавился надсадный кашель и отек на ноге здоровой. Забавно, но новая болезнь его спасла. По неведомому перекоосу в мозгах местных, они старательно лечили даже таких приговоренных, как он, чтобы вновь закинуть в камеру и продлить агонию. В санблоке удалось зацепиться языками с санитаром-индусом. Английский, приправленный языком больших денег, помог сблизиться и наладить отношения, а ключ-пароль от одного из анонимных счетов и вовсе сделал их близкими друзьями – достаточно близкими, чтобы направить письмо от Николая курьером в далекий Верхний Новгород.

Николай заказал «Древичам» собственное спасение – комплекс мер с эвакуацией из режимного заведения в количестве одной персоны и перевозкой домой. В письме очень рекомендовалось дать ему солидную скидку, но не было ни единой угрозы и бранного слова. Скидку дали.

Тем не менее операция обошлась в большую часть отложенных на пенсию средств, остаток же их ушел на лечение – да и то не хватило. Из частной клиники выходил калека с перекрученной энергосистемой тела, не способный ныне ни на что более, чем сметать порывом ветра листья и снег. Так появился в интернате дворник и сторож в одном лице. Тут кормили, была постель (своего жилья не было, а квартиру родителей занял младший брат с семьей), не спрашивали о прошлом и предпочитали не замечать те дни, когда Коля нажирался водкой в хлам, пытаясь заглушить страшную боль во всем теле, приходившую с каждой резкой сменой погоды. В другом месте давным-давно бы вышвырнули... А тут была даже женщина... на которую он бы раньше и не посмотрел. Сейчас планка изрядно упала, на самое дно, как и вся его жизнь, – так что рад был и такой. Жизнь встала в размеренную колею и неторопливо покатила, съедая день за днем. До сегодняшнего дня.

Сердце лихорадило, отдавая частым пульсом в виски, ладонь правой руки покрылась потом – оттирай не оттирай о джинсы, все без толку. И даже в онемевшей руке будто бы постреливало огненными искрами от напряжения. Последний раз с ним такое было давным-давно, когда цель, пьяная до изумления, решила выползти из-под брони танка и отлить у недалних кустиков. И Николай, тогда еще всего неделю как «дружинник», торопливо выставял рамку прицеливания, чтобы не упустить свой Шанс.

Сейчас торопиться было некуда, но как объяснить это разошедшемуся

воображению, подгоняющему тело идти еще быстрее? Сложно оставаться спокойным, когда тот самый Шанс с большой буквы, что нынче выглядит до крайности обиженным ребенком, сам приходит к тебе – вот так вот буднично, занимая соседнюю койку.

Вообще, сторож хотел банально избить пацана, сразу поставив на место и обозначив старшинство. С местными иначе нельзя, они только кажутся невинными ягнятами, а на самом деле то еще зверье. Отвернешься – украдут, поверишь – обманут, привяжешься – сядут на шею. Даже если новый постоялец не из таких, это ничего не меняет. Его просто заставят воровать старшие. Решение только одно – мелкий должен был бояться его больше, чем кого-то другого. А вот как оно вышло-то...

Все дело в том, как парень расправился с обидчиками, а именно в тех мелких деталях, вряд ли известных кому-то, кто не входил в небольшое число одаренных. Один одаренный на десять тысяч – невольно образуется сообщество, выпускать информацию из пределов которого строго не рекомендуется. А если вспомнить, какой мизерный процент из них принадлежит к верховной аристократии и как берегут они свои тайны... В общем, Николай тоже знал далеко не все, но кое в чем не сомневался.

У аристократических родов, насчитывающих более полутысячи лет, может появиться родовая способность – совершенно случайная: боевая или защитная, мирная или созданная убивать. Способность просто по праву крови, ее не надо изучать – будто бы характерная черта, вроде волевого подбородка, только на энергетическом уровне. Изначально умение слабое, на уровне «подмастерья». Однако с каждым поколением сила его растет, если оба родителя нового носителя из числа одаренных, и угасает (или может пропасть вовсе), если кто-то из супругов не владеет даром. За тысячелетия грамотного династического отбора способность эволюционирует в настоящий ужас для врагов, оружие ранга «мастер» или «виртуоз», в настоящий козырь, извлечь из рукава который может кто угодно в семье, вне зависимости от боевого ранга, пола и возраста. Об этом не принято говорить, и уж тем более никто не одобрит разговоров о принадлежности умения тому или иному роду. Только сами аристократы, из числа высших, следят за Силой Крови, выпалывая любые упоминания о них в газетах и книгах, на радио и по телевидению. Эта тема – табу для обсуждения.

Потому две клуши – директриса и Машка – вряд ли сообразили, что они видели. То, что парень одаренный, – знали несомненно, а вот что это не простой пацан, мамка которого согрешила с аристо и сдала в детдом

плод короткой страсти, – понимать не могли.

И уж тем более не знали, что ключом к Силе Крови являются чистые эмоции. Чем сильнее любовь, любопытство, ярость, ненависть – тем сильнее раскручивается в теле спящая мощь поколений. А ведь парень – Максим, кажется? – так вот, парень своих обидчиков даже не ненавидел – злился, да... Значит, ударил крупницей силы – из океана, которым его наградила целая прорва благородных поколений за спиной.

Как же так получилось, что аристо оказался в интернате? Да в общем-то невелика тайна. В период родовых войн всех новорожденных принудительно оформляют под чужими именами и фамилиями, вписывая в графу «родители» отказ от материнства. Все для того, чтобы палачи противоположной стороны не убили младенца.

Государственные клиники находятся под протекторатом императора, но они – совсем не крепость, и не стоят у дверей «мастера» и «виртуозы». А тех, кто нападет, еще требовалось поймать и обвинить... Жестоко, грязно – разумеется. Но если представить, что вот такая прелесть вырастет, направляемая ненавистью к убийцам родителей, и в один солнечный день накроет Огненным Штормом Родовой Силы имение своих обидчиков, со всеми, кто в нем находится, в том числе и детьми... Тут-то и задумаешься, выбирая – одна невинная чужая жизнь сейчас или сотни твоих родных, столь же невинных, после.

Потому и переименовывали детишек, указывая неодаренными, не записывали в журнал матерей – все для того, чтобы дать шанс выжить, убрать из огня войны.

Родная мать, разумеется, знает имя своего ребенка и легко найдет его потом, когда угроза жизни малышу пройдет, вот только... иногда тайна уходит вместе с матерью. И появляется такой вот круглый сирота – Максим. Никому не нужный ребенок, судьба которого – раз проснулся дар – украсить своей персоной вооруженные силы императора, отрабатывая потраченные на его содержание деньги... Если только добрый-добрый дядя Коля не устроит ему воссоединение с родней гораздо раньше – разумеется, за огромное вознаграждение. Почему-то Николай не сомневался, что у рода с такой Силой Крови вознаграждение будет именно огромным.

Коля отер рукавом лоб и отдышался перед очередной лестницей, на этот раз – на третий этаж, туда, где был архив с картотекой дел воспитанников. А Машка потерпит, никуда не денется...

Перед сторожем нет закрытых дверей – и связка с ключами на поясе тому лучшее подтверждение. Аккуратно провернулась личинка замка, затрепетали разогревающиеся прямоугольники ламп, освещая десяток

поставленных поперек длинной комнаты стеллажей. Николаю не нужна была фамилия паренька – много ли Максимов на потоке? Примерный год рождения он прикинул, так что задача отыскать личное дело его Шанса и найти в нем группу крови и номер родильного отделения представлялось не такой и сложной задачей. А дальше – наведаться туда, порасспросить: может, искал кто мальчугана. С чего-то нужно было начинать, какие-то данные иметь на руках, чтобы действовать самому или просить об услуге старых знакомых.

Стойка с одноклассниками нашлась довольно быстро. Только вот не было среди поименованных картонных папок ни одной с именем Максим.

– Может, с годом не угадал? – буркнул Коля, почесав переносицу.

В соседней стойке Максимумы действительно были, только им уже стукнуло по двенадцать, да и выглядели они – на черно-белых фото «три на четыре», прицепленных к делу, – совсем не так, как его сосед.

Ничего страшного, есть общие журналы, есть журналы выделения довольствия и постельного белья, есть прививки, наконец! Николай полностью погрузился в поиски.

Через полтора часа он привел картотеку в прежний вид, выключил свет, неспешно закрыл дверь и только потом позволил себе крепкое слово и удар по стене открытой ладонью да так и замер, опираясь рукой. Не было Максимки. Будто не существовал никогда.

Тем не менее в его комнате сидел означенный паренек. Он жил тут, учился, спал, дрался. Значит, информацию просто изъяли – поделилось подсознание ответом.

Несложно определить, кто это сделал, – власти на такое хватило бы только директору, по его приказу, с его участием. Гораздо сложнее – зачем? Сложный вопрос, немного нервный, как и в любом другом случае, когда кто-то, пусть и не зная того, лезет в твои планы.

Николаю парень был нужен, чтобы отдать родне и получить свою награду. Для этого не нужно прятать документы, скрывать и заниматься подлогом. Воссоединение с семьей – что может быть законнее и проще? Капелька крови, анализ ДНК, адвокат в хорошем костюме – и государство легко откажется от иждивенца.

Директрисе нужен был... одаренный? Не учтенный государством, прошмыгнувший из-за особенностей рождения мимо отлаженного механизма определения дара...

«Нет, не вяжется, – качнул головой Коля. – Его проще легально усыновить, как обычного ребенка без дара. Новых родителей будет обожать, получится ручное оружие, которое потом легко можно продать».

Ерунда получалась: как бы ни прикидывал – не находил причины досрочного изъятия целого человека из списка живых. Все было гораздо проще решить парой-тройкой липовых справок, подписью и оттиском печати.

А ведь у директора должны быть сообщники. Такое в одиночку никак не скрыть, кто-то должен присматривать и отгораживать паренька от лишних расспросов. Машка, например.

Имя встроилось в общую систему идеально, тут же понизив градус настроения на пару пунктов. Вспомнились иные постельные разговоры, в которых разомлевшая подруга рисовала картины совместной жизни. Николай угукал и отмалчивался, но в общем-то был не против – кому он такой еще будет нужен? Выходило, что для кое-каких дел их отношения были недостаточно близкими. Или Машку запугали.

Покрутившись на лестничной площадке, маясь тяжелыми мыслями, которые два часа назад и представить не мог, Николай сделал следующий шаг. Вернее, спустился на пролет вниз и уверенно шагнул в темноту коридора, по памяти следуя к кабинету директора. Бывал он там частенько, не по служебным делам, а в приятной женской компании – Машке почему-то нравилось делать это на столе начальницы, а Николаю в общем-то было наплевать.

Нужный ключик нашелся почти сразу – так как отличался от остальных основательностью и рельефом. Что совсем не помешало открыть дверь за секунду, нащупать выключатель и напряженно всмотреться в знакомую обстановку с Т-образным столом для совещаний, во главе которого находилось массивное рабочее место директрисы, с кожаным креслом под портретами здравствующего императора и князя Верхнего Новгорода. Занавешенные окна скрывали улицу от Николая и Николая от улицы, левую стену занимали два серванта, разделенные напольными часами. Изношенный паркет успешно скрывал красно-черный ковер. Будто не интернат, а кабинет чиновника. Зато характер сразу читается, вместе с амбициями. Такая вполне могла пойти на подлог.

Николая привела сюда скорее интуиция, чем доводы логики – та с негодованием отнеслась к мысли, что украденное личное дело можно прятать вот так нагло, а интуиция просила не торопиться с оценкой разумности некой особы.

«Не домой же ей нести такие бумаги?» – пронеслась робкая мысль.

«В анонимную сейфовую ячейку положить, раз сжечь нельзя!» – по-армейски гаркнуло в ответ.

Тем не менее Николай все же решил проверить. Снял обувь у входа –

грязная, еще наследит на ковре – и неспешно подошел к княжескому портрету. Именно за холстом с мудрым ликом Ярослава Семеновича хозяйка кабинета оборудовала себе небольшой сейф в личное пользование. Машка как-то хвастала – а он запомнил, отметив заодно странную информированность подруги.

Массивная, окрашенная под позолоту рама с портретом переместилась на пол, открывая доступ к белому прямоугольнику двери с механической ручкой-«бабочкой» и отверстием под ключ. От сердца слегка отлегло – была бы хитрая электроника или вензель Демидовых в уголке дверцы, то проще было бы уйти, убедив себя, что не могла быть начальница такой дурой... А так – ухмыльнулся Коля – посмотрим, на что он еще способен.

Взлом сейфов – вообще не его профиль, но это даже сейфом было сложно назвать. Так, пародия в расчете на случайных воришек, а скорее – деталь интерьера, чтобы дополнить образ большого босса. Всего дел – прикинуть расположение подпружиненной детали, которой блокируется засов замка от перемещения, и «надавить» на него стихией, даже покореженного дара на такое хватит. Щелк – и тяжелая, вроде бы надежная дверь легко распаивается к полному его удовольствию.

Дохнуло приторным запахом духов из открытого флакона у самой дверцы. Николай аж отшатнулся – еще не хватало, чтобы Машка унюхала, – и, подцепив двумя пальцами флакон, вытянутой рукой отставил его на дальний край стола. На обратном пути прихватил стул – проще рассмотреть содержимое сейфа сверху, не прикасаясь к нему.

Внутри – бумаги, сцепленные скрепками, уложенные в цветной пластик файлов, аккуратно сложенные стопкой. У левого края несколько миниатюрных кассет и черный корпус диктофона – все в прозрачном файле. Две пухлых пачки с алыми банкнотами у задней стенки, укрытые еженедельником от случайного взгляда.

А на самом дне сейфа, под другими бумагами, проглядывал серый картон личного дела – точно такой же, как у сотен папок в архиве.

Еще десяток минут Николай внимательно рассматривал содержимое, впечатывая в память расположение каждого листочка, каждого изгиба пластика – после его ухода все должно выглядеть абсолютно так же. Мысль, что он уже перешел ту грань, что отделяла простое любопытство от взлома с проникновением, вынуждала действовать максимально аккуратно. Визит в кабинет еще можно было как-то объяснить – мол, услышал шум, звон стекла, решил проверить... а вот насчет сейфа придется объяснять уже прокурору. Потому он и стоял, то закрывая глаза, чтобы восстановить содержимое по памяти до последней детали,

то открывая вновь, сверяя запомненное с реальностью. Когда Николай уверился, что запомнил все точно, рукой аккуратно поддел за самый низ, чтобы протиснуть под основание горки бумаг ладонь, и медленно перенес все на стол. Далее – разложить все послойно, «размазав» содержимое по плоскости стола. И последним аккордом – скинуть с себя кофту, подоткнуть ею низ двери, чтобы свет не пробивался в коридор, и закрыть дверь на ключ.

Чтение получилось... занимательным. Настолько, что Николай, еще не просмотрев и трети бумаг, начал беззвучно повторять: «Сволочи. Какие же они сволочи».

Информация никак не укладывалась в голове. Они же женщины! Даже дикие звери жалеют младенцев, а эти... сложно слово подобрать. Николай никак не мог назвать себя «чистеньким», но в такую откровенную грязь ни он, ни его отряд в жизни не лезли.

Если убрать эмоции... с-суки, какие они все же с-суки... Так вот, если все-таки убрать эмоции... Есть у одаренных логичная в общем-то особенность – тело под влиянием дара изменяется, привыкая пропускать через себя энергию, усиливается для восприятия нагрузок. Характер изменений индивидуален, как рисунок радужки или отпечаток пальца, влияет на него все: возраст, стаж, стихия, частота практик, наследственность, любимые заклинания и еще сотня других причин. Дар рисует внутри тела уникальную картину энергетических линий и их взаимодействия – поэтому, потеряв ногу, Николай практически утратил над стихией контроль. Теперь представьте, что в результате травмы, болезни или старости какой-то орган выходит из строя – одаренные не бессмертны и подвержены болезням, хоть и в куда меньшей степени, чем обычные люди. Можно обратиться к Целителям – они помогут, но тоже далеко не всесильны. Иногда нет другого выбора, кроме трансплантации органа.

И вот в тело одаренного, в его энергетическую структуру, в картину дара, вставляют осколок чужого тела. Если это орган другого одаренного – эффект будет похлеще забитого в зеркало гвоздя. Разве что сын поделится с отцом почкой или частью кожи, но только при условии, что они практиковали одинаковую стихию... и далее по списку. Без гарантий. Поэтому трансплантируют от обычных людей. В отлаженном механизме появляется крайне хрупкая деталь, сродни глиняной шестеренке в чугунном механизме паровоза. Чуть напряжешься – и разлетится в клочья, обрывая жизнь хозяина. Прирабатывать новую деталь придется очень долго, и чем больше возраст, тем капризнее дар относится

к поврежденному полотну тела.

Но давайте представим невозможную ситуацию – хорошо развитого, спортивного, абсолютно здорового одаренного, который к четырнадцати годам так толком и не коснулся своего дара. Его тело пронизано энергией, но из-за отсутствия практик вместо картины дара – чистый холст. Вырезай и латай любое старое полотно – рисунок на нем восстановится сам... и никаких ограничений на пользование даром.

Невозможная ситуация, совершенно. Во-первых, парень должен пройти мимо проверки на дар при рождении, при поступлении в детский сад, в школу и далее – на школьных медосмотрах. Во-вторых, соблюдать диету, заниматься спортом, быть достаточно интеллектуально и духовно развитым. В-третьих, не пользоваться силой, не тренироваться, не осознавать себя одаренным вовсе – иначе ведь сам потянется к стихии, не удержится. Невозможно, тем более при соотношении одаренных один к десяти тысячам.... Невозможно, особенно с учетом пристального внимания СИБ... Или очень, очень дорого. Какие же они все-таки сволочи, Максимка...

Николай в свое время очень плотно интересовался этой темой – сам ведь калека, но даже его воротило от мысли убийства ребенка ради обретения ноги или руки. Это надо быть совершенно повернутым головой, пресыщенным властью и беззаконием, чтобы равнодушно ждать, пока для тебя вырастят новое сердце, печень, почки. Эхом пронеслась мысль – куда же он вляпался?..

Куда более спокойно он прослушал записи на миниатюрных кассетах – диктофон показывал почти полный заряд, так что Николай понадеялся, что хозяйка спишет отсутствие одного деления батареи на саморазряд... если вообще заметит. Говорила только Машка, прямым текстом выдавая планы в ответ на вроде бы безобидные вопросы своей начальницы. Если послушать, то представлялось, будто единственным и главным организатором всего была именно дородная нянька. Директриса явно подстраховывалась, ступая по скользкой дорожке. Правда, ей эти записи вообще не помогут: стоит вылезти краешку правды – убьют всех. Причастных, не причастных, его – Николая, выжгут весь интернат. Заказчик не даст СИБ и шанса на зацепку. Потому что есть такие преступления, что не поможет ни титул, ни деньги, ни старые заслуги, ни собственная армия – такую гниду придут убивать все.

А диктофон продолжал петь тонким голоском еще вчера близкой женщины... И было там даже о нем самом – краешком, когда Мария обсуждала, как потратит целое озеро денег. В планах калеки не оказалось,

а когда начальница напомнила о стороже... От ответа в сердце кольнуло, виски налились тяжестью, как при смене погоды. Николай даже не ожидал, что это может быть так больно.

За окном алел рассвет, мягко намекая, что посиделки над бумагами надо бы сворачивать. Коля вернул все на место, тщательно воссоздав первоначальный облик, поднял с пола кофту, надел обувь и покинул кабинет, мрачно рассуждая: что же ему делать дальше?

Взять все и понести в ближайшее отделение? Допустим самый идеальный вариант – что его не убьют сразу, дело получит ход, виновных колесуют. Что дальше? А дальше его найдут родственники казненного – что-то вроде троюродных племянников, которых нельзя будет прицепить к делу – и устроят очень долгую и очень мучительную смерть. Справедливость и ее отсутствие тут ни при чем, традиции такие. Нельзя простолудину быть причиной смерти аристократа и остаться при этом в живых.

В долю к бабенкам он не пойдет – крохи души еще не выгорели, чтобы опуститься так низко. Да и не возьмут его в долю – убить дешевле.

Вывалить информацию журналистам, скинув конверт без указания отправителя? Интернат сгорит в тот же день.

Так и доковылял до своей комнаты, перекатывая невеселые мысли. А потом посмотрел на спящего паренька, зарывшегося под три одеяла, – и все вновь стало на свои места. У него ведь есть план? Найти родичей мальчика, огрести кучу денег и жить как князь! Так чем же это плохо? А насчет планов больших людей... Коля азартно улыбнулся и подвигал правым плечом, разминая, – вряд ли парень откажется от уроков стихии ветра. А если откажется – получит по шее. Старые методы – надежные методы, это вам любой из «Древичей» подтвердит.

Пройдет время, и парень получит свой рисунок силы. А дальше – как повезет. Если все сложится плохо, хотя бы заберет с собой в могилу заказчика. А родня мертвеца за такую подставу уничтожит исполнителей. Это тоже дорогого стоит...

Глава 3

Тайны подкроватья

– Ты весь сахар сожрал? – скорее утвердительно произнесли сверху.
– Н-нет, – выпалил я в ответ, одновременно переживая легкий стыд и сильную радость – меня все-таки не съели ночью.

– А тогда кто? – ухмыльнулась рожа со шрамом, продолжая нависать над постелью.

– Та-тараканы?

Я зажмурился в ожидании оплеухи.

– Вставай, главный таракан, – даже с некоторой теплотой отозвался мужик. – Считаю, свой сахар за следующую неделю ты съел.

Настроение скакнуло в сторону легкой грусти, ведь каждый знает – новый сахар всегда слаще съеденного.

– Угощайся, – кивнул он в сторону стола с парящими дымком чашечками.

Даже вставать не надо – пересесть поближе к окну и уже оказываешься за столом. Я обнял чашку ладонями и с подозрением посмотрел на сторожа, не торопясь пить. Сказку про Спящую царевну нам тоже читали. Тут, правда, не яблоко, но даритель тоже очень подозрительный.

– Давай знакомиться, наверное. – Сторож в два глотка опустошил свою порцию и отставил пустую посуду в сторону. – Дядя Коля.

– Ваня.

Сбегу – не поймает.

– Какой еще Ваня? – возмутились в ответ.

– И-иванов? – робко предположил я.

Сторож уперся в меня взглядом и сделал страшную физиономию.

– П-петров?

– Вот что, Максим, не крути мне нервы.

Я резко замотал головой и даже чашку отложил, чтобы вытянуть руки ладошками вперед – пусть видит, что ничего я не кручу.

– Спокойствие, – дядя Коля закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Тебя зовут Максим. Так? Не отвечай! Кивни. Вот. Максим, давай дружить?

Вам когда-нибудь предлагал дружбу ужасный монстр-людоед?

– Ня-ня-а-а!

– Тихо! Молчи! Да заткнись ты! – гаркнул он так, что в ушах зазвенело.

Я замолчал, но с подозрением поглядывал в его сторону, готовый заорать вновь.

– Нам ведь рядом жить... – замялся он на середине фразы, явно заметив мое скептическое выражение лица.

Точно сбегу.

– Упал-отжался! – рывкнул он так резко, что вспомнил я себя только на «делай – шесть!» на кулаках. – Кто мы?!

Я старательно сопел, с тоской поглядывая на дверь.

– Кто мы?! – рывкнуло снова на сотом повторе.

– Л-люди. – Насчет себя я не сомневался, а вот насчет...

– Кто мы? – уже спокойно спросил голос сверху и хлюпнул чаем из кружки.

– Н-не знаю, – отлипнуть от пола давалось с ощутимым трудом, счет сбился на середине второй сотни.

– Мы – друзья, – довольно подсказал дядя Коля, ставя ногу на мою спину. – Продолжай.

Н-на-афиг таких друзей!

– Кто мы? – заскучав, уточнил сторож через минуту.

– Д-друзья, – признал я поражение.

– Другое дело. Садись за стол, друг.

Я отлип от пола и перетек на кровать.

– Раз мы теперь друзья, вот тебе подарок. – Мозолистая рука передвинула на середину стола грубоватый браслет, сплетенный из трех проволочек. – Это чтобы ты никого не убил.

С удивлением перевел взгляд с браслета на сторожа и обратно. Так я ведь и не собирался никого убивать, зачем мне...

– То, как ты раскидал своих обидчиков, помнишь? – подтолкнул он меня к мысли. – Это твой дар, он тебя защитил. Но он может и убить, потому что ты его не контролируешь. Ты же не хочешь стать убийцей?

Я торопливо закачал головой. В интернат как-то приходили люди из полиции и объясняли, как плохо быть преступником, – собрали весь интернат в спортзале, а нас, самых маленьких, посадили первым рядом. Так что фотографии, которые нам показывали, запомнились надолго.

– Браслет станет очень горячим, если твой дар снова проснется. Дар не может навредить тебе, поэтому угаснет сам, когда металл браслета обожжет тебе кожу.

– Больно?

– Больно, – согласно кивнул дядя Коля, – но это лучше, чем кого-то убить.

С этим сложно было спорить. Я тяжело вздохнул, потянулся было за браслетом, но на середине пути замер, отдернул руку и чуть отодвинулся от стола.

– Что опять? – с еле сдерживаемым раздражением поинтересовался сосед.

– А если на меня опять нападут? – храбро вздернул я голову.

– Есть другие способы наказать обидчиков, – улыбнулся он одним краем губ.

– Я стучать не стану! – насупился я, сложив руки на груди.

– Мелкий, ты чем слушал? – откровенно скалился этот гадкий тип. – У тебя есть дар. И ты можешь сделать вот так. – Он сложил горстью руку и еле заметно толкнул в мою сторону.

В грудь будто ногой пнули, и сразу же лязгнули зубы от удара затылком о стену. Но боли будто бы не было, только изумление – от случившегося, от того, кто это сделал, и еще большее – от его слов.

Люди с даром – это такие супергерои, которые спасают мир и заботятся о нашем городе и стране. То есть вообще не я, и тем более не одноногий кошмар по соседству.

– Я – что? – потирал я затылок, с открытым ртом рассматривая сторожа. – Но... Вы?!

– Когда-то у меня было две ноги и здоровые руки.

– И что случилось? – спросил я, уже иначе смотря на соседа.

– Случилось то же самое, что лишило тебя родителей. Война. Так что мы с тобой в каком-то роде товарищи по несчастью. Понимаешь, о чем я говорю?

Улыбка сама пропала с лица, на глазах сами собой проступили слезы.

– Так что, друг, хочешь уметь так же? – Сторож сделал плавный пасс здоровой рукой, и металлический браслет сам по себе всплыл над столом – кренясь, сильно подрагивая, он парил по самому настоящему волшебству!

Я закивал так часто, что голова чуть не отвалилась.

– Я научу, но будет одно условие. Никто не должен знать о наших занятиях. Даже директор. Даже няня и твой самый близкий товарищ.

– Но как тогда драться?

– Я же сказал – научу, – подмигнул мне в общем-то не такой и страшный человек. Мой друг!

– А когда? – заерзал я на месте.

– Да хоть сейчас. – Дядя Коля встал, попытался заглянуть под кровать,

насколько хватило гибкости, и попробовал что-то выудить тростью, безо всякого успеха. – А ну-ка, малой, метнись на пол.

Слитный хлопок двух ладоней об пол раздался почти сразу – интересно ведь. Раньше старшие говорили, что там труп у него лежит, но я-то теперь точно знаю, что это вранье. Разве что он его по пяти ранцам рассовал – огромным, как у нашего физрука.

– Видишь самую дальнюю сумку?

– Эту какую?

– Которая самая пыльная.

Оценив слой пыли пальцем, я уверенно вцепился в баул зеленого цвета с грязно-желтыми разводами.

– Вижу!

– Тащи на центр комнаты. Ага, молодец, а теперь открой.

– А там точно трупа нет?

– Будешь кривляться – появится.

Прикусив язык зубами, я с предвкушением расстегивал тугой механизм замка, специально сложив края сумки складкой – чтобы потом резко дернуть в разные стороны и ахнуть от всяких магических штук! Вот только внутри даже блестящего ничего не было – какая-то форма цвета песка и массивные ботинки занимали половину всего пространства. Еще там была фуражка, фляга тусклого цвета, одна штука... О, бинокль!

– Ну-ка руки убрал! – возмутились над ухом, подкрепив приказ подзатыльником.

Пришлось отложить с огромной неохотой – я ж даже не взглянул через него.

– Во внутреннем кармане смотри, – направил мои поиски сосед.

Его содержимое оказалось еще скучнее – какие-то листки серой бумаги, маленькие книжки без картинок. Тем удивительнее были слова дяди.

– Вот то, что нужно, – с довольством утянул он находки из моих рук, быстренько просмотрел, пока не остановился на одной из книжиц. – На, читай.

«Ти-раж пятьсот экз.».

– Да переверни ты!

«Ме-то-ди-че-ски-е ука-за-ни-я»... – тщательно выговаривал я, водя пальцем по строчке.

– Стоп! – рядом, как от боли, скривился дядя Коля. – Кто так читает, а? Вас чему там учат?

– Ничему не учат, – удивился я.

– Это как? – пришел его черед удивляться.

– Меня в школу не пустили. Не хожу я туда, – со скрытой обидой пожаловался я сторожу.

– Так, понятно... – помассировал он переносицу, о чем-то напряженно раздумывая. – А вместо школы что?

– Ничего, – пожал плечами. – Утром спорт, потом кушаю, потом с младшей группой играю, потом кушаю, потом со своими играю, потом кушаю, потом спорт, потом снова кушаю, потом сплю...

– Чтоб я так жил... Понятно. Учебой, значит, тоже займемся.

– Мне дальше читать? – помахал я книжицей.

– Нет. Книжку выучишь до вечера, сам. Книжку никому не показывать.

– А-а?.. – разочарованно протянул я.

– Это проверка, – подмигнул он. – Вдруг ты учиться не способен.

– Это я-то не способен?! – возмутился в ответ. – Да я самый способный в мире!

– Тогда еще вот эту брошюрку выучишь.

– Но я скромный, поэтому не надо, – повернулся я спиной, делая вид, что уже начал учить.

– Как успехи? – поинтересовался через десять минут сторож, куда-то собираясь.

– Тираж пятьсот экз!

– Да переверни ты ее! Вечером приду, книгу не теряй, не показывай. И еще, Максим...

– А? – поднял я на дядьку взгляд.

– На самом деле книга – волшебная, – подмигнул он мне, потрепал напоследок волосы и ушел.

Так бы сразу и сказал! Я с новым интересом уставился на сложенные вместе листочки. Хм, а если ее съесть?

А еще через пять минут явилась няня – забрать на тренировки.

День прошел очень интересно! Я пользовался каждой свободной минутой, чтобы украдкой прочитать новую строчку и зубрить, пока делаю новый подход или пробегаю новый круг – за мной почти не следили, но все-таки пару раз я был очень близок к провалу.

В первый раз меня, усевшегося за куст во время утренней прогулки, заметила няня.

– Что ты там постоянно рассматриваешь? – чуть не подловила она меня.

Еле успел спрятать книжку, запрятав под трико.

– Ничего, – замотал я головой, поправляя складку от книги на штанах.

– Ты с... этим... поосторожнее, не повреди, – как-то странно на меня глядя, произнесла она.

«Да что бы ты понимала в магии, женщина!»

Второй раз пристали старшие на общей прогулке во вторую смену. Подвалили втроем, настороженно посматривая на меня. А еще у них были палки. А у меня – браслет, который не даст моему дару меня защитить. И никаких знаний, которые обещал мне дядя Коля... Хм, а вдруг он знал, что так случится, и не зря дал мне книгу?

– Синхронные энергетические всплески повышают абберрации на два порядка! – прогудел я волшебным голосом, взмахнув руками, как Дед Мороз на утреннике (он ведь тоже волшебник).

– Валим, он псих! – завопил крайний, утягивая за собой остальных.

– М-магия, – довольно протянул я, погладив книжицу в кармане.

В общем, книжку я выучил, и вечером, после полдника, с нетерпением ждал дядьку, чтобы похвастаться.

– Ты зачем страницы погрыз, а? – отреагировал он на протянутую ему бумажку.

Дядька пришел не с пустыми руками, а с целой кипой больших книг в белом пакете. Наверное, тоже волшебные.

– Я все выучил. – Вопрос я пропустил мимо ушей и демонстративно закрыл себе глаза. – Спрашивай!

– Серьезно? – неподдельно удивился тот. – В смысле – молодец! Понял что-нибудь?

– Ну... там слова сложные, – неохотно признался, – но я их все равно выучил.

– Тридцать шесть страниц, – листнул он книжку в самый конец. – Силен. Давай тогда с самого начала.

«Методические указания по развитию энергетики для младшего сержантского состава. Город Москва, тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Страница один. Аттестация на уровень «новик». А что такое «методические»?

– Вам рассказывали сказку про Иванушку и Кощея Бессмертного?

– Ага.

– Вот если бы ему сразу дали методические указания, то в них было бы написано: «Установить маяк на острове с одиноким дубом. Покинуть двухкилометровую зону. Осуществить бомбометание по пеленгу маяка». И все, нет ни дуба, ни сундука, ни утки, ни яйца, ни иглы, ни Кощея.

– Круто! А что такое «маяк», «пеленг» и «бомбометание»?

– Это... Не верти мне нервы, мелкий! «Методические» – значит только то, что нужно делать и знать, чтобы делать.

– И ничего я не верчу, – пробурчал я, глядя на собственные ладони.

– Дальше давай.

«Экзамен на ранг «новик» считается принятым при осознанном контроле экзаменуемого над Силой». А что такое «осознанный»?

– Это значит – человек должен понимать, как, для чего и что он делает. Дальше.

«Для быстрой подготовки рекомендуется посетить комплекс «Государевы фонтаны». Запись по телефону...

– Телефон забудь и не вздумай набирать! – заволновался дядька. – Тем более что никто нас на те фонтаны не пустит.

– Почему? – заерзал я на месте.

– Очередь там – отсюда и до небес.

– Ого, – побуравил я взглядом потолок. – «В полевых условиях рекомендуется концентрированное действие энергии на чувствительный участок кожи». Что такое «концентрированное» и «чувствительный»?

– По заднице ремнем били?

– Ну... Но это не я окно разбил!

– Вот это было концентрированное действие по чувствительному месту, – ухмыльнулся сосед.

– А может... ну его, это обучение? – Ниже пояса ощутимо зачесалось, а сам я с интересом присматривался к входной двери.

– Там все по-другому. Никакого ремня, сам потом увидишь, – отмахнулся сторож. – Просто нужно много этой самой «энергии» в одном месте. На «Государевых фонтанах», например, все наполнено этой энергией, она из-под земли идет. Но, как я сказал, нас туда не пустят. Дальше читай, сразу до конца страницы.

«На первом этапе необходимо почувствовать энергию под руководством инструктора. На втором этапе необходимо оказать воздействие на ощущаемый объем. На третьем этапе в энергетической среде устанавливаются подкрашенные цели. Задачей экзаменуемого является сдвинуть цели по часовой, а далее – против часовой стрелки, не прибегая к механическому воздействию».

– Все ударения переврал, – хмыкнул Коля, откладывая книжку в сторону, – но запомнил все точно.

– А что такое?..

– Сейчас сам все увидишь. Пошли за мной.

Идти никуда и не пришлось – только два шага сделать к самому столу,

в центре которого стояла стеклянная банка, наполовину заполненная водой.

Дядя Коля передвинул банку к краю, выудил из-под стола табурет, знаком показав присаживаться поближе, а сам встал рядом.

– Суй руку внутрь. До самого дна, не бойся, там обычная вода, – давал он довольно странные команды. – Так, сейчас не дергайся, немного водой поплескает.

На руку, покрытую водой, дуло холодным ветром – сначала чуть-чуть, а потом все сильнее, заставляя воду идти волнами, переливаться через край, закручиваться воронкой. Через пару секунд поверхность успокоилась, а от того, что было воронкой, осталась лишь тонкая, но длинная – до самого дна – нитка воздуха, от которого кругами расходились такие же маленькие волны. Я даже дыхание затаил, разглядывая. А потом... потом вода начала подниматься вверх, оставляя в самом низу пустоту. Я подвигал пальцами, уже освободившимися от воды, – необычно. А слой воздуха продолжал расти, пока не занял все пространство, где была моя ладонь.

– Здорово! – Я хотел было повернуться назад, где остался дядька, но был остановлен строгим голосом:

– Сиди спокойно, не вертись, руку не доставай. Рядом с твоей ладонью воздух, наполненный моей Силой. Постарайся найти отличия, почувствовать разницу, ощутить эту Силу... но ничего с ней не делай!

– А что будет? – сглотнул я, всматриваясь в пустое вроде бы место.

– Разобьешь банку – точно выпорю.

– Не буду я ничего делать! – пообещал с жаром, продолжая чуть ли не носом лезть в банку.

– Ну, чувствуешь что-нибудь? – нетерпеливо поинтересовался дядька, переминаясь за спиной.

Я внимательно прислушался к себе.

– В туалет хочу.

– Хм, а может, ты просто бездарь? – задумчиво раздалось в ответ. – Только мое время теряешь.

– Не-не-не! Я стараюсь! – Бултыхнул рукой в воде, со всей силой прислушиваясь к собственным ощущениям. И ничего – только сожаление растет внутри груди и слезы хотят наружу. Нет, я справлюсь! Просто дверь рядом, но я ее не вижу – как говорила нянечка, стоя напротив меня и разбитого окна.

Я закрыл глаза, склонил голову чуть набок и... решил поздороваться. То есть представил рядом с рукой маленькую грустную лягушку и молча сказал ей: «Привет!» А когда она промолчала – лягушки вообще неразговорчивые – погладил ее пальцем. Тронул – и что-то почувствовал.

Открыл глаза, ожидая увидеть край банки – а ладонь моя в воздухе парит... Показалось... наверное. Закрыв глаза – и снова попробовал... Она шершавая... как ботинки у заведующей, коричневые такие. Я вновь открыл глаза и тронул то же самое место – ничего. Закрыв один глаз – ага, вот она! Только вот провел пальцем – и что-то совсем она на лягушку не похожа, как по горке палец прошел. Как же ты выглядишь? Сощурился до рези в глазах, продолжая водить рукой по шершавым линиям, но так и не увидел его облик. Выходило, что оно совсем не лягушка, скорее облачко, прижатое к дальней стенке. Оно легко нажималось, если надавить пальцем, но почти сразу оказывалось как раньше – а дальше я проверять побоялся, помня про ремень.

– Есть! Шершавое и как облако. А еще оно плывет вверх.

– Точно? – недоверчиво уточнил дядя Коля.

– Оно еще такое... Не холодное, не горячее... Оно доброе! Ему... любопытно? – с удивлением понял я.

– Не ему, а тебе. Это отражение тебя в Силе, – поправил меня потеплевший голос.

– Так, значит, у меня получилось? – с надеждой, горя глазами, повернулся я к соседу.

– Получилось. Ты молодец! А теперь давай иди, полдник уже. И помни – никому ни слова! – довольно, как кот, улыбаясь, почти сразу выпроводил меня дядя Коля.

– Эй, а награда? Хоть бы сахару дал... – пробурчал я в закрытую дверь.

Дверь на мгновение распахнулась, пропуская кинутую верной рукой пачку рафинада. Такое не имеет право упасть на пол!

– Другое дело, – огладил я запечатанную пачку, встал с пола и отряхнулся.

– О, Максим, привет! – окликнули с другого конца коридора. – Ух ты, сахар! – добавили без перехода.

– Да, сахар, – важно ответил я, кивком приветствуя Сашку и Витю из младшей группы.

– А можно... кусочек? – нерешительно замялся Санек.

– Хм, – изобразил я раздумья. – Обмен?

– Обмен!

– Я хочу большую кружку, кеды с синей полоской и раскраску с карандашами.

– Это обойдется тебе в половину пачки!

– Десять кубиков, и в раскраске должно быть не меньше половины

чистых листов.

– Десять каждому! – переглянулись они.

– Идет!

Николай рухнул на постель без сил. Затратный ритуал, первый этап «воздушной вьюги», требующей выплеснуть кучу сырой энергии для формирования техники уровня «ветерана», забрал все резервы, а значит, с его побитой энергетикой о даре можно было забыть минимум на неделю. Как и планировалось в общем-то. Он прекрасно знал о последствиях, когда готовил посвящение.

Поэтому так важно было все сделать с первого раза, важно было надавить на парня, обратить краеугольную процедуру в пустяк, что совсем не просто – тут, в небольшой комнатке, с простой банкой и водой. Это вам не золотая роскошь «Государевых фонтанов», не удивительные «Дороги Самоцветов» в землях Шереметевых и даже не самый доступный, потому что очень хиленький, источник Силы на Арарате. Вместо торжества, гордости и ощущения причастности к чужому величию – проходной тест с первой странички погрызенной (паршивец!) методички. Может быть, потому и сработало – а на тех же «фонтанах» люди порой по два дня живут, пока что-то «проклюнется».

«Получилось, все получилось», – успокаивающе шептал себе Николай, продолжая бездумно рассматривать потолок. Но светлые эмоции не торопились смывать из души память о страшном напряжении последних минут. Потому что кое-что все-таки пошло не по плану – и именно поэтому дрожат кончики пальцев, размазывается мир вокруг – стоит открыть глаза, дико колотится сердце.

Волнами возвращалось ощущение страшного, ужасающего чувства потери контроля над вздорной стихией. Чувства, как пальцы, соскальзывают с удерживаемого булыжника Силы, под которым замер, стараясь, вихрастый мальчуган. Сломанный дар напомнил о себе – то, что раньше он мог удерживать часами, порвало удила.

Можно было развеять несформированную технику, пока есть возможность – не такая уж и редкость, когда бой вынуждает отменять заклинание, так что навыки наработаны. Так даже сейчас, калеккой, он мог бы легко «стряхнуть» с пальцев «вьюгу»... Но Николай продолжал ждать. Дурное упорство, опасное и глупое, – это он почему-то понимал сейчас, но не тогда, раньше, стоя за спиной пацана и искренне желая ему удачи.

Николай не хотел ломать Максиму веру в себя, не хотел переносить

ритуал на неделю, да и просто... просто верил, что пацан справится. Потому стоял, вцепившись в зубы в нижнюю губу, до крови... и держал своевольное заклятие, которое могло бы убить их обоих.

А когда парень все-таки ощутил стихию и Коля наконец-то скинул энергию в фундамент (гнилые трубы через полгода гарантированы), его накрыл еще один шок – в этот раз совсем с другой стороны, от самой мирной вещи в комнате. От обычных часов.

Десять минут от момента начала ритуала до завершения. Что в пересчете на потенциал боевого ранга равнялось... Т-твою же мать.

– Кто ж твой папка, Максимка? – просипел Николай в потолок.

Разумеется, парень мог быть «самородком», но куда чаще бойцы ранга «учитель» и «мастер» рождались под громкими фамилиями. Простая генетика, сравнимая со способностью видеть в темноте у ночных животных или возможностью улавливать вибрации за километры у водных жителей, – то, что помогает выжить, усиливается с новым поколением. У старых семей выживание связано со способностью убить и не быть убитым, поэтому в их среде внимательно выбирают жен и женихов, и уже через какое-то тысячелетие добиваются рождения детей с потенциалом не ниже ранга «ветеран». Поговаривают, есть семейства, где рождаются исключительно будущие «учителя» и даже выше... Разумеется, потенциал – дело такое, его прибором не измерить, но есть и косвенные признаки. Вроде времени, которое тратится на первый поиск и «понимание» энергии дара. Не ощущения, а именно понимания – и не со стороны человека, а будто сама энергия касается его, заинтересовывается, отражает в себе человека, дает себя почувствовать, признает право управлять собой. Главное – сосредоточенно искать, не думая о постороннем, желать найти разлитую рядом силу. И она откликнется – через какое-то время. Иногда через час, иногда успеет пройти несколько дней. А у тех, кто по праву крови, кто по праву океана усилий прежних поколений куда ближе к дару, – десятки минут. Что в общем-то и позволяет говорить об огромном потенциале.

Честно говоря, Николай рассчитывал на пару часов ритуала – был уже опыт в «Древичах». И даже когда заклинание срывалось, мог бы продержаться пол часа. Да и ощущал он себя после скинутого заклинания, будто эти самые полчаса и прошли. Ан нет, десять минут...

Тоже деталь общей картины, подспорье для поиска.

Этим утром Николай успел посетить роддом, в стенах которого появился на свет его новый сосед. Успел потоптаться в регистратуре,

выспрашивая про сотрудников-ветеранов родильного, и посетовать вместе с заведующей на уход отличных специалистов. За шоколадку и большую банку кофе его даже пустили порыться в личных делах детей. Не сразу, разумеется, а после искренней и насквозь выдуманной истории про дочку-дуру, сдавшую ребенка и не сказавшую деду... а теперь старику-инвалиду помирать, так и не увидев внука. К его рассказу, по вечной русской традиции, отнеслись с полной верой и женскими охами. Тем более что он знал и имя, и фамилию парня, и дату рождения (еще бы, анкету он зазубрил намертво). Расчет был на то, что, допустив к одному документу, дадут просмотреть все бумаги – а значит, где-то рядом будет анкета матери.

Но помочь не смогли – бумаги того времени оказались аккуратно изъяты, о чем местное начальство не догадывалось все эти семь лет. Под шум начавшегося переполоха Николай предпочел покинуть здание, выцарапав для себя напоследок парочку домашних адресов акушерок, работавших в те годы, но уволившихся. Тоже какая-никакая зацепка, хоть Коля и не верил, что женщины вспомнят одну из тысяч... тем более по прошествии стольких лет.

Следующая попытка обещала отнять гораздо больше времени и запросто могла завершиться очередным тупиком. Николай планировал отыскать родителей Максима. С одной стороны, подспорьем будут известные данные. Он знает, что они сильны, он знает о длинной родословной, он может определить их даже по внешнему виду – ведь их копия проживает на соседней кровати! Но, с другой стороны, чем сильнее семьи, тем тщательнее они относятся к тому, чтобы о иных делах никто не узнал, а книги по истории, газеты и журналы печатали «правильную историю», а не то, что было на самом деле. У высшей аристократии есть правда, в хронологиях и летописях, но где высшие, а где он? До реальных данных придется добираться через друзей-товарищей, что совсем не быстро.

Была еще одна искорка шанса – Сила Крови, индивидуальная особенность любой древней семьи. У Максима – нечто связанное с электричеством. Осталось только послать открытку Деду Морозу с просьбой рассказать, у какого рода есть подобная способность. Потому что с таким вопросом в любом другом месте пошлют уже его самого.

Ну а пока неспешно длится поиск, придется заниматься образованием парня. Не от огромной доброты – отчет ведь придется держать перед родичами Максима. Николай вроде бы и не обязан, и в школу пацана не пустил совсем не он, но... Гораздо выгоднее предстать перед аристо в роли не пьяницы-сторожа, а заботливого ветерана. Тем более что учеба –

она сближает, а близкого найденышу человека наверняка не кинут.

Да и парень уж больно сообразительный для своих лет. Говорят, это тоже признак породы. Когда за тысячелетия войн дети становятся взрослыми в десять и идут воевать, когда возглавляют семьи, потому что взрослые уже мертвы, когда вынуждены управлять целыми заводами, потому что кровь-от-крови и никто другой не смеет встать во главе, – тогда получается такое потомство. Уж лучше счастливое детство...

Что же касается Силы и освоения Дара – идти куда-то дальше экзамена на «новика» воздушной стихии Николай откровенно опасался. Потому что снова – родня. Он понятия не имел, какую стихию практикует род Максима, но наверняка знал, что, если она не совпадет с воздухом, а он продолжит занятия, кое-кто будет очень недоволен. Потому что чем больше осваиваешь что-то, тем сложнее будет переключиться на другое. А «новика» и общих тренировок вполне хватит для развития Узора парня. Совсем необязательно идти дальше.

Подводя итоги, Николай со спокойной душой позволил себе уснуть на пару-тройку часов.

Тот факт, что брошюрку-то парень выучил до самого конца, отчего-то совсем не всплыл в памяти. Наверное, потому, что изложенное в ней совершенно невозможно было одолеть самостоятельно. Ну он так думал...

Глава 4

Тайное, которое явное

– Что ты на меня так смотришь? – Дядя Коля вильнул взглядом.

«Математика – восьмой класс! – выразительно прочитал я, громко переложив книгу с места на место. – Не-ор-га-ни-чес-кая хи-ми-я»!

– Я попросил книги, чтобы стол подпереть, – что дали, то и принес! – буркнул сторож, отворачиваясь к окну.

– И мне это учить? – возмущенно потряс я крупной книгой с надписью «География Империи» над головой.

– Ну, это тоже волшебные книги, – осторожно протянул дядя, – просто ты пока маленький и глупый, чтобы их понять.

– Да ну? – Я прищурил глаза и повернул голову чуть набок – пусть видит, насколько я ему не верю.

– Доказать? – Сосед шагнул вперед, перехватил том из моих рук. – Вот, смотри!

И распахнул обложку.

– Это что? – уставился я на картину, раскрашенную в синий, желтый и зеленый.

– Это изображение нашей страны с огромной высоты, – терпеливо объяснил сосед. – Вот это белое – северный полюс, вечный снег даже летом. Там живут белые медведи. Синее – Северный ледовитый океан, а все что ниже, до вот этой черты, наша страна. Вот это – огромные горы, тут – самое большое в мире озеро, это пятнышко – наша столица, Москва.

– Круто! – ахнул я и еще долго изучал волшебную страницу, спрашивая у дядьки подробности. Водил глазами по ниточкам рек, от самого их начала до морей и океанов. Считал – и постоянно сбивался – количество городов. Пытался растопырить пальцы так, чтобы большой стоял на Владивостоке, а указательный на Москве – не получилось.

– А вот эта маленькая точка – наш город, – ткнул дядька ногтем к самому морю наверху и слева страницы.

– А где я? – появился самый главный вопрос.

– Ты слишком мелкий для этой карты, – усмехнулся Коля.

– Так зачем она, если там нет меня? – возмутился я в ответ. – Хотя бы имя могли написать! И стрелочку.

– Не принято писать на карте имена отдельных людей.

– Ну вот же, написано: «Княжество Истоминых». Почему Истомина можно писать, а меня – нет?

– Потому что это его земли, – теряя терпение, пояснил дядька. – Вот будет у тебя княжество, тогда и твоя фамилия тут появится.

– Вот на этом маленьком клочке? Мелковато, – хмыкнул я.

– Ладно. Если захватишь весь мир, то тут на всю длину будет написано твое имя.

– Так что тянуть, у меня и фломастер есть!

– Ты не понял: сначала захватишь – потом появится надпись. И не сразу, а где-то месяца через три-четыре.

– Долго, – покачал я головой, незаметно откладывая книгу за спину.

Ночью я все-таки стану императором мира! Дважды – синим и красным фломастером!

– Ух ты! А эта – тоже волшебная? – схватил я следующий том. – «Ка-ма...»

– Хм, как она сюда попала... Отдай!

– Мое!

– Это очень сильное колдунство!

Я внимательно проследил за движением томика, заметил, куда он его запрятал, и поставил второй целью после бинокля.

«Фи-зи-ка, восьмой класс», – значилось на потрепанной невзрачной книжице. Наверное, скучная – я равнодушно переложил ее во вторую стопку.

– Зря выкидываешь, – прокомментировал дядька.

– И что там интересного? – Я все-таки полистал желтоватые страницы и даже попытался прочитать часть текста – ничего не понятно.

– Узнал бы, почему греется твой браслет, – кивнул он на мою левую руку. – Восьмой класс – это электричество. Твой дар – электричество.

– Пригодится, – согласился я, совсем иначе посмотрев на загадочный том.

Книга вернулась обратно и для верности была прижата коленкой.

– Тогда занимайся. – Он лег на кровать и повернулся спиной.

– А когда ты научишь меня драться? – напомнил я о старом обещании.

– Подойди к стене и ударь ее, – пробормотал он, засыпая.

Пожав плечами, подошел к голой стене и лупанул ее кулаком.

– Больно! – потряс я ладонью и подул на костяшки.

– Бьешь стену – она бьет тебя в ответ. В драке всегда так. Победишь стену – буди, – зевнул дядька и уснул.

Наверное, очередная проверка. Я с подозрением оглядел стену, еще раз

лупанул ее и вновь затряс рукой. Стена явно сильнее, и хорошо, что не бьет первой.

Надо использовать волшебство, только вот как? Для проверки гаркнул загадочную и волшебную фразу из заученной брошюрки и взмахнул рукой. Ушиб руку о край своей постели и добавил в заклятие еще пару сильных фраз, подслушанных у соседа. Не помогло – стена осталась целехонька.

– Что же делать? – погрузился я. Не ломать же пальцы...

Попытался было вспомнить чувство энергии, которое заставлял меня отыскать дядьку, и даже вроде бы что-то такое нашел, но удар по стене снова вышел таким же бестолковым и болезненным. Наверное, я просто чего-то не знаю. Но зато это есть в волшебных книгах!..

– ...которые я совсем не понимаю, – вздохнул, усаживаясь на кровать.

Покрутил в памяти запомненные страницы, не находя ничего, что мог бы понять настолько, чтобы использовать. Прошелся по комнате, сердито поглядывая то на соседа, то на стену. И то и другое хотелось стукнуть, но не могло. В итоге пнул пустой пакет из-под книжек и больно ушиб мизинец – там, оказывается, что-то оставалось. Глянул на самое дно – действительно, черная книжка с золотистыми буквами. Тяжелая и вроде не такая маленькая, чтобы потеряться, – просто пакет большой. Поднял, потряхнул и тихо прочитал: «Сло-варь». Хм... Хм! Губы расплылись от сладостного предвкушения, как от второй котлеты на добавку.

Словарь не подвел! За что и был упрятан под матрас – еще найдут и отнимут, а такое волшебство и самому нужно!

Вроде бы непонятные и странные слова оказались не такими и сложными – просто взрослые любили назвать одним загадочным словом пять простых. И надо было всего-то: добиться, чтобы мой дар покрыл два раза весь кулак, а затем ударить! Ну там еще было две страницы, как все это сделать, но, когда на улице было совсем-совсем темно и тихо, я все-таки справился!

Удар прозвучал упавшим с верхней полки чемоданом и разошелся по всей комнате дрожью пола, звоном подпрыгнувших чашек, дребезжанием окон и матом проснувшегося дяди Коли.

– Ты что сделал, гад?! – в ужасе смотрел он на огромную дыру в кирпичной кладке стены.

– Это вообще не я, – замотал я головой, огромными глазами глядя на дядьку.

– А кто?!

– Т-тараканы?

Но главное – стену я победил! И потом гордо ходил мимо нее, потому

что сидеть было больно.

Рядом бродил кругами сторож, то и дело бросая разъяренный взгляд на рисунки из раскраски, которыми мы прикрыли дыру. А зря, рисунки отличные: с сине-красным жирафом и сине-красным слоном. Сам делал!

– Ты хоть понимаешь, что было бы, ударь ты чуть сильнее?

– Что?

– Улица тут была бы! Это же капитальная стена! Скажи спасибо, что половина интерната не сбежалась.

– Спасибо.

– А если кто-то узнает о твоём даре, что будет?

– И что в этом плохого? – шмыгнул я.

Сторож схватился за голову рукой и сел на кровать. Долгое время молчал, о чём-то напряжённо думая, а когда поднял голову – посмотрел собранно и строго.

– Вот скажи мне, пистолет – это хорошо или плохо?

– Плохо? – неуверенно предположил я, растерявшись.

– А если он в руках у человека, который защищает себя и свою семью?

– Тогда хорошо, наверное.

– А если он перейдёт в руки преступнику?

– Ну...

– Пистолет – не плохой и не хороший. Пистолет – просто пистолет до тех пор, пока он не попадёт в руки хорошего или плохого человека. Твой дар – это такой же пистолет, он тоже не плохой и не хороший. Но многие плохие люди захотят получить его себе.

– Но он принадлежит мне! – искренне возмутился я.

– Нет, – хлопнул он рукой по постели, – у тебя нет покровителей, нет защитников! Если твой дар обнаружит директор, именно она будет решать, что с ним делать – продать, отдать или оставить себе.

– Да как вообще можно продать чужой дар!

– Вместе с человеком. Вот так, – выставил он протез вперед и приподнял штанину, показывая тусклый металл вместо ноги. – Я сам продал свой дар. Смотри на результат!

– Вы, сами? – не веря, повторил я вслед.

– Да. Продал на двадцать лет. Это называется «служба». Но это мой выбор, – отвёл он взгляд. – А тебя, если обнаружат дар, продадут без твоего ведома. Если уже не продали.

– Но так же нельзя? Я – против!

– Тебя никто не спросит. Тебя заставят. Ты не владеешь даром в той мере, чтобы защитить им себя и свою свободу.

– Так научите!

– Не могу! – повысил он голос. – Что мне скажут твои родители, когда... – неожиданно замолчал он и продолжил совсем иначе: – Поэтому нам надо держать все в тайне.

– Мои... родители? – Что-то во мне щелкнуло, включив совсем другой звук. Холодный, лязгающий, чужой.

– Я хотел сказать – твои родители наверняка бы хотели...

– Николай...

Дядька как-то съежился, будто от удара, и совсем иначе посмотрел на меня. Раньше-то я видел всякие взгляды, от рассерженных до добродушных, но этот – он был с испугом. Справился с собой дядька быстро, вернув прежний усталый вид, но теперь старался смотреть мимо меня. Я хотел было извиниться, но сосед заговорил первым.

– Я не знаю, живы ли они, – пробормотал он. – Скорее всего, нет. Извини. Но есть шанс, что живы дедушки, бабушки, тети или дяди, это почти наверняка.

– И зачем я им нужен?

В интернате были те, у кого остались родственники, но они как-то не торопились забирать детей к себе.

– В таких семьях, как у тебя, родство очень сильно. Ты не представляешь насколько. Троюродный брат, двоюродный дядя, крестные твоих родителей – все они будут счастливы с тобой встретиться и забрать к себе.

– Так почему я все еще здесь? – тихо, уже своим голосом, проговорил я.

– Тебя записали под чужим именем, документы спрятали. Наверное, так тебя хотели защитить от врагов, – понурился дядька и принялся медленно приводить штанину в порядок, что с одной рукой не очень-то удобно.

Я присел рядом и поправил складки брюк.

– А как вы узнали, ну... про меня?

– Твой дар – он как вторая фамилия, – улыбнулся он сверху.

Дядя Коля переставил ногу поудобнее, оперся рукой на клюку и начал медленно рассказывать историю о своих поисках, неприятных открытиях, опасениях и их подтверждении. О злой ведьме-директрисе и ее сподручнице. О потерянном принце и калеке-помощнике. О главном злодее-людоеде, скрытом где-то во тьме. О его, дяди Коли, решении ничего мне не говорить, но продолжить поиски. Все смотрелось увлекательной сказкой, в которой пока не было счастливого конца. И самое страшное –

я был главным героем.

– А если они не найдутся? Мои родные... – хмуро смотрел я в пол. – А я так и останусь слабым.

– Даже если мы продолжим тренировки, я не смогу дать тебе что-то больше той паршивой книжки! – качнул дядька головой. – Этого недостаточно.

– Вот так просто сидеть и ждать? – возмутился в ответ, собираясь всерьез обидеться.

– У тебя есть козырь. Твоя родовая Сила Крови. Изучи ее, поставь себе на службу, – без тени улыбки посоветовал он мне. – Она сильнее всего, чему я могу научить.

– Вы можете?

– С электричеством я тебе не помощник. Не моя стихия. Общие приемы ты выучил.

– И что мне делать?

– Занимайся физикой, – кивнул он в сторону отложенных на тумбу учебников. – Экспериментируй. Дар не может тебе навредить. Только очень, очень прошу!.. – спохватился он и серьезно занервничал.

– А?

– Не сожги интернат!

– Да никогда в жизни! Слово императора! – гордо приподнял я подбородок.

– Ну-ну, – сменил он тревогу на улыбку. – Еще совет... Тот голос... твой голос, которым ты... ну... – совсем запутался дядька.

– Я его сам испугался, извините. Я больше никогда...

– Тренируй его! – к моему удивлению, перебил меня дядька. – Это тоже твой дар и твоя кровь.

– Понял, – почесал я затылок.

– Давай спать, ночь уже давно, – посмотрел на часы сосед и улегся на спину. – Свет погаси.

Напоследок я потянулся за потрепанным учебником, листнул десяток страниц, ничего в них не понимая, с горечью отметив, что одним словарем тут никак не обойтись.

Утро встретило меня за углом коридора, окликнув хрипловатым голосом старшего – из тех, кто должен был в конце года выпускиться, а значит, уже чувствовал себя настоящим взрослым. Здоровый, стриженный под лысого бугай в спортивном трико подпирал стену в двух метрах от поворота и явно ждал меня.

– Говорят, ты можешь достать сахар? – вальяжно протянул центровой,

подойдя вплотную.

О! Тренировки! Я закрыл глаза, вспомнил свои чувства... Спина сама собой распрямилась, чуть поднялся подбородок. Глаза открыл совсем другой человек.

– Кто говорит? – Голос лязгнул металлом – тем самым, что родился в ночной беседе.

– Люди, – забежал глазами центральной и вынул руки из карманов. – Так что, обмен?

– Мне нужен восьмиклассник, с пятеркой по физике, – после десятка секунд раздумий произнес я.

– К-какой? – растерялся парень.

– В очках, – тронул я переносицу.

Все умные – в очках, это все знают.

– Е-есть такой, – поспешно кивнул он. – Его побить?

– Доставишь целым, с книгами и тетрадью, сегодня вечером. Плачу тридцать кубиков.

– Договорились!

Что-то он как-то быстро убежал. Хм... А ведь работает голос!

Ободренный успехом, я зашагал в сторону столовой. Тренировка продолжается! И пусть только попробуют не дать мне вторую котлету...

Глава 5

Дружба и котлеты

Восьмиклассник выглядел потрепанно, прижимал бумаги к груди и испуганно поглядывал сверху вниз через толстые линзы пластиковых очков. Белая помятая рубашка и короткие штаны, с выглядывающими носками и коричневыми ботинками – кто так одевается! То ли дело я – в кедах с синей полоской! От своих коричневых ботинок я избавился еще вчера.

– Твой заказ, – подтолкнул парня в спину центральной, заставляя сделать пару маленьких шагов вперед.

– Точно отличник? – с сомнением посмотрел я на предмет обмена.

Владелец столь ценных знаний должен внушать ужас! Ну я бы точно внушал ужас, я уже тренируюсь.

– Дневник, – скомандовал центральной, принимая из рук парня толстую тетрадку в серой обложке и разворачивая передо мной. – Сам смотри, все четвертные – пятерки.

– Тут тройка, – придрался я, взглядевшись в расчерченные поля.

– Это физкультура.

Я с умным видом покачал головой.

– Тридцать, как договорились, – протянул я ему полиэтиленовый пакет, с интересом изучая свое приобретение. Приобретение нервничало.

Лысый бугай вскрыл пакет, выудил из середины кубик, с загадочным видом лизнул грань и замер, будто прислушиваясь к чему-то, – даже глаза прикрыл.

– Все в норме, – кивнул он, прячя пакет за отворот спортивной. – Будет еще – найди меня.

Суетливо оглянувшись по сторонам и с деловым видом ушел в сторону лестниц.

– Кажется, я знаю, кем он будет, когда вырастет, – вздохнул восьмиклассник ему вслед.

– Он не сможет от этого уйти, – мудро согласился я. – Потом выпадут зубы, испортятся почки, пожелтеет кожа.

– Да...

– Печальна судьба сладкоежек.

– Ч-что?..

– Пошли за мной. – Я уже махнул рукой и направился в нашу с дядькой комнату.

Позади неуверенно шлепал мой новый учитель физики. Только дикий какой-то, как Лайка, которая бегала у нас в парке. Тоже всех боялась, пока не прикормили. Точно!

– Будешь котлету? – придвинул я ему тарелку, доверху наполненную жареным лакомством.

Мы устроились на моей кровати – я ближе к столу и котлетам, а он на самом конце, у двери.

– С-спасибо, нет... – посмотрел он голодными глазами на мясо.

Ну, Лайка тоже поначалу отказывалась.

– Вку-усная котлета, ам-ам! На? – протянул я тарелку в его сторону.

– Я правда не хочу, спасибо. – Теперь он смотрел с диким испугом и отодвинулся еще дальше.

Не доверяет! Ничего, главное – дружелюбный голос.

– Давай тогда знакомиться, – миролюбиво улыбнулся я, положив котлеты обратно. – Тебя как зовут?

– Семен, – осторожно пожал он протянутую мною руку.

– Максим, император мира. Что ты так смотришь? Это не я придумал, это в книге написано. Хочешь, покажу?

Доказательство моей правоты предъявить не успел – в комнату ворвался чем-то очень, очень разозленный дядька.

– Так, ты тут, да?.. – прошипел он, громко захлопнув дверь за собой.

Я тут же сунул тарелку с котлетами на коленки Семену и защитился подушкой. Не знаю зачем. У взрослых это зовется интуицией.

– Помогите, меня продали за тридцать кубиков сахара! – запищали сбоку.

– Молчи и жуй! – втолкнул я ему полкотлеты в рот, смекнув, что уж лучше огрести только за что-то одно.

– Значит, это ты из столовой котлеты упер, – мрачно сообщил дядя Коля.

– Мне повар сама их отдала! – с обидой возразил я.

– А еще деньги и часы?! – взревел дядька.

– Там не так все было! Я просто стоял и смотрел! – принялся я объяснять.

– Да ну?!

– Честно! Я пришел и попросил добавку. Ну... своим голосом... Она мне положила котлету. А я стою и смотрю. Она положила мне еще котлету. Я стою и смотрю...

– Дальше!

– А дальше у нее кончились котлеты, и она положила часы!

– И ты не мог ее остановить?! – вцепился он рукой в волосы.

– Мне было интересно!

Пока мы ругались, рядом дожевывал третью котлету Семен.

– Верни тарелку, предатель!

– Так, а это кто? – чуть успокоился дядька.

– Меа поали, – невнятно выдал этот гад.

– Он говорит: меня поймали. Представляете, вхожу, а он наши котлеты ест!

Справа закашлялись и схватились за горло.

– Не обращайтесь внимания, он все равно скоро умрет, – успокоил я дядьку.

– Паааайте! – просипело рядом.

Дядька подошел ближе и пару раз сильно стукнул парня между лопаток.

– Вот-вот, лучше добить. Клюкой его, клюкой!

Но Семен почему-то откашлялся и теперь злобно смотрел на меня.

– Я пошутил, – уточнил и передвинул подушку так, чтобы защититься от обоих.

– Где деньги и часы?

– Не брал я их, сложил в шкафчик на кухне. Ну, большой такой, с вещами.

– Ладно. Может быть, обойдется. – Дядька провел рукой по лицу и вздохнул, успокаиваясь.

– Обязательно обойдется, – убежденно согласился я, с опаской глядя, как восьмиклассник убирает очки в карман, продолжая неотрывно смотреть в мою сторону.

Что-то это никакая не Лайка!

– Семен, давай дружить! У меня бинокль есть!

– Да? – с недоверием рыкнул старый тигр, замерев перед прыжком и подслеповато прищуриваясь.

– Нет у тебя никакого бинокля, – фыркнул сторож.

– Р-ра! – метнулось навстречу мне тело.

В подушку влетело нечто огромное, переворачивая меня на спину и прижимая к постели. По бокам подушки часто-часто захлопали несильные удары, не добираясь до меня, а сверху зло пыхтел Семен.

– Замерли, резко! – гаркнул в ухо голос сторожа. – Максим, кто это?

– Это мой новый учитель физики, – пропыхтел я, пытаюсь

освободиться.

– А, ну тогда продолжайте, – протянул удаляющийся голос.

– То есть все нормально, да?!

– Хм, да не очень. Парень, бей чуть ниже.

– А я?!

– А ты – месяц без сахара! Работотрговец хренов... Как будто мне больше делать нечего, там еще какой-то придурок ботинки в канализацию смыл... – И хлопнула входная дверь.

Следующие удары попали точь-в-точь по ребрам. Я зашарил руками, пытаюсь вцепиться и опрокинуть противника на пол, но он был слишком тяжел, а я вдобавок вжат в самый центр матраса, вогнувшегося под нашим весом. Но тут мне улыбнулась удача!

– Не делай резких движений – я настроен очень серьезно! – Я схватил руками нечто очень дорогое Семену и чуть дернул на себя.

– Ай! Отпусти! – запаниковал парень.

– Еще одно резкое движение, и я сожму руку! Я не шучу! – добавил я строгости в голос.

– Ты не посмеешь!.. – А уверенности-то в голосе маловато!

– Проверим? У меня силы хватит – никто потом не починит!

– Спокойно, не делай глупостей, – с тревогой произнес Семен.

– Медленно поднимись! Медленно, я сказал!

– Я делаю, делаю, видишь? – Подняв руки вверх, парень сел на кровать, все еще находясь над моими ногами.

Я скинул подушку на пол, продолжая крепко держать его за самое ценное.

– Ногу на пол! Встаешь очень осторожно!

– Максим, только не нервничай, мы все решим, – сглотнул он, глядя вниз.

– На счет «три» я отпускаю. – Пододвинувшись к столу, я ухватил банку с водой другой рукой. – Только дернешься – замочу!

– Я все понял! – закивал восьмиклассник.

– Раз, два, три!

Семен осторожно опустил руку и выудил из кармана очки.

– Уф, целые, – с великим облегчением произнес он, протирая линзы и цепляя пластик на переносицу. – Если б ты их разбил, я не знаю, что с тобой сделал бы...

– Еще не поздно проверить, – угрожающе придвинулся я.

– Спокойно! Претензий нет, расходимся миром! – попятился он к двери, держа руки на виду.

– Стой. Один вопрос. – Кое-что в случившемся не давало покоя.

– Слушаю?

– Почему у тебя тройка по физкультуре?

– Я на уроках дерусь, – вздохнув, честно признался Семен. – А ты правда император? Или... того... – как-то странно покрутил он рукой у виска.

– Нет, – шмыгнул я, потирая ребра. – Но обязательно стану! Только физику выучу... И без тебя справлюсь!

– Чем тебе физика-то поможет? – не понимая, пожал он плечами.

– Тайна, – насупился в ответ.

Семен недоверчиво покачал головой, но приставать не стал.

– Слушай, а что там с биноклем? – со сдержанным любопытством произнес он, уже хватаясь за дверную ручку.

– Вон в том ранце лежит, но трогать дядька запрещает, – скривился я, ткнув пальцем под кровать. – Зато есть вещь поинтереснее! Книга! Волшебная, кстати.

Я выудил из тайника под тумбой ту самую книгу, что не дал мне посмотреть сторож, и с загадочным видом раскрыл перед Семеном.

– Ух ты! – раскрыл он рот, глядя на красочные картинки. – Вот это да-а!..

– Ага, такого ты нигде не увидишь! – с важным видом кивнул я, листнул еще две страницы и захлопнул книгу перед его носом.

– А может, в библиотеке есть? – усомнился Семен, с надеждой глядя на закрытый том.

– Такого точно нет! – припечатал я ладонью по обложке.

– Посмотреть все равно стоит.

– Ну-ну, надейся, – упрятал я книгу обратно, подальше от светящихся глаз Семена.

– Я название запомнил, проверю, – прогудел он.

– Удачи! – отвернулся я, прощаясь с последней надеждой чем-то заинтересовать несостоявшегося учителя.

– Слушай, Максим...

– Мм?

– Ну, если не найду, покажешь книгу еще раз? – робко поинтересовался Семен с порога.

– Только в обмен на уроки! – ухмыльнулся я, стоя к нему спиной.

– Заметано! – обрадовался парень и осторожно прикрыл дверь.

Попался! Я вновь выудил ту книгу и с благодарностью провел по гладкой поверхности.

– А ты действительно волшебная, – признался ей и с нежностью назвал по имени: – «Ка-маз. Ин-струк-ци-я по эк-сплу-а-та-ции и ре-мон-ту».

Прибрался, сходил на ужин, вновь восхищенно поразглядывал красивые, яркие изображения огромного красного автомобиля, а потом пришел мокрый и очень злой дядька. Книга лежала уже на своем месте, а я с умным видом уставился в «Физику», разглядывая непонятные загогулины. Сторож вобрал было воздух в легкие – явно не для того, чтобы похвалить, но тут я легонько пододвинул одеяло, показывая ботинки под кроватью, рядом с кедами.

– Ладно, – выдохнул он. – Помоги переодеться.

– Я потом погуляю?

– Иди, – устало завалился он на кровать, разминая ногу рукой.

Чуть позже, подхватив ботинки, я осторожно прокрался в дверь, рыскнул глазами по коридору, пока не заметил призывное движение рукой под лестницей.

– Спасибо, друг, – ссыпал я в ладошку Сашке два куска сахара и вернул ботинки.

– Обращайся, – счастливо шмыгнул парень, уносясь к себе в комнату.

Надеюсь, к утру дядька про ботинки забудет. Так и получилось – наверное, еще и потому, что ночью к нему заявила нянечка и меня выставили на полчаса в коридор. Походив под дверью и окном и прислушиваясь к длинным стонам, поначалу подумал – пытается дядька вражину. А как встретил потом покрасневшуюся и довольную нянечку в коридоре, сразу все понял. Сахар мой ели.

Глава 6

Одиночество и кошки

– Это Маша, она будет жить с нами! – уверенно заявил я с порога комнаты в спину распивающему чай дядьке.

– Ч-что?.. – закашлялся сосед, пролив полчашки на стол.

– Ну... не на улице же ей жить, беременная она, – привел я довод.

Чашка звонко упала на пол, дядька медленно повернулся на стуле.

– Максим! – рыкнул он, глядя на меня и Машу.

– Ч-что?

– Ремень подай.

– Не-не-не! Я все объясню! – закачал я головой и прижался спиной к некстати закрытой двери.

В руках жалобно мяукнула кошка.

– У тебя минута... – закрыл он глаза и тяжело вздохнул.

– В интернате держать кошку нельзя, а на улице они блохастые! – затараторил я. – Вот я и подумал, если взять Машку с улицы и отмыть, то ее можно за плату давать поласкать!

– Та-а-ак... – сжав кулак, протянул дядька.

– Вот. Пять минут – один стакан молока. Да! Молоко быстро портится, но из молока можно сбивать сливки! А сливки обменивать в столовой на шоколад, – быстро завершил я, поглядывая на секундную стрелку на наручных дядькиных часах. – То есть сдаем Машку, снимаем сливки – и мы в шоколаде!

Дядька грузно поднялся с места, прихватил по пути ремень и через два шага нависал надо мной.

– У меня для тебя две новости, – странным, как эхо, голосом, произнес дядя Коля. – Во-первых, это кот. Жирный, откормленный кот.

– Вот блин, я уже котят успел пристроить заранее... – замедлился я на последнем слове и икнул, уставившись на черные как ночь дядькины глаза.

– Во-вторых, отпусти кота на улицу.

– Я столько котлет в него вложил!

– Живо! И по пути внимательно подумай над своим поведением.

Через две минуты я снова стоял перед дядькой – тот будто замер, ожидая меня в том же положении, с ремнем в руках.

– Ну? – строгим голосом спросил он.

– Я забыл про вашу долю? – вопросительным тоном произнес я.

– Неверно, Максим! – И он указал ремнем на кровать.

Неправильным ответом оказалось даже: «Я больше не буду».

– Пойми, в твоей жизни будет много силы, много власти. Но ты не имеешь никакого права распоряжаться чужими жизнями и чужой свободой! – ярился дядька между полетами ремня. – А если когда-нибудь забудешь об этом, я явлюсь к тебе даже из преисподней и отхлестаю ремнем еще раз!

Мог бы и просто объяснить – я бы разобрался и без ремня. Раз нельзя, то нельзя. И вроде как он сам это понял – оттого выставил на стол сахарницу, заварку и удалился, ковыляя, обходить территорию.

В общем, ко времени, когда пришел Семен, я все-таки смог сидеть на стуле. Заходил он уже два месяца, почти каждый вечер после ужина, и этого хватило, чтобы растолковать значение Подковы, Палки и Большой буквы «Р» с хвостиком. Очень интересно!

– Вот смотри. Напряжение равно сопротивлению умножить на силу тока. Что-то не понятно? – Семен терпеливо тыкал карандашом в формулу, показывая загогулины и рассказывая, что они обозначают.

– Ага. Что такое «умножить»?

Семен звонко шлепнул раскрытой ладонью по лицу. Он так часто делает, перед тем как ответить. Наверное, думать помогает.

– Умножить – это действие, – закатив глаза к потолку, пояснил он.

– Круто! А я могу делать это действие?

– Да. Ты умножаешь скорбь.

– На что? – деловито уточнил я, записывая важную информацию в тетрадь.

– На тоску.

– И что получается?

– Безысходность, – тоскливо вздохнул мой учитель. – В общем, закрывай тетрадь и переворачивай. Видишь столбики?

– Ага. – Я уставился на ровные строчки цифр с тем же знаком.

– Выучишь к следующему разу. Заодно поймешь, что такое умножение, – засобирался Семен.

– Два умножить на семь равно четырнадцать... – прочитал я строчку. – А это точная информация?

– Абсолютно. Все, что тут написано, – полная правда.

– Хм... – Я приписал в конец колонки: «Максим = император». Теперь этой таблице можно верить.

– Завтра зайду, – помахал рукой Семен.

Дядька вернулся ближе к ночи, и вернулся явно из большого города – на это указывали запахи одежды, пыль на ботинках.

– Присядь, – указал на место за столом и разлил чай по кружкам.

Извиняться будет?

– Я продолжаю поиски твоих родных, – начал он, выуживая из кармана пачку настоящих вафель. – Пока удастся плохо, – признался он, присаживаясь напротив.

– Совсем плохо? – приуныл я, придвинул к себе пачку и, не заметив запрещающего взгляда и жеста, великодушно забыл про утреннюю обиду.

– Через роддом – ни одной зацепки. Через Силу Крови – тоже мало успехов. Разве что у одного японского рода вроде что-то похожее, но ты, – оглядел он меня с головы до ног, – совсем не похож.

Я перестал растягивать уголки глаз в стороны и ссутулился.

– Как я уже сказал, поиски я продолжаю. Но делать это в стенах интерната очень сложно, долго пропадать в городе я не могу.

Дядька помялся некоторое время, даже поднес чашку к губам, но поставил ее назад.

– А еще находиться мне здесь опасно, – признался он. – Помнишь, я говорил тебе, что нельзя показывать виду, что мы что-то знаем?

– Да, – кивнул в ответ.

– У мужчин, взрослых, я имею в виду, мозгам иногда не получается обмануть тело. В общем, мне каждый раз сложнее вести себя так же, как раньше. – Дядя Коля отвернулся к окну.

– Вы уйдете? – с грустью произнес я, осознав, к чему ведет сторож.

– Через несколько месяцев, – подтвердил он мое предположение. – Я начал процедуру усыновления Семена. После окончания учебного года мы уйдем оба.

– А я?! – обиженно вздернул я подбородок.

– Тебя я не могу усыновить, – извиняясь, понурил он голову. – Я же говорил – тебя вроде как и не существует. А так бы – обязательно.

– А Семена почему? – проглатывая обиду, шмыгнул я.

– После девятого класса интерната его никуда не возьмут. Интернатским стараются отказывать. Ему надо учиться в хорошей школе, не здесь, – сухо отламывал фразы дядька. – Я переведу его в другую школу, у меня хватит для этого возможностей. Ты ведь желаешь Семену добра?

– Да.

– Тем более что я тебе не сильно хороший помощник, – помахал он клюкой в воздухе. – С каждым годом ходить все сложнее. А Семен –

молодой и умный, ему легче. Он станет взрослым раньше тебя и сможет опекать, передавать посылки, сахар. Тайком.

– Получается, Семен мне не из-за книжки помогает? – уставился я в пол и ковырял носком кед крашенные доски.

– Да, это я с ним поговорил, – признался сосед, – и он согласен и насчет школы, и дальше...

– Вот так вот поверил и согласился? – недоверчиво приподнял я бровь. Если вспомнить все байки и сказки про людоеда-сторожа...

– Он взрослее, чем кажется. Есть такие скучные взрослые слова, как «конкурс на поступление», «блат», «льготы»... Ты не ведаешь их значений, а Семен уже начал о первом из них задумываться. Без второй вещи Семен не сможет поступить в университет. С третьей сможет, – но ее смогу дать ему только я, отец-одиночка, инвалид.

– А? – не понимая, переспросил я.

– Он сможет учиться в хорошем университете, если я его усыновлю, – расшифровал дядя Коля. – Поэтому согласился.

– Понятно... А он знает про меня?

– Нет, – коротко качнул сторож головой. – И ты не говори. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Это если я всю физику выучу – вообще спать не буду?!

– Это поговорка, – отмахнулся дядька. – Не знает – переживать не будет. И выдать тебя не сможет.

– Он не станет, – убежденно произнес я.

– Я тоже так думаю, но давай не рисковать.

Сторож некоторое время молчал, разглядывая поверхность стола и размазывая капельки воды пальцем. Показалось – решал, говорить мне что-то или умолчать.

– А еще, когда придет время вытаскивать тебя отсюда, мне лучше быть давным-давно уволенным, – все-таки сказал он. – Знаешь, что такое месть?

– Ага. Это то, что Машк сделал с вашими тапками, – согласно качнул я головой.

– Ну вот... Что-о?

Я бы пояснил, но в этот момент срочно доедал остатки вафель. Интуиция!

Три следующих месяца прошли как ванильная тянучка – вроде и не торопишься, прислушиваясь и наслаждаясь, но вот раз – и нет ее, кончилась вся.

Все это время дядька носился по городу и интернату, меняя красивые фигурные бутылки с коричневой водой на серые справки и довольные

улыбки преподавателей, Семен почти ночевал у нас в комнате, устало вглядываясь в десяток книг с цифрой восемь на обложке. А я, лежа на постели, медленно нагревал свой браслет, доводя до алого цвета, и остужал вновь – если окружить руки даром, оказалось совсем даже не горячо.

Пока за этим делом меня не поймал дядька.

– Комнату спалишь, – почему-то совсем не зло сказал он, изучая раскаленный до темно-красного обод в моей руке.

– Не, – глянул я в его сторону и перевел взгляд обратно, убедившись, что запрещать пока ничего не будут.

– И что ты... чувствуешь? – с осторожностью в голосе спросил он, присаживаясь на край постели.

– Любопытно просто, – пожал я плечами, разглаживая металл пальцами.

– Любопытство – это хорошо, – одобрительно улыбнулся дядька. – Вот если бы скука – тогда совсем плохо. Даже хуже злости.

– Почему? – надел я браслет на запястье, давая ему остыть на руке, и присел, развернувшись в его сторону.

– Дар управляется эмоциями. Нас учили через злость, для рядовых отлично подходит. Там думать не надо, вызвать в себе легко – знай, ненавидь противника или препятствие. Когда меня повысили, я злился на начальство, на погоду, иногда камешек в ботинок подкладывал. А когда поумнел – злился на жизнь, – пустился дядька в воспоминания.

Я хоть и не все понимал, но не переспрашивал – интересно ведь. А слова потом пойму.

– Злость мешает думать. На старших офицеров учат иначе, через гордость, верность, честь. Это очень сильные эмоции, большая сила ими удерживается и управляется. Такие спокойно могли держать частную армию даже в одиночку, сутками. Бывали, правда, осечки, когда вместо гордости дар офицера управлялся тщеславием. И ведь не сразу такое прознаешь – задачи-то офицер выполняет, а когда выясняется, что ради медальки он целый отряд отличных ребят в землю уложил, тогда уже поздно...

– А почему скука – это плохо? – когда пауза затянулась, решил все-таки я спросить.

– Представь такого монстра, – вкрадчиво начал он, – который сжигает человека, потому что ему скучно. Он рушит дома, потому что скучно. Страшно?

– Н-но человек ведь не обязательно будет... делать это все?

– Дар влияет на мозги, – постучал сторож пальцем по виску, – поэтому, кстати, слово аристократа нерушимо. Они воспитываются через честь рода, для них немыслимо переступить через слово, это часть их души. А если в душе человека – скука, то вся его жизнь превратится в постоянные поиски новых впечатлений. Самые доступные из них при наличии силы и власти – война, страдания других людей. Он не сможет ничего создавать, потому что это долго и скучно... Поэтому я... испугался, когда тебя увидел сегодня, – завершил он.

– А любопытство и дар – они дружат? – стало мне любопытно.

– Хм, – почесал он затылок, – не знаю даже. Вроде ничего страшного вспомнить не могу. У Целителей – сострадание и любовь, – еле слышно начал перебирать он, – у Палачей – голод...

– А у ученых?

– У ученых, чтобы ты знал, гордыня чаще всего, – почему-то подмигнул он. – Там ведь деньги выбивать надо на исследования, а для этого характер надо – о-го-го! На одном любопытстве далеко не уйдешь. Даже клановые ученые – вот у кого денег точно хватает, те тоже на Чести и Долге. Все ради Рода, все во славу Клана! Так что про любопытство сам узнавай... да ты и узнаешь – дар заставит.

Через две недели Семен завершил год со всеми пятерками. А еще через день весь, казалось, интернат провожал двух человек – большого, с клюкой, неуклюже ковыляющего к ограде по мощеной дорожке, и маленького, с портфелем в одной руке и рукой нового отца в другой. Та рука, как все знали, сторожа не слушалась, да и сам он был калекой – о чем зло шутили себе под нос старшекласники, по пояс высовываясь из окон. И завидовали – как и все остальные. Потому что у них не было даже такого папки.

А меня перевели в старшую группу. Оказывается, не полагается ребенку жить одному, а я выгляжу достаточно взросло, чтобы занять койку в большом зале на третьем этаже.

Я только успел перенести одеяло на новую постель и расстелил простыню, как на матрас напротив бухнулся темноволосый крепыш с наглыми карими глазами. Мазнул по нему взглядом – вроде бы с Семеном в одном классе учился, и они даже дрались. Значит, мстить собрался. Между тем парень положил ногу на ногу и принялся демонстративно меня разглядывать.

– Говорят, ты хороший парень. Калеке помогал? В сортире пальчиками придерживал, а? – осклабился желтой улыбкой местный.

На потеху подошла вся комната, с интересом ожидая продолжения

беседы.

– Я не слишком хорош, чтобы смешно ответить тебе прямо сейчас, – честно признался я.

– Ха-ха!

– Поэтому я просто сломаю тебе нос.

...На следующий день меня вернули обратно.

Глава 7

Погрешность в один день

– Мама, мама, я нашла братика!

Маленькое светловолосое чудо в снежно-белом платье повисло на руке статной красавицы.

– Где, моя радость? – мягко вымолвили в ответ, приседая рядом.

Серебряное шитье платья коснулось пыли мощной дорожки, но хозяйку драгоценного наряда совсем не заботила материальная роскошь – счастливая улыбка зеленоглазого чуда ценилась куда дороже.

– Во-от там! – уверенно ткнула пальчиком дочка, указывая на забор с чуланом. Заметила взгляд матери и спрятала пальчик за спиной. – Серый фургон с маленьким окошком. – На этот раз девочка почти не шевельнулась, умудрившись указать точное положение взглядом и поворотом подбородка.

– Амир, – чуть повернула голову госпожа.

Смуглый мужчина с короткой, аккуратно стриженной черной бородкой склонил голову, но не сдвинулся с места. Зато чуть ли не бегом унеслась в указанную сторону пятерка безликих, почти одинаковых крепких парней в черных костюмах.

– А главное – р-ра! И искры во всю сторону! – тем временем торопилась поделиться маленькая принцесса, вскидывая руки вверх и кружась вокруг матери.

Взрослая же красавица с улыбкой на устах и скрытой тоской в глазах смотрела на неказистое здание на границе поляны, в тени огромного циркового шатра. Вот мелькнули тени подле строеньица, перекрыв все подходы и буквально выдернув хлипкую дверцу. Один из дружинников скрылся внутри и появился через мгновение – в самом деле, что в том закутке смотреть. Грусть сжала сердце – дружинник отрицательно качнул головой.

– Показалось тебе, солнышко, – погладила мама дочку по волосам, – нет там твоего братика.

– Но! – насупилась было девочка, но тут же словно воздух из нее выпустили – даже сгорбилась немножко. – Я буду искать, мам. Я его найду!

– Обязательно, радость моя. – Госпожа коснулась ее лобика устами. – Хочешь на карусели?

– Нет, – хлопнула носом принцесса. – Поедем домой?
– Хорошо, только сначала мы купим тебе самое вкусное мороженое!
– Здорово, – совсем не весело прозвучало в ответ, но тут же девочка исправилась, выдав искренне: – Спасибо!

К паре ненавязчиво подкатил мороженщик в белоснежном переднике, с ярким и цветастым холодильником на колесиках. А внутри того холодильника – чего там только не было!

Два очарования – зрелое и юное, медленно шли по тропинке в сторону выхода, оглябая столь же неспешно идущих людей, иногда обгоняя, иногда давая себя обогнать. Мороженое медленно, по крохотным кусочкам таяло в девичьих устах. Позади них также лакомились мороженым – шесть мужчин, во главе с Амиром, которым девочка также щедро купила по мороженому. Только вот держали они вафельные рожки скорее как ножи, а само мороженое отрывали кусками – в те моменты, когда девочка поворачивалась к ним – естественно, не забывая улыбаться.

– И все равно он там был, – скорее из вредности пробурчала девочка, останавливаясь перед черным минивэном.

– Когда-нибудь все придет, – подмигнула ей мама и одарила еще одним поцелуем – в очаровательный носик. – Ты обязательно его найдешь.

– Угу, – с кислым видом кивнула принцесса, глянула в сторону оставшегося позади парка и решительно шагнула к машине (дверь отъехала в сторону словно по волшебству), придирчиво посмотрела на десяток аккуратно пристегнутых ремнем безопасности игрушек и уцепилась за крупного – в половину ноги – игрушечного зайца.

– Амир...

Дядька Амир мягко отстранил девочку в сторону и с искренней улыбкой подал ей угловатую игрушку.

– Спасибо!

Принцесса столь же внезапно, как расцвела улыбкой, замерла, закрыв глаза, и утратила вообще какие-либо эмоции – будто спала без снов. Открыв глаза, внимательно огляделась по сторонам, решительно шагнула к скамейке возле входа и запрятала игрушку в кустах позади.

– Это – братику! – категорично заявило юное очарование.

– Хорошо, – с грустью улыбнулась ее мама. – Амир, едем.

Принцесса тут же подлетела к дядьке и требовательно протянула к нему руки, не забыв робко и застенчиво улыбнуться.

– Ами-ир... – заворчала старшая госпожа, но дядька уже кружил счастливо визжащую пигалицу на руках, а затем так же ловко усадил на кресло минивэна, застегивая ремешок.

В машине словно ожили: секунду назад – ни движения, а сейчас две красавицы-нянечки уже вовсю обихаживали юную госпожу, меняя ей обувь на мягкие тапочки, оттирая где-то испачкавшиеся щечки. Правда, делали это молча и не сюсюкая, с опаской поглядывая на смуглого мужчину возле машины. Дядька Амир такие нежности с будущим воином рода не терпел. И плевать ему было, что тому воину девятый годик! Но все свои ворчания нянечки разумно держали при себе.

Дверца захлопнулась, отсекая сантиметрами зачарованной стали и стекла юное чудо от взрослых проблем. Минивэн тихо взрыкнул волхвовским мотором, давая место длинной сигаре лимузина – для матери госпожи и ее спутника. Стоило и этим дверям захлопнуться, как некая магия буквально сковала посетителей парка – парочки, семейные группы, одинокие романтики внезапно теряли интерес к своим занятиям, клеткам с дивным зверьем и аттракционам, принимали отрешенное и сосредоточенное выражение лица, бросали в урны леденцы и мороженое, книги и билеты и направлялись на выход. Аккуратно снимали с себя форму продавцы и билетеры, накидывая на плечи одинаковые пиджаки. Дрожали ветви на деревьях, стряхивая к подножию человекообразные скопления листвы и веток с длинными и тяжелыми винтовками. Через пять минут из парка исчезла большая часть народа – не в воздухе растворилась, а организованно загрузилась в десяток черных автомобилей, уверенно влившихся в длинную черную стрелу кортежа километровой длины. На острие той стрелы – два турбированных джипа с косыми лезвиями отвалов под рев сирен сшибали на обочину все, что посмело вылезти головным машинам навстречу или стояло слишком близко к дороге. Князь этих мест будет явно недоволен. Тем, что были в его городе, но не зашли в гости, разумеется.

Быстрая езда – все равно ожидание. А ожидание и тишина порождают разговоры.

– Я боюсь за Ксюшу. Это уже походит на какую-то манию. Она тыкает пальцем в небо, и мы несемся сломя голову на край мира, – высказалась госпожа, глядя на пролетающий за окном город.

– Всего раз в месяц, – уточнил Амир, рассматривая другую сторону города. – Принцессе полезны новые впечатления, новые места.

Его голос звучал совершенно без всякого акцента, низко, с легкой хрипотцой, без всякой спешки. Легко заслушаться и потерять запал.

– Но ведь она страдает!

– Мы все скорбим, – дипломатично ответил тот, которого нельзя назвать начальником охраны, но дело жизни которого – охрана принцессы.

С одной стороны, это позволяло говорить что угодно. С другой – лучше защищать тех, кто склонен тебе верить, доверяет и хорошо относится.

– Кроме этой с-сволочи, – начала заводится леди.

– Ваш муж желал лучшего для семьи и рода. – Амир знал слова, которые надо произнести и которые он произнесет уже не первый раз.

– Бывший! Бывший муж! – словно выплюнула женщина.

– Воспитание Оракула – всегда боль и поиск. Как воспитывали вас, госпожа.

– У меня забрали мать! – в тихой ярости прошипела гневно-красивая фурия.

– И вы нашли ее, – качнул плечами телохранитель принцессы.

– В шестнадцать! Все это время я росла среди...! – прервала гневную отповедь леди и за мгновение вернула себе милый, чуть рассеянный облик. – Я не могу допустить, чтобы такое случилось с Ксенией.

«Не хочешь потерять влияние на дочь», – осталось невысказанным мужскими устами.

– Уверен, принцесса очень быстро найдет брата, – вместо этого произнес Амир. – Она уже знает, что он жив. Она видит образы вокруг.

– Образы без даты, фрагменты мест, разбросанных по всему миру? Кем, по-твоему, станет мой сын? Путешественником? Или неграмотным перекасти-полем без гроша в кармане?!

– Это значит, что твой сын проживет долгую жизнь. Радуйся и благодари Всевышнего.

– Будет ли та жизнь счастливой? Мне было бы спокойней, если бы мальчик был под опекой, – шепнула леди.

В ответ – тишина. Потому как и Амир и дама знали – озаботятся они безопасностью ребенка, и будущий Оракул просто подойдет и спросит, с какого перепуга они прячут от нее любимого братишку. И не станет искать, напрягая силы своего дара, подчиняя его своей воле, ставя его на службу – себе и Клану.

Тяжел и сложен путь обретения дара, тернист и болезнен. Только через боль и муку, скорбь по родной крови может быть он возвращен. Не помогут уловки и хитрости – дар пройдет по родной крови к самому началу истории и выявит фальшь. Зато приз – огромен. Птицей лететь над полотном истории, заглядывая за горизонт, прослеживая ниточки жизни любого человека... Многие хотели бы этого могущества – что передавался только по женской линии Веденеевых, пробиваясь на свет лишь у единственной из целого поколения – да и то далеко не каждого.

Десять лет назад мать Ксении продали в другой род, посчитав сделку выгодной – слишком слабым был дар младшей принцессы рода. Слишком сильно ненавидела она родню, чтобы остаться с ними под одной крышей. Слишком много плохого случилось за шестнадцать лет бессмысленных попыток пробудить талант. Слишком много зависти было в глазах родных и двоюродных сестер. Очень много этих «слишком» для хрупкой девушки – на свою беду, еще и неземной красоты.

Веденевы решили, что у такого слабосилка нет шансов на продолжение дара – тем более второе поколение подряд. Что не помешало взять воистину царский откуп и заодно спихнуть нелюбимую кровь.

Софью продали даже не в жены – просто еще один клан попытался разобраться в чуде Божьего промысла. В бумагах фигурировал «генетический материал – один комплект», а с суммы договора даже заплатили налоги...

Но тут случилось то, что очень редко бывает у деловых людей. Глава клана-покупателя, впервые осматривая юное и гордое приобретение – главным образом, дабы лично посмотреть на то, что обошлось ему в годовой бюджет, – влюбился. Вообще, люди такой величины лишены подобного недостатка, предпочитая действовать из понятий целесообразности и руководствуясь бизнес-планом, но тут нашла коса на камень.

Потому как сложно игнорировать пророчество – особенно если оно изречено подлинным (отчет на трех тысячах страницах, сотня страниц заключения, шесть страниц анализ-справки, виза казначея: «Берем») оракулом. Софья предрекла, что родит ему ребенка, которым он будет гордиться.

Обещаниям не принято верить, но что делать, столкнувшись с истинной правдой – особенно такой? Что-то щелкнуло в голове, заводя пружины древнего механизма, родом из пещерного века, – и бесчувственный человек-монстр «поплыл».

Через год родилась дочь – к тому времени о причине, по которой приобретали девушку, горевал только отдел генетиков, но, исходя из чувства самосохранения, даже не напоминал о запланированной программе исследований (не было там в планах любви, не делают такое с любимыми). Казначей втихую распивал коллекционное вино, выписывая на листке нескладные вирши, – его разум, пытаясь совместить расходную сумму и слово «любовь», выделял с прожженным циником странные вещи.

А пара супругов просто радовалась жизни, забыв про скучную генетику, причем настолько позабыв, что дар Ксении наверняка был бы упущен молодыми родителями, если бы... Если бы юное чадо уже в первые месяцы жизни не угадывало, в какой руке игрушка, кто стоит за дверью (радостные угуканья – папа пришел), когда придет вредный доктор с холодным стетоскопом (переползание под одеяльце).

Воистину, огромная радость пришла в их семью, в их род. И муж, казалось бы, совсем отринул других жен (увы, политика) ради ее одной и буквально не вылезал из постели, окружая вниманием, засыпая подарками. С каким же восторгом через два месяца она сообщала супругу то, что они уже оба знали от родового врача, – сын!

И водоворот восторга и семейного счастья повторился вновь. Пока, во время родовых схваток, не случилось что-то совсем непонятное. Вместо родовой больницы – серая громада самолета, напичканного приборами, потеря сознания, роды в дряхлом отделении, поздравление от добрых серых глаз за зеленой маской, приятная тяжесть плачущего новорожденного в руках. И темнота, развеившаяся уже в знакомой спальне, в Москве.

Когда она узнала, что сотворил муж... как она кричала!

– Пророчество сбылось, – грустно улыбнулся супруг, недвижно созерцая бешенство матери, потерявшей сына.

Она разнесла полдома, расцарапала ему лицо («виртуозу»!)... А дальше пошла апатия... И только лучик солнца – ее дочь – согревал сердце и душу. Леди не была дурой, так что грань умудрилась не перешагнуть, что позволило остаться подле дочери, а не на улице... и не в земле. Софье не нужно было влияния и власти, она просто хотела быть рядом. Потому что стоит хотя бы попытаться управлять Ксенией, настроить против отца или привязать к себе – ее тут же уберут от будущего оружия клана.

– Господин прислал за вами самолет. – Голос собеседника отвлек от собственных мыслей. Действительно, «господин» теперь подходит гораздо лучше, чем «муж».

– С Мистратовым? – как от зубной боли скривилась красавица.

Красота и сила в этом мире должны иметь хозяина. Раньше была родня, потом муж. Теперь отдел генетики робко проталкивал своих кандидатов – к счастью, действительно очень робко, смиренно надеясь на ответное чувство. Не из великой романтики – так повелел господин.

Чувство благодарности у него имелось – иначе бы рожать ей до скончания дней, вовсе не видя дочь. Но все может измениться – если она

влезет в поиски собственным даром или помешает дочери обрести силу. А ведь так хотелось хотя бы краем глаза уловить его образ – фотография в документе, отражение в зеркале, в окне или луже, да хотя бы что-нибудь! Не велено – дару дочери проще считать образ из будущего, которое нашла мама, чем отыскать и удержать свой...

– Господин беспокоится о вашей безопасности.

– Да лучше на машине, чем с этой скотиной, – устало помассировала виски леди.

Увы, большая сила иногда не означает острого ума – так и некто Мистратов, «учитель» стихии воздуха, посчитал слова отдела генетики не намеком, а прямым приглашением исполнить роль племенного быка. И простые слова и объяснения тут совсем не помогали.

– Не велено, – подвел Амир черту спору. Ту черту, за которой женщине не положено обсуждать деяния мужчин рода.

Частный аэродром показался через десяток минут – с единственным самолетом на взлетной площадке. У трапа уже ждали – и, судя по мимике леди, был там и тот, кого она совсем не желала увидеть. Однако стоило даме выпорхнуть из дверей, никто и не догадался бы, что Ледяное Совершенство способно испытывать эмоции. И как только у одушевленного ду́ша льда и серебра могло родиться столь непосредственное и подвижное дитя? Принцесса вела себя подобающе тем знаниям, что давали ей учителя манер, но... рядом был дядька Амир, так что можно было немножко пошкодить – среди своих же. Желаящим сделать замечание следовало в первую очередь спросить себя – сколько они выживут против «мастера», который уловил угрозу цели. Вот-вот.

– Сонечка, вы как всегда обворожительны! – выступил из толпы дюже высокий мужчина в форме второго пилота и лихо подкрутил кончик уса. – А у меня для вас есть шампанское. И два бокала!

Видя, что Ледяная Королева собралась спокойно пройти мимо, Мистратов шагнул было навстречу, но леди резко двинулась навстречу, взмахнув рукой.

Вытянувшийся ноготок с набухшей на конце желтой капелькой завис перед глазом.

– Хочешь, я расскажу, как ты умреш-шь?

Воин медленно отступил в сторону, давая пройти.

– В-ведьма, – зло глянул он в сторону двух леди, поднимавшихся по трапу.

Маленькая фигурка замерла и медленно повернулась.

– Братик тебя накажет, – выдохнула маленькая принцесса.

Мистратов отшатнулся, но почти сразу будто бы наткнулся на стену.

– Я, канэчна, не братэк, но... – шепнуло ему в ухо нарочито небрежно.

Глава 8

Власть и мороженое

Нового сторожа подселили на второй день, и был он... ну вообще не герой! Сутулый и небритый, он, с двумя здоровыми руками и ногами, пах так, как никогда не позволял себе увечный дядя Коля. А когда он поздоровался, обнажив желтые зубы, я понял – вот как выглядят настоящие людоеды...

Еще он больно дрался, таскал мутную воду в бутылке без этикетки и дымил папирсой в форточку. И это в первый день – стоило только нянечке закрыть дверь за собой.

Половину ночи, маясь от дурного запаха и боли в ноге, я перебирал способы борьбы с людоедом. Был верный метод – кот в сапогах. Но не было сапог.

Использовать дар открыто мне настрого запретил дядька, оттого становилось еще грустнее. Жаловаться няне я не хотел, сам справлюсь – вот только придумаю как.

Потому лежал и смотрел в потолок, морщась от храпа нового соседа. Уж лучше бы Лайку подселили, она и сторожит лучше и пахнет вкуснее. И ничего, что она не обученная, – ее выдрессировать можно. Одна котлета – и Лайка уже знает команды «сидеть» и «голос». Вот бы с людьми так было просто. Хм!

Я залез под матрас и выудил заветный том словаря. Где там буква «Д»? «Дрессировка – обучение с помощью чередования положительных и отрицательных подкреплений». А учиться никогда не поздно – это все знают. И учить – тоже!

Глянул на соседа и отрицательно качнул головой – котлету я ему точно не дам. Да и ремня тоже не дам – погрустнел я. Некстати зачесалось возле синяка на ноге.

Вот бы стать невидимым... Или чтобы был сильный друг и наказал злого дядьку. А лучше – сильный и невидимый друг! Хм-хм-хм! А зачем он должен существовать на самом деле? Губы тронула хитрая улыбка – точно такая, как у мужика за забором, когда он смотрел на забытую катушку с проводом.

Утром я встал пораньше (это было легко) и, прихватив остатки рафинада, оставшиеся после дяди Коли, отправился делать добро.

Когда дядя Сергей проснулся и вывалился из комнаты, то обнаружил два десятка детей, с сожалением смотрящих на него, покачивающих головой и отшатывающихся, стоило ему шагнуть их в сторону. Понятное дело, новый сторож не выдержал.

– Что?! – рявкнул он зло.

– Дяденька, а вы знаете, что в этой комнате живет домовый? – испуганно пролепетал обладатель десяти кубиков рафинада.

– Пошел вон, щегол!

– Зря, – хором (мы репетировали!) выдохнули остальные, – мы всех предупрежда-аем.

Проняло даже людоеда.

– О чем? – уже настороженно переспросил дядя Сергей.

– А вы знаете, что у прежнего сторожа нет руки и ноги? – вкрадчиво спросили дядю Сергея со спины, он аж дернулся и резко повернулся.

– Ну и че?

– Мы его то-оже предупрежда-али... – протянули ребята и резко разошлись в разные стороны, потеряв всякий интерес к этому месту.

– Тьфу, чертовщина, – сплюнул дядя Сергей на пол.

Ходил он нервным до самого вечера, успокоившись только перед самым сном. Зря-зря-зря, – как пели гуси-лебеди.

Стоило сторожу устало опуститься на матрас, как разряд тока пролетел от ножек постели до основания черепа.

Дядя Сергей слетел на пол, вновь схватился за постель и с ударом отлетел к моей кровати.

– Ч-что за ч-черт... – заикаясь, выдавил из себя сторож.

– Домовой, – как само собой разумеющееся, ответил я.

– Почему сразу не сказал?! – зло гаркнул на меня людоед.

– Я хотел, но вы меня побили, – пожал я плечами. – Спокойной ночи.

– Че делать-то? – запустил дядька пятерню в волосы. – Эй, пацан, свалил отсюда, я на твоей постели лягу.

– Не поможет.

Но постель я покорно оставил, гадая – пробьет ли мою постель током или надо больше этого загадочного «напряжения»? В прошлый раз хватило разряда с эмоцией «пожалуй, интересно», но у меня-то два матраца (на что только не пойдут люди за сахар).

– М-мать! – подлетел вверх дядя Сергей и по дуге гулко бахнул на пол.

Что-то не шевелится... Я походил рядом, потыкал кончиком ноги в плечо, не дождался ответа и принялся прикидывать, сколько листочков

раскраски понадобится, чтобы скрыть тело. Нет, ну можно еще стену на него обвалить – дядя Коля говорил, что здание ветхое, и я неосторожным ударом мог тут все обрушить... о, пошевелился!

– М-ма-ать!

– А ее тут нету, – сочувственно ответил я, – ни у кого нету.

Дядя Сергей сжался возле стены и печально смотрел на постель, что-то прикидывая.

– Домовой грязных не любит, – посоветовал я ему. – Но вы можете не верить.

Новый сторож странно глянул на меня – я уж подумал, побьет, – но вместо этого цапнул из тумбы вещи и на час ушел. Вернулся чистым и посвежевшим. С великой осторожностью коснулся постели, потрогал руками одеяло и медленно присел, выдыхая.

– Если бы не со мной... никогда бы не поверил, – прошептал он под нос. – Эй, пацан... еще правила есть?

– Два куска сахара вон туда, – кивнул я в угол, возле выхода из комнаты – там уже лежала специальная миска, – и меня не бить.

– Че, тоже правило? – осклабился он.

– Я домовому пять лет плачу, а ты тут первый день, – вновь пожал я плечами и перевернулся на бок, к стене.

Через минуту за спиной звякнули о кафель два кубика сахара. «Мвха-ха-ха-ха-ха!» – как говорил трудовик, когда я принес ему часть той мутной жидкости, чтобы поменять на кабель.

Следующие две недели мы учились быть чистыми. Потом домовому разонравилось, что дядя Сергей курит, а еще через два месяца он бросил и пить.

В первых числах августа он пришел в красивом черном костюме, в белой рубашке и с галстуком, аккуратно постриженный. Я даже не узнал сначала, хотя видел, как он не спеша идет от входа по тропинке к дверям, мимо гудящей толпы детворы, которую только-только привезли с экскурсии, – и ребята его тоже не узнали.

– Уволился я, Максим, – с улыбкой пояснил он, заметив изумление узнавания на моем лице. – Теперь я страховой агент.

Солидный (тоже хочу костюм!) мужчина прошелся до своей тумбы, открыл, глядя внутрь. Пожевал губами, да так и закрыл, прихватив только огромную коробку рафинада в руки. Ну, понятно – самое ценное надо забрать.

– А...

– Вот, пришел в интернат – поинтересоваться у бывших коллег, может,

кому страховка нужна. Время беспокойное, – солидно произнес он.

– Пусть страхуют интернат от пожара.

– Хорошая идея, обязательно предложу, – улыбнулся он мне.

Ну, я сделал все что мог.

Дядя Сергей прошел мимо и аккуратно поставил всю огромную коробку с сахаром на блюде домашнего.

– Спасибо, – шепнул он точно не мне.

– Вы насовсем уходите, – вздохнул я, даже не спрашивая.

– Очень на это надеюсь.

«Теперь нового учить» – с тоской пронеслось в голове.

– На, не грусти, – сунул он под нос красиво раскрашенный прямоугольник с цифрой пять. – На мороженое тебе. Прощай!

Тихо закрылась дверная створка, не пустив до дядьки мое запоздавшее «Спасибо!».

Красивый прямоугольник я запрятал в карман. Раз такую вещь можно поменять на легендарное мороженое – буду его беречь. Интересно, пять – это пять мороженных? Хотя лучше бы в килограммах, конечно... Все равно мороженое было только в городе, а значит, мне до него никак не добраться.

Вот ребятам повезло – вновь посмотрел я в окно, на огромный желтый автобус и парней в одинаковых белых футболках и серых шортах, солидно постукивающих по колесу (поочередно). Сегодня наш спонсор (это такой человек, который купил огромный цветной телевизор в общий зал) увез старшеклассников к себе на фабрику, похвастаться. Я тоже хотел поехать и даже стоял в общей очереди, но перед дверями меня выхватили огромные руки-клешни няньки и увели в спортзал, бегать. Интересно, на той фабрике можно поменять красивую картинку на пять тонн мороженого?

Хм, а чего это они не расходятся, раз уже приехали? Я вышел из комнаты и перехватил Славку – он уже постучал по колесу и теперь стоял поодаль с гордым видом.

– Слав, привет. Ну как? – Жажда подробностей, я тем не менее удерживал равнодушный вид.

Мол, видел я ваши экс... экскур... сии.

– Картонная фабрика, – пожал он плечами.

– И что там?

– Картон, коробки из картона, упаковка из картона. Работать звали. Вот, подарили, – выудил он из переднего кармана белоснежную ручку с логотипом.

– Хм, – перехватил я ручку и задумчиво пощелкал пружиной. – Два кубика.

– Пять.

– Ладно, – улыбнулся я, давая себя победить – мне его еще дальше спрашивать! – А сейчас что стоите?

– Всех, кто хорошо себя вел, сейчас в зоопарк повезут, – явно довольный, протараторил Слава. – Но это секрет! Только двадцать человек берут.

– И тебя тоже? – поднял я бровь, отчаянно завидуя.

– Ага! Сейчас на обед остальных позовут, а мы поедем.

– Побьют вас, – точно определил я его будущее.

– А пусть бьют, – махнул он рукой. – За такое не страшно и получить! Поймал себя на том, что активно киваю.

– Что, и *это* едет? – показал я взглядом на старого знакомого – Эдика, которому в свое время расквасил нос.

Тот, о ком я говорил, сейчас стоял в компании других ребят, которые окружили водителя автобуса и восхищенно поглядывали на него снизу вверх. Вернее, не на него, а на легендарную кепку с козырьком, что не мешало мужику гордо расправлять плечи и значительно поглядывать в ответ.

– Повезло, – пожал Славка плечами.

Выходило, что крайне неприятный тип поедет в загадочный зоопарк, а я, обладатель билета на пять бесконечностей мороженого, останусь здесь. Так не должно быть!

– Макс, ты чего? – тронул меня Славка за плечо.

Пришлось убирать руки с пояса и сворачивать воображаемый плащ супергероя.

Я оглядел огромный желтый автобус, прошелся вокруг него, рассматривая ровные – и пока пустые – ряды сидений. Двери закрыты, кроме самой первой, возле которой жевал незажженную сигарету водитель. Форточки распахнуты, жарко ведь. Хм. Но лезть в них у всех на глазах глупо.

– Слава, на что ты готов ради мороженого? – спросил я деловым тоном.

Я был младше Славы, ниже ростом, не умел свистеть через зубы. Но сейчас на меня смотрели глаза, полные готовности и надежды.

Каждый в интернате знал – таким голосом звучат самые выгодные предложения. Котлеты, сахар, шоколад – у меня было все. Трудовик, заслышав этот тон, пытался добавить к моему имени отчество. Физрук широко распахивал дверь на склад и предлагал брать все, что я захочу. Потому что знали – все всерьез, это не шутка и награда всегда будет

выплачена в срок. А я поначалу просто избавлялся от того, что забирал «домовой». Потом понравилось – вот и менял жидкость на вещи, вещи на труд, труд на котлеты, котлеты на силу, силу на страх, а страх снова на жидкость.

– Бить никого не надо, – уточнил я, заметив недобрый взгляд Славки в адрес моего недруга.

– Слушаю, – облизнул он губы.

– Жди здесь, я сейчас.

План выстроился сам по себе, оставалось взять из тайника под раскрасками одну крохотную вещицу.

Я замер перед дверью в комнату, подумал и решительно повернулся к лестнице. Но сначала – оружие! Город полон опасностей.

Через пару минут я уже стоял перед распахнутой дверцей аптечки, вглядываясь в ее содержимое. Вот оно – тускло светится опасностью и болью. Оружие удобно легло в руку – прохладное на ощупь, гладкое, с круглым решетчатым навершием у одной из сторон, оно дарило уверенность и чувство защищенности. По поверхности шло сложное и трудночитаемое название, но мне – и остальным – вполне хватит истинного имени. Оружие, которое я не использовал, даже когда банда седьмого «Б» решила перехватить котлетный бизнес. Оружие, успокаивающий холод которого позволил в свое время взять себя в руки и достойно ответить на вопрос: «Ты кто по жизни?» – в темноте подвальной лестницы, – но даже тогда я не применил его. Надеюсь, его час не придет и сегодня. Аккуратно закрыв створку, вернулся в свою комнату и забрал из тайника нужную вещь. Теперь – во двор. Остался еще один шаг. Город, я иду.

Глава 9

Честь и мороженое

Славка не подвел. Двигаясь неторопливо и солидно, он остановился так, чтобы оказаться ко всем спиной, но вполоборота к выбранной нами цели. Жестом волшебника выудив из руки сигарету, Славка, подражая водителю, зацепил бумажную скрутку губами и довольно посмотрел в небо.

– Где взял? – уже через секунду заинтересованно пропыхтели за его спиной.

Попался! Я заметил, что потираю руки и тихо хихикаю. Тут же понял, что это недостойно императора, и, чтобы занять руки, поднял так кстати ластящегося к ногам Машка и погладил. Но коварную улыбку победить так и не смог.

Славка указал подбородком в сторону водителя, пыхнул несуществующим дымом и протянул одно-единственное слово:

– Там.

И не соврал! Потому что в том же направлении был я сам – по другую сторону автобуса, прямо напротив открытой форточки.

– Но тебе не дадут, – оглядев Эдика с ног до головы, выдал Славка. – Мелкий ты какой-то.

– Это я-то?! – возмутился парень в ответ, резко повернулся на месте и решительно зашагал к водителю.

Пора! Я скинул Машка на землю, засунул руки в карман шорт (я переоделся и теперь выглядел как все) и медленно двинулся к желтой громаде автобуса.

– Дядь, дай сигарету! – произнесли по ту сторону машины.

– Что-о?! – проревело мужским басом.

– Что-о?! – добавился сварливый голос классной руководительницы «Б» класса.

– Сигарету... – растерянно произнесли в ответ.

– Да я тебя сейчас за ухо! – и тут же громкое: «Ай!»

– К директору, немедленно! – застучали каблучки по брусчатке, уводя протяжное и смертельно обиженное: «А по-оче-эму-у Сла-аве-э мо-ожно-о!» – вглубь интерната.

А я вскарабкался в форточку уже на первом «что» и к моменту

триумфа уже сидел в проеме между креслами самого дальнего ряда. За окном жалобно мяукал Машк, тоже желая в город и зоопарк. Но, увы, он плохо лазил по форточкам, а от входа его откидывал злой сапог водителя.

Потянулись минуты долгого ожидания. Постепенно уменьшился шум за окном, раздался призывный крик: «Обе-эдать!», забирая всех со двора к котлетам и каше. Грустно буркнул живот, но я взял себя в руки – мороженое требует жертв.

Уже успел заскучать, как со двора вновь донесся слаженный стук ботинок и полные азарта и предвкушения голоса. Я вжался в стенку и под кресло автобуса еще сильнее и внимательно рассматривал одинаковые ботинки, расхаживающие меж рядами кресел. Всего в автобусе было сорок шесть мест, так что если всех рассадят поближе к выходу, парами, то были все шансы остаться незамеченным.

– Марь Петровна, а можно к окну пересесть? – раздался в общем гвалте смутно знакомый голос.

– Рассаживайтесь как удобно, – приговором прозвучал добрый женский голос.

«Провал», – пронеслось в голове, но мгновенно сменилось упрямой уверенностью идти до конца. К тому же еще могло повезти – место неудобное, далеко от всех, окно тут поменьше, да и куча других вариантов... Но почему этот шкет идет именно сюда! Чуть не рыкнул от досады.

Сверху запыхтели, перебираясь с крайнего сиденья поближе к окну. И ведь парень совсем незнакомый! «Надо было со Славкой договариваться», – пронеслась запоздавшая мысль.

– Тсс! – Я пружиной выстрелил из-под кресла и зажал парню рот, старательно пригибаясь, чтобы спинки других кресел скрыли происходящее от остальных.

Старшеклассник резко дернулся, чуть не вырвавшись из захвата – тяжелый, гад! Не удержать. Я суетливо зашарил по карману, выудил запрятанное Оружие и приблизил к его глазу.

– Знаешь, что это?

Глаза моего невольного соседа наполнились ужасом узнавания.

– Это зеленка, – скучающим голосом поведал я, одной рукой свинтил ребристый колпачок и приставил горлышко к его коленке.

– Дернешься или пикнешь – все лето проходишь с зеленой ногой. Если понял – кивни.

Парень очень осторожно кивнул.

– Сейчас ты присядешь с краю и будешь тихо там сидеть.

Его глаза наполнились грустью и тоской мазнули по близкому окну.

– Как поедem, пересядешь, – смилостивился я. – Сдашь меня – завтра проснешься с зеленым лицом. Понял?

Еще один быстрый кивок в ответ.

Вроде обошлось – я отпустил его и деловито принялся навинчивать пробку на бутылек.

– Сбежать решил? – спросил парень шепотом.

– Нет, дела в городе, – не глядя, ответил я, вновь занимая место на полу.

Сверху вновь завозились – сосед молча отсаживался к проходу.

– Так! – перекрыл все звуки женский голос. – Все смотрим на меня! Раз, два, три... девятнадцать! Все на месте. Федор Георгиевич, можем ехать.

– Ура! – выдали все хором, и даже я поддержал общий крик, сидя на полу.

Желтый зверь взревел мотором и медленно покатился по дороге.

Выждав несколько минут, я осторожно выглянул в проход – учительница устроилась в кресле возле водителя и вела с ним беседу, а ребята прислонили носы к окнам, рассматривая мир за пределами интерната. Отлично!

– Отсаживайся, – скомандовал соседу, занимая кресло.

Тот сразу же юркнул в соседний ряд, к свободному окошку, и так же, как и все, прилип к нему. Впрочем, через секунду уже я прижимал лоб к прохладной поверхности, рассматривая нестройные ряды мелькающих мимо домиков и построек. Через некоторое время осталась за спиной громада черно-серых строений, последовал разворот, дорога стала шире, наполнилась машинами – они были куда меньше нашей, зато их было много. Хотя изредка навстречу нам проносились настоящие металлические монстры, а целых два таких же мы обогнали сами. Вскоре по правую руку показались огромные буквы «Верхний Новгород», сложенные в два ряда друг над другом, и надпись «Добро пожаловать!» под ними.

– Привет! – тихо шепнул я и махнул надписи рукой.

Вот он – город. В душе было волнительно и тревожно, словно у кота, стоящего возле раскрытой двери. Надо ли мне сюда на самом деле? Я коснулся запрятанной пятирублевой бумажки и откинул все сомнения – надо.

За окном росли в этажах дома, мелькание машин становилось все плотнее, через форточки пробивался диковинный запах раскаленного

асфальта – не особо приятный, но новый и будоражащий воображение. Вскоре мы медленно ехали среди каменных башен, то и дело останавливаясь, чтобы дать проехать другим.

– Ребята, рожи в окна не корчить! – спохватилась учительница.

Поздно – рядом ехал абсолютно такой же автобус, как у нас, только белоснежный. И не мы первые начали войну – а эти прилизанные, в одинаковых фиолетовых рубашках с золотым гербом у сердца! У этих бедняг все окна были закрыты, так что приходилось объясняться жестами.

– Сели прямо, смотрим на меня!

Я еще раз медленно показал пальцами на свои глаза, затем на парня в окне напротив, провел пальцем по горлу и тихонечко сполз вниз, замерев почти на полу.

– Уже подъезжаем, – обрадовала учительница. – Как выйдем, становимся в пары и идем за мной, не отставать!

Так, надо выбираться. Я глянул на форточку сверху – второй раз это проделать будет гораздо сложнее, люди ведь вокруг... Взгляд скользнул по надписи на табличке возле окна и тут же вернулся обратно на текст – «Запасный выход – при аварии выдернуть шнур, выдавить стекло». Хм! Нам нужна авария!

– Пс, парень, – пригнувшись, окликнул меня давешний сосед. – Я помогу.

Выглядел он уверенно и смотрел, не отводя взгляд.

– Что взамен? – осторожно поинтересовался я.

– Вот, – суетливо достал он клочок бумаги из кармана и протянул мне. – Тут номер, это больница. Позвонишь и спросишь про здоровье Георгиевой Елены Васильевны. Это моя бабушка. Потом расскажешь. Я тоже буду звонить, если смогу.

Тут я понял, почему не знаю этого парня. Он попал к нам то ли месяц, то ли два назад и пока не входил в объединения старшеклассников, стараясь держаться сам по себе. А видел я его у телефонного аппарата, там и голос услышал – звонить из интерната разрешали, но только раз в неделю, по выходным. Вроде как действительно у него что-то с бабушкой – потому и попал в интернат. До того они вместе жили.

– Идет, – согласно кивнул, забрав листок себе.

– Выходим! Строимся сразу после выхода! – напомнила о себе классрук.

Автобус медленно вырулил на край забетонированной площадки и, фыркнув, остановился.

За окном суетились сотни человек, кричали, смеялись, пели и даже

танцевали. Целая человеческая река вливалась под круглую металлическую арку с надписью «Зоопарк», ненадолго задерживаясь под ней и передавая что-то двум мужчинам, а за той аркой – огромный парк, над которым поднимались ярко-алые купола шатров, медленно двигалось гигантское – до небес – колесо. Куда-то в вышину стремилась железная дорога, то падающая вниз, то поднимающаяся к самым небесам, извивающаяся на всем протяжении пути – и на ней то и дело мелькали маленькие машинки с людьми. Раскручивались и взлетали вверх прицепленные за толстые нити кабинки – тоже с людьми, счастливыми и смеющимися. И все это мы увидели, даже не выходя из автобуса, медленно продвигаясь между рядов кресел в полном молчании, разрываемом только возгласами: «Вот это да!» Если бы нам сказали, что на этом все и мы едем обратно, – я бы не удивился. Но наверняка расстроился.

Уже на выходе Толик, как звали моего нового друга, резко дернул мою футболку, накидывая ее мне на голову, и побежал вперед. Я возмутился и принялся его догонять, прошмыгнув мимо бдительной учительницы замаскированным. Под окрики и давно известные всем угрозы, мы сделали один круг вокруг автобуса, только я остался по ту сторону, а Толик врезался в остальную толпу ребят, где и получил свой выговор, успешно извинился и встал в общий строй. Ребят снова пересчитали – девятнадцать, и стройная колонна двинулась в сторону арки.

Я огляделся, с недовольством отметив знакомый белый автобус – тот был пуст, а значит, нас обогнали эти фиолетовые пижоны.

– Парень, потерялся? – окликнул мужчина в точно такой же форме, что у тех людей, возле входа в зоопарк. – Вон твои идут, давай догоняй!

– А там есть мороженое? – глянул я в сторону входа, через который только-только прошли наши ребята.

– Конечно!

– Тогда я побежал, – и в самом деле ускорился.

Правда, возле входа меня перехватили и затребовали какой-то билет. Я с непониманием уставился на терпеливо глядящего на меня мужчину, затем посмотрел в сторону парка и заметил краешек нашей колонны, уже скрывшейся было за поворотом.

– Я с ними! – ткнул пальцем для верности.

– Серег, все верно, там двадцать билетов было, а прошло девятнадцать, – окликнул его напарник.

– Удачного дня. – Страж выдавил из себя улыбку и потерял ко мне интерес.

– А где тут мороженое?

– Иди вперед, на каждом повороте стоят. Не задерживаем очередь!

Воистину, чудесное место, где на каждом повороте есть мороженое! Казалось бы, надо бежать, но я не торопился, смакуя чувство близости победы, и с интересом смотрел по сторонам, иногда подходя к толпе людей, стоящих возле решеток, – те рассматривали грустных зверей, прятаясь от жары в тени навеса. В итоге нашел себе небольшую группу из пяти человек, рядом с которыми шел мужчина со странным именем Гид и интересно рассказывал про хозяина каждой клетки, возле которой мы останавливались. Оказалось очень интересно!

– Всю прошлую неделю такой бардак был, – между делом жаловался проводник остальным. – Приехал человек из Москвы, чтобы организовать визит важной персоны. Весь зоопарк арендовал! А потом к нам заходит, чтобы, значит, своими глазами все посмотреть. А у нас только зебры, верблюды и тигр, да и тот старенький. Что потом было!

– Что?

– Зверья нагнали – мрак! Спецрейсами, со всего мира! А куда его деть? Каждому свое место и специальный уход нужен... Нагнали строителей, все тут перекопали и выстроили, сплошные лабиринты – места-то мало. За пять дней! Все ради одного-единственного визита, представляете? Зато теперь в Верхнем Новгороде самая крупная коллекция диких зверей на севере Империи – и уже очереди на посещение! Вот, посмотрите направо.

Группа, и я вместе с ними, посмотрела на куб в три метра гранью, за которым вились тусклые синие огоньки, плавая по пространству в разные стороны, будто в воде.

– Это «Души дельфинов». Поразительный экспонат. – Мужчина подошел к самому краю. – Случайно появляются в разных уголках мира, на местах аномалий и технологических катастроф, и так же быстро исчезают. Очень сложно поймать и заключить в специальный сосуд. – Гид указал на завитушки, вырезанные у подножия куба. – Зато внутри куба уже не исчезают и поддерживают свою численность. Некоторые считают, что они разумны или вообще не из нашего мира, но подтверждений нет.

Толстый мужик из нашей группы подошел ближе и постучал пальцем по стеклу. Огоньки совершенно проигнорировали приветствие и продолжили свое неспешное движение.

– А что они умеют? – заскучив, поинтересовался он. – Красиво, конечно... Но это все?

– Есть кое-что, – подмигнул Гид, с видом заговорщика выудил крохотную лампочку и коснулся узким концом поверхности – в том месте,

где тусклый синий огонек был ближе всего. Синий обитатель тут же заскользил в сторону лампы и... будто втянулся в нее! А лампа тускло мигнула и погасла.

– Забавно, – фыркнул мужик.

А мне почему-то стало очень-очень грустно. Ведь огонек исчез насовсем, просто для того, чтобы этому мужику стало «забавно». Расхотелось идти вместе с ними – так и стоял рядом с кубом, пока они не скрылись за углом. А сам подошел к прозрачной грани и извинился, положив ладонь на прохладную поверхность. Огоньки продолжали медленно перемещаться в пустоте, равнодушные к моим словам и потере своего друга.

Уже отходя от куба, задумался – интересно, а если один огонек зажигает лампу... и я могу зажечь лампу (вернее, сжечь – я пробовал)... Вернулся к кубу, коснулся мизинцем стекла и выразил свое «совсем чуть-чуть любопытно» силой.

Вся куча огоньков резко бросилась к пальцу, сжавшись в огромный шар, вспыхнувший до солнечных зайчиков в глазах! И он продолжал расти! Я резко убрал руку и огляделся – вроде никто не заметил, только чернявый дядька возле автомата с кукурузой смотрит как-то странно. А огоньки вновь рассыпались по кубу, только горели теперь ярче прежнего и стали чуть крупнее. В общем, я предпочел ускорить шаг и не оборачиваться, прокручивая в голове «это не я» и жизнерадостно улыбаясь.

А за очередным поворотом ненастоящая улыбка превратилась в всамделишную – потому что именно там оказался огромный белоснежный ларь с темно-синей надписью «Мороженое»!

– Это с чем? – Я деловито тыкнул в яркую упаковку.

– В шоколадной глазури с орехами, рубль пятьдесят.

– А вот это?

– Пломбир, пятьдесят копеек.

– Хм...

– Мальчик, ты брать будешь?

– Разумеется. А вот это с чем?

– Фруктовый лед, есть с апельсином и манго, семьдесят копеек.

– А вот, говорите, в шоколадной глазури и с орехами, это очень вкусно? – провел я пальцем по прозрачной крышке.

– Эй, пацан, не держи очередь! – раздраженно прозвучало со спины.

Я развернулся и насчитал десяток недовольных лиц, успевших собраться за спиной. И они все были в тех неприятных фиолетовых рубашках. Ага.

- Так что там с шоколадной глазурью? – повернулся я обратно.
- Парень, у тебя деньги-то есть? – нахмурилась женщина.
- Разумеется, – лениво повел я плечом, – а фруктовый лед – это как?

Позади послышалось раздраженное бурчание, кого-то даже толкнули, а через секунду между мной и ларцом со всеми богатствами мира попытался протиснуться человек с длинными волосами, чуть ниже меня, тыкая в продавщицу бумажкой с цифрой десять. Мало того что «десять» это больше, чем «пять», так еще опять этот мерзкий фиолетовый цвет!

– Никто не может встать между императором и его мороженым, – проревел я в ухо неприятелю, резко разворачивая его к себе лицом. И через секунду рассматривал до крайности изумленный взгляд зеленых глаз, милое лицо и аккуратный носик. Девчонка!

– Я тебе сейчас нос откушу, – поделился я планами и хищно оскалил зубы.

- Я б-буду сопротивляться! – неуверенно выдала она.
- Во имя святого Ома, что ты знаешь о сопротивлении, женщина!
- Парень, либо ты покупаешь, либо я закрываюсь, – подала голос продавщица.

– Десять пломбира! И пакет! – рявкнул я в сторону, продолжая буравить противника взглядом.

– Эй, пацан, ты не много на себя берешь? – раздалось от очереди.

– Кто сказал? – прогремел неведомо откуда взявшийся во мне голос. – Ты? Или ты?! – шагнул я прямо в очередь, заставив попятиться.

– Да ты знаешь, кто мой отец?.. – проблеял неуверенно парень с аккуратно уложенными волосами.

– А ты знаешь – кто мой?!

– Нет.

– Очень жаль... – медленно прошипел я ему в лицо.

Уловил сбоку движение и заметил парня, направившего на меня маленькую коробочку с глазком. Оружие, наверное.

– Дай сюда! – резко выхватил я золотистый прямоугольник из его рук.

– Верни, меня батя убьет! – тут же заныл владелец.

– Это что? – уставился я на яркую картинку, показывающую асфальт и мои ноги.

– Это батин «Верту», придурок!

– Ты же говорил, это твой телефон, – ехидно раздалось из толпы.

– Отдай! – запрыгал рядом обладатель вертупридура.

– Телефон? – заинтересовался я, не обнаружив диска и кнопок. – По нему можно звонить?

– Можно-можно, только отдай.

– Хм, – потыкал я по плоским кнопкам и вызвал знакомое меню с цифрами. Ага, они нажимаются! Так, где там листочек с номером...

– Ну отдай! – совсем разнылся пацан, даром что на одну голову выше.

– Позвоню и отдам, – раздраженно фыркнул я, принял пакет с мороженым и зашагал по парку. Рядом обреченно топал владелец диковинки. Оглянулся назад – враг продолжал стоять возле ларя с мороженым, то сжимая, то разжимая кулаки. П-ф! Одно слово – девчонка.

– Здравствуйте, это больница? Меня интересует здоровье Георгиевой Елены Васильевны... Так, а кто знает? Врач? Его имя и телефон? Ах не знаете. Тогда дайте телефон того, кто знает! – Поймал себя на том, что продолжаю орать, вышагивая с неестественно выпрямленной спиной. – Не твое дело; телефон! – рявкнул в ответ на попытку увильнуть. – Ага, не прощаюсь.

– А я все расскажу, и тебя побьют, – бубнил себе под нос мой сосед, откровенно раздражая и не давая успокоиться. Иначе, наверное, я бы вежливо говорил. Взрослые ведь.

Набрал новый номер и с удивлением заметил, что на экране даже высветилось его полное имя, с фамилией – у меня-то только имя-отчество было.

На этот раз я держал себя в руках и спросил именно то, что просил меня Толик, – здоровье и состояние. Выслушал, что все великолепно и будет еще лучше, и удовлетворенно нажал красный значок, изображавший положенную трубку – вот тут все знакомо и понятно.

– На, плакса, – ткнул я ему телефон в грудь. – Иди, жалуйся.

Осталось Славке мороженое вернуть – и полный расчет по долгам. Я улыбнулся солнышку, бережно оторвал наклейку с первого пломбира, лизнул бумажный кругляш, слизывая прилипший слой лакомства, и зажмурился от удовольствия. Жизнь прекрасна!

...

– Федя, я понятия не имею, кто такая Георгиева Елена Васильевна, но она сегодня же должна лежать в отдельной палате интенсивной терапии под личным надзором целителя.

...

– Федя, ты просто не знаешь, чей телефон сейчас высветился на определителе. А я знаю! Я жить хочу, Федя!

– Вы отпросились на пару минут. – Перед стройным рядом

понурившихся детей, одетых в форменные цвета Преображенского лица, выхаживал мастер-преподаватель, сложив руки за спиной. – Я посчитал вас достаточно самостоятельными, чтобы пройти десять шагов по парку и спокойно купить себе мороженое. Что в итоге? Я спрашиваю вас, господа, и жду ответа.

Строй продолжал молчать, досадуя на любопытные взгляды прохожих.

– Учитель, мы виноваты, но можно без посторонних? – высказал общее мнение первый в строю.

Увы, в парке негде было спрятаться, так что при всей деликатности мастера-преподавателя, словесная порка была близка к публичной. Мужчина досадливо поморщился и повел рукой, поднимая пылевую завесу между потихоньку скапливающейся толпой и учениками.

– Сейчас-то вы скажете мне, почему какой-то босяк чуть не обворовал одного из вас, наорал и спокойно ушел целым и невредимым?

– От него жутью несло, – проворчали из строя.

– И что?! – Толпу обдало потоком той самой жути. – Мы вас плохо учим этому противостоять?! Порадуйте наставника – еще скажите, что кто-то навалил в штаны из-за бездарного шкета!

– Я могла его побить, – тихо шепнула девочка в конце строя. – Но я сама была виновата, я без очереди...

– Двадцать кругов вокруг корпуса вместо ужина!

Девочка вскинулась, но тут же погасла, уставившись в землю.

– Я бате расскажу, он ему... – прогудел в землю владелец золотого телефона.

– Уважаемый Николай свет Алексеевич, – мягко обратился к нему преподаватель, – вы удивитесь, но ваш уважаемый отец не «он ему», а «он вам», да розгами, да с оттяжкой! Желаете заключить пари?

Парень живо замотал головой и украдкой притронулся к пятой точке. Видимо, знакомо.

– Вы должны уметь ставить таких на место сами! Не через отца или братьев! И не кулаками, драгоценная моя! Словами! – Строй еще раз обдало жутью. – Простолудин должен знать свое место! Как вы собираетесь помогать своим родителям, заслужить уважение слуг рода... если не можете заставить уважать себя одну-единственную охамевшую интернатовскую крысу?! Стыдно, господа!

– Простите, учитель!

– Кричат не на вас! Кричат на ваш герб, на сотни поколений предков! Крадут не у вас, а у всего рода! В ваших словах и действиях, в умении защитить себя и свою собственность – честь рода! – Мастер-преподаватель

прекратил расхаживать и теперь смотрел на отрешенные лица своих воспитанников.

Вроде проняло – выходы в город оказались полезней, чем он думал.

– Мы найдем его, учитель!

– Если вы решите отомстить, покалечив или убив, сами или через родню, я в вас разочаруюсь.

– Н-но!..

– Но если вы найдете его сейчас и, не трогая руками, объясните всю глубину его заблуждений... Не трогая руками! И приведете ко мне, чтобы он принес извинения в моем присутствии... это будет лучшим оправданием для вас и поводом гордости для меня. Даю вам час.

– Да, учитель! – Теперь хор звучал уверенно, лица в строю горели злой решимостью и желанием добиться цели.

– И помните – мстить следует равному. Вы – честь рода. Не пачкайте честь такой низостью, как смерть или боль того, кто даже не может достойно ответить.

Глава 10

Извинения

Самую чуточку прохладная вода омывала ноги, освобожденные от кед и носков – они лежали чуть выше, на каменном уступе. Спину согревала поверхность скалы, сверху улыбалось солнышко, а я, обернув вокруг головы футболку, лакомился пломбиром, восьмым по счету. Еще одно мороженое лежало в воде, завернутым в пакет, с другой стороны небольшого озерца, под металлической трубой с холодной водой. А десятое по счету, вернее – второе, я по-честному отдал Славке, выловив нашу группу возле вольера с жирафами.

К слову, жирафы были неправильными и желто-коричневыми, а не красно-синими. Но вообще – высокие, да. Пока все смотрели на них снизу вверх, я выцепил товарища, сообщил, что надо передать Толику, и торжественно вручил его долю. А за то, что было дальше, – вообще не в ответе! Хотя мог бы догадаться и предупредить, если честно. Просто пакет с остальными восемью штуками я благоразумно спрятал за десяток шагов от того места, и в тот момент переживал, как бы захоронку никто не нашел.

В общем, Слава вернулся к группе с мороженым в руке. Вы видели, как стая собак окружает кота? Как они смотрят на свою законную добычу голодными глазами, расходясь полукругом и отсекая пути к бегству? Как медленно приближаются под тихое рычание, чуть наклонив головы?

– Слава, Слава, Слава, – шипела стая, – дай кусочек, дай попробовать, дай лизнуть. Мы немножко, мы чуть-чуть, ты нам друг, ты нам брат.

Слава не отвечал, он пытался запихнуть пломбир в рот целиком. Получалось не очень. Осознав это, Слава предпринял главный прием кота – залез на дерево. Теперь уже жирафы с интересом смотрели снизу вверх.

– Слава, немедленно слезь! – волновалась учительница.

– Мы поможем, мы спасем, – улыбнулась стая и тоже полезла на дерево.

Сверху полетели шишки и мелкие ветки, а Слава явно наметил прыгать по ту сторону ограды. Потом пришел солидный дядька и потребовал прекратить бардак, пригрозив всех выгнать и больше не пускать. Пришлось спускаться – тем более Славка уже довел мороженое до того состояния, когда его можно засунуть в рот полностью.

В общем, я поспешил покинуть тайный пост под елочкой и свернул на другую тропинку. Скоро Славик прожует содержимое рта и сможет говорить, а вопрос «где взял» уже повторили раз десять. Мы, конечно, друзья и он вряд ли меня выдаст, но лучше в этот момент быть подальше.

Потом на меня с криком «Попался!» выпрыгнул какой-то идиот в фиолетовом. Я почему-то решил, что он хочет украсть мороженое.

– За что? – с обидой спросили меня, прижимая руку к левому глазу. – Я просто поговорить хотел!

Неловко вышло.

– Извините, – покаянно сказал я лежащему на тропинке телу.

И в качестве извинений положил ему на губы кружочек этикетки с приличным кусочком мороженого – как от сердца оторвал.

– Вот, кушай. Кушай-кушай, не стесняйся! – с искренней улыбкой предложил я.

Парень механически задвигал ртом, слопав вкладыш от пломбира целиком. Дикие они какие-то, эти фиолетовые, наши бы ни за что бумагу не стали есть. Ароматизированная туалетная бумага всех отучила. То еще коварство – как вспомню, дрожь пробирает.

Похлопал я его по плечу и пошел дальше, с интересом крутя головой по сторонам, пока не заметил небольшую калитку меж кустов на очередном пересечении троп. Металлическая, закрытая проволокой, она грозно сообщала красной краской «Не входить!», и чуть ниже «ОПАСНО!», и еще чуть ниже «Только для персонала!». Была бы там еще четвертая строчка с таким же заманчивым текстом, я бы точно нарушил запрет и вошел. А так – просто перелез через забор чуть правее.

За оградой оказалась крутая тропка вверх, с небольшими выступами, на которые кое-как удавалось ставить ноги, а кое-где пришлось помогать себе руками, взяв пакет в зубы. Через шагов сорок нашлась лесенка, ведущая еще выше – оказывается, за кустами и деревьями в парке таилась настоящая скала! Я быстро взобрался наверх, очутившись на плоской вершине размером в две моих комнаты. В середине площадки был пруд, касавшийся одним своим краем дальнего конца скалы. Там, где я поднялся, нашлась та самая труба, из которой текла холодная вода, наполняя углубление в скале. Дальше вода прогревалась и падала на три метра вниз настоящим водопадом, впадая в еще одно озерцо, с тигриной семьей на одном из ее берегов. Чуть дальше нашлась и решетка забора, с людьми за ними.

За спиной светило солнышко, так что вряд ли меня кто видел – зато для меня значительная часть парка оказалась как на ладони. И увиденное

мне не особо понравилось – всюду носились фигурки в фиолетовом, явно кого-то разыскивая. Интуиция подсказывала (я съел полмороженого за три укуса) – меня.

Чуть подумав, пожал плечами – пусть ищут. Попробовал пальцем воду в разных концах пруда, нашел ее чудесной для себя (с тигриного конца) и для мороженого (под трубой) и с наслаждением принялся снимать с пломбира слой за слоем, смакуя и наслаждаясь. Чуть позже пришла мысль позагорать – я бы даже искупался, но пруд оказался очень мелким.

В общем, через некоторое время мир казался прекрасным и великолепным, даже мороженое уже не лезло (да, оказывается так тоже бывает). Легкий ветерок обдавал разогретое солнцем тело, ноги ласкала вода, взгляд умиротворяли грациозно вышагивающие тигры. И такое настроение нашло – хотелось поделиться радостью со всем миром. Да даже последнее оставшееся мороженое подарить!

Только вот кому – не тиграм же... Я встал в полный рост и принялся высматривать Славку – тот, если я правильно понимаю, должен сейчас хромать и отставать от группы, так что привлечь его внимание можно будет без опаски. Но Славки не было. Зато возле решетки вольера обнаружилась та девчонка – крутя головой, из-за чего ее волосы красиво поднимались волнами, она тоже кого-то напряженно искала. Даже если меня – странные у них, кстати, прятки, но что-то в этом есть – умиротворение в душе подсказало благородную идею поддаться. Только футболку надо накинуть.

– Эй! – крикнул я, махая рукой. – Женщина!

Та закрутила головой еще активнее, явно узнав голос, но пока не видя меня.

– Да тут я!

О, вроде заметила!

– Обходи сбоку, там калитка, – показал я ей жестом направление, с удовольствием отметил, что поняла она правильно, и отступил от края.

Через минут шесть внизу запыхтели, а еще через минуту дрогнула лестница, озвучивая легкие шаги гости.

Я к тому времени уже выудил мороженое, надел кеды и задумчиво рассматривал тигров (потому что чем больше я смотрел на мороженое, тем сильнее не хотелось его кому-то отдавать).

Почти сразу над лестницей показалась ладошка, а еще через мгновение гостя буквально выпорхнула на поверхность и неспешно двинулась ко мне. Что-то было в ней от тигриного – наверное, взгляд и походка. Особенно красиво смотрелись волосы, подсвеченные солнышком, – у тигров блеск так же ходит волнами, когда они двигаются.

В общем, когда до меня ей оставался еще один шаг, я все-таки решил подарить ей пломбир.

– На, угощайся, – с улыбкой протянул ей последнее оставшееся лакомство.

Вот такой я хороший!

Гостья растянула губки злой улыбкой-ниточкой и резким движением выбила мороженое из рук.

Звук пропал, время будто бы замедлилось – еле-еле поднимался ввысь вафельный стаканчик, вот он замер, остановившись над обрывом... и рухнул вниз, прямо к тиграм.

Сердце сжало болью разлуки и тоски, в ладони вонзились ногти, мир будто дрогнул. Солнце уже не светило так ярко, в грудь дунуло холодным ветром, забирая все тепло этого дня.

– Беги, – выдохнул я, закрыв глаза.

– Извинись немедл...!

Там, наверное, должно было быть слово «немедленно», но очень сложно говорить, когда поверх губ лежит рука, а пальцы сильно сжимают челюсть, стоит пошевелиться.

Весь лихой задор, которым светились ее глаза, мгновенно сменился изумлением и испугом.

– Приглашенный гость неприкосновенен, пока он ведет себя как гость.

Звуки сами собирались в слова, которые я никогда не слышал, но искренне считал правильными. Я произносил с такой же уверенностью, как говорят, что солнце встает на востоке, словно закон – настолько же нерушимый, как полдник в семнадцать вечера.

– Ты в шаге от того, чтобы перестать быть гостем.

Я медленно убрал руку. Девочка резко отшагнула назад, оттирая лицо рукавом рубашки.

– Совсем с ума сошел! – с негодованием крикнули мне.

Я с горечью посмотрел на белоснежную точку в траве, у подножия скалы. Кто бы говорил...

– Да как ты посмел!

– Подарить тебе мороженое?

– Поднять на меня руку!

– Женщина, я за это мороженое три месяца пытал человека током, – припомнил и вернул я ей холодную улыбку. – Не испытывай мое терпение и просто уходи.

– Не уйду, – заупрямилась пока еще гостья, но теперь поглядывала с опаской, – пока не извинишься.

– За что? – искренне удивился я. – За желание поделиться своим счастьем?

– Ну нет, – смутилась она, – за то, что ты сделал у ларя с мороженым.

– А что я сделал? – поднял я бровь.

– Ты очередь держал. Пять минут!

– Я мечтал о мороженом девять лет. Я сбежал ради него оттуда, откуда никто и никогда не сбегал! Друг, прикрывавший меня, возможно, при смерти! – Теперь мой голос повышался до уровня грома. – Могу я потратить пять минут на этот выбор или нет?!

– Прости... Просто наставник сказал, что ты должен извиниться. – Девочка опустила глаза и заерзала кончиком ботинка по камню.

– И ради этого ты выкинула мороженое? – изумился я.

– Ты должен был заплакать, я бы пообещала купить новое, если ты извинишься, – совсем тихо прошептала она.

Я с силой провел ладонью по лицу. Верно говорил дядя Сергей, потирая синяк на скуле: что там у этих женщин на уме – неведомо.

– Давай уже говори про родителей и проваливай.

– А? – удивленно вскинулась она.

– Ну вот это: «Ты знаешь, кто мой отец»?

– А при чем тут мой папа?

– Может, он достойный и уважаемый человек, ради которого тебя можно будет простить.

Девочка дернулась, как от удара. А я двинулся вперед, заставляя гостью смещаться в сторону лестницы.

– Послушай, я... была не права. Я извиняюсь, честно. Я не знала, – зачастила она. – Это задание учителя. Нас так учат – лишить всего и дать надежду на лучшее.

– Теперь у меня ничего нет. Работает?

– Да заладил ты со своим мороженым! Давай я куплю тебе новое!

– Мне – зачем? Это твое мороженое.

– Тогда я куплю его себе!

– Не получится. На свете только одно мороженое, которое я тебе подарил. Другого не будет. – Я довел девочку до лестницы, указал вниз и развернулся к ней спиной.

– Да постой ты! Вот, держи. – В руку ткнулся бумажный уголок, а затем в ладонь попытались вложить прямоугольник.

Я не брал и просто зашагал обратно, к краю скалы.

– Тогда в карман положу, – не унималась она и все-таки выполнила задуманное. – Ну прости, а?

– Прими мой подарок, – кивнул я вниз, на траву, – тогда прощу.
– Но там тигры!
– Ты боишься тигров, но не боишься меня? – с изумлением посмотрел я на нее.
– Но ведь ты шутил... ну, про пытки и побег? – робко уточнили в ответ.
Только головой покачал. Примерился к уступу – слева выходил довольно пологий спуск вниз – и одним движением соскочил, скользя на пятках кед и страхуя себя руками, окутанными даром.
– Куда, там тигры! – взвизнул девичий крик за спиной.
– Император тигра не обидит, – проворчал я, отряхивая шорты.
Повернул голову и посмотрел на утес – там уже никого не было. Сбежала.

Сквозь парк бежала девочка, в панике рассматривая людей на своем пути, вглядываясь в лица прохожих с единственной мыслью – кто может помочь? Она уже кричала о помощи – трижды. Но парк забирал все звуки, подменял крик о помощи воем дикого зверя, прятал в кронах деревьев. Тогда она решила искать помощи самостоятельно – просто чтобы не стоять, бессильно осознавая, что из-за ее глупости умирает человек.

Как назло, ни единого полицейского или смотрителя! А те мужчины, что ей попадались, совсем не походили на героев, что могли бы защитить странного мальчишку от тигров. Но вот мелькнул на самом входе знакомый цвет парадной униформы – искренне нелюбимый ею и всеми учениками, с детства привыкшими к незаметности, но обязательной для выходов в свет. Их группа! И учитель! Девочка ринулась вперед, словно не силой мышц, а силой воли сокращая расстояние до группы с наставником.

– Помогите! Там тигры... съедят! – Девочка повисла на руке учителя, потянув его в сторону парка.

– Кого?

– Того мальчика, я его нашла! Быстрее! – заторопила она его наставника.

– Приютского? – уточнил преподаватель, не желая сдвинуться с места.

– Да!

– Ника свет Сергеевна, посмотрите направо, – чуть иронично произнес мужчина, сопроводив слова жестом, – вам не составит труда заметить желтый автобус, отъезжающий от ворот.

– Да какая разница! Тигры! – злилась девочка, уже силой утягивая учителя в нужную сторону.

– Дело в том, что все приютские только что уехали на этом автобусе. А значит, и мальчик, которого вы якобы нашли.

– Дмитрий Николаевич! Я требую, чтобы вы последовали за мной! – прошипела сквозь зубы Ника.

– Идемте, почему нет, – хмыкнул учитель, ускорив шаг.

– Да быстрее же!

– Ника, я понимаю: проигрывать скучно. Но если вы не справились, имейте силы это признать. Совершенно незачем выдумывать, что вы якобы его нашли, а потом его утащили тигры. Это ребячество, недостойное ваших одиннадцати лет.

– Я не выдумываю! Вот увидите! Если он еще жив!..

– Не сомневаюсь, что тигры уже съели его целиком, – с сарказмом ответили ей.

Но все же Дмитрий Николаевич перешел на бег – просто потому, что воспитанница бросила его руку и сама побежала вперед, не оглядываясь и не заботясь о том, чтобы преподаватель за ней поспевал.

Вскоре они достигли нужного вольера.

Тишина, солнечные зайчики на глади озера, вальяжно разлегшееся тигриное семейство. И ни следа мальчишки.

– Но он был тут!

– Плюс тридцать кругов, Еремеева, – качнувшись на пятках, выдал приговор мастер-преподаватель и неспешно двинулся обратно, походкой уверенного в своей правоте человека. Потому что он сам, лично, прикрывал группу интернатовских, защитив Зеркальной Сферой, дабы оградить от глупости и несдержанности учащихся. Сам же проводил их до автобуса, проследив, чтобы число надорванных билетов в руках их наставника совпало с числом детей.

Заданный им урок был не в насилии – кто бы стал держать садиста в лицее? – а в умении признать поражение. Результат вышел... достойным тревоги. Кое-кто откровенно врал, кто-то выдумывал небылицы, как Ника, кто-то даже успел расшибить себе лоб и подбить глаз, повесив вину на неуловимого пацана. С этими результатами следовало серьезно поработать, а сам факт неудачи использовать в качестве мотивации для тренировок.

– Где же он? – прижав лоб к прутьям решетки, спросила девочка.

Тигры синхронно зевнули в ответ. Даже тот, с этикеткой на лбу.

Глава 11

По другую сторону ограждения

От удара вафельный стаканчик сплюснулся и порвался сбоку да еще прокатился по траве. Все белое – в серых и зеленых отметинах земли, и даже с двумя деловитыми муравьями, оседлавшими место разлома. Такое есть совсем нельзя. Ну разве что под наклейкой – туда уж точно грязь не доберется. Так что, поддев этикеткой кусочек побольше, остальную часть я кинул в сторону тигров. Те, кстати говоря, на мой визит отреагировали только сытыми взглядами. Но вот подарок оценили по достоинству – самый крупный из них, темного окраса – словно футболка после ржавой батареи – грациозно подошел к подарку, ткнулся в него носом, да так и сел, сжав угощение между передними лапами. Еще один любитель прохладного пломбира был отогнан недовольным рыком – так что, сообразив, что ему уж точно ничего не достанется, прошагал ко мне, явно нацелившись на содержимое этикетки.

– Кыш, – махнул я на него рукой, отгоняя хвостатого.

Только вот он совсем не впечатлился (а ведь срабатывало даже с друзьями Лайки!) и рыкнул, будто автобус проглотил. Да еще хвостом хлестанул по боку и снова мордой сунулся – я еле отмахнулся, заехав по наглому уху.

А потом тигр повел себя очень странно – отшагнул вбок обеими лапами и начал мордой трясти, неуверенно покачиваясь, пока вовсе не присел на задние лапы, продолжая крутить головой, вывалив язык и часто дыша. Что это с ним, интересно?

Оглядев тигра, перевел взгляд на свою левую руку и с досадой цокнул – ее, как и правую, по-прежнему окружала пленка дара. На секунду тигра стало очень жалко – я ведь так стену ломал, а тут живое существо, почти что кот. В общем, решил извиниться и сунулся было с остатками мороженого – все равно ведь объелся, – но тигр почему-то испуганно отполз назад, жалобно мяукнув.

Не хотеть мороженого – это уже признак серьезного повреждения головы, так что дальше я гонялся за зверем не с целью накормить, а с целью пометить (наклейкой) и сообщить врачу (а иначе как он разберется, они ж одинаковые все). В общем, догнал, прикрепил на лоб и с довольным видом пошел к ограждению – выбираться обратно в парк

и искать врача. Обратно ведь никак не залезть – голая стена в три метра. Разве что на тигра встать, но они почему-то совсем подходить боялись, особенно после того, как я за их товарищем бегал.

Мельком глянул на людей по ту сторону ограды – и чуть не споткнулся. Рой голодных, предвкушающих и разочарованных взглядов, мерный гул голосов, не дождавшихся развлечения. Так смотрели на меня ребята из старшей группы, ожидая, когда я возьмусь за спицы в розетке, и после того, как я все-таки взял их в руки и ничего со мной не произошло. Они хотели, чтобы мне было плохо, хотели быть свидетелями чужой беды. Взрослые совсем не выглядели монстрами – яркие, красивые наряды, веселая расцветка тканей, широкие панамы и сандалии, но по опыту дяди Сережи я знал, что монстры живут у них внутри.

Все веселье от догонялок улетучилось, захотелось вернуться обратно к тиграм – те хотя бы не желали мне зла, но я только выпрямился еще и ускорил шаг.

От парка место обитания тигров отделяли аж две решетки – одна поменьше, чтобы тигры не убежали, а вторая крупнее, чтобы люди не лезли к тиграм, но если встать на первую, то очень легко перелезть на вторую – с моей стороны, конечно. Что я и сделал, приземлившись рядом с возбужденно гомонящей толпой, прямо рядом с типом, тыкающим в меня глазком коробочки – похожей на ту, что была у фиолетового паренька, только пластиковой.

– Шикарно, просто шикарно! Я все записал! – бубнил он, восхищенно рассматривая коробочку со своей стороны.

– Хм... – Через секунду я смотрел на экран.

Там снова показывали асфальт и мои ноги. Странная штукавина.

– Вот, нажмите сюда, – подсказал дядька, развернув телефон (а это оказался он, только черного цвета) ко мне.

– О, – впечатлился, глядя, как храбрый герой (я) бежит за пациентом. – Вырасту – врачом стану, – поделился довольством собой и перехватил телефон в свои руки.

– Парень... посмотрел – и отдай, – занервничал мужчина.

– Оставлю на память, – покрутив телефон в руках, выдал фразу, созданную раздражением и злостью на этих людей.

– Верни немедленно, я сейчас позову полицию! – повысил он голос, привлекая к нам внимание толпы, и без того с любопытством посматривающей больше на меня, чем на тигров.

– Хорошо, позовите, – отозвался я. – Спросим у полиции, почему вы спокойно снимали, как ребенок находится рядом с тиграми, и даже

не подумали позвать на помощь! – Под конец я тоже поднял голос, высказывая все ровным голосом прямо в глаза мужику. – Никто из вас!

Краем глаза уловил, как площадку перед тиграми спешно покинули несколько пар, да и остальные тоже внезапно начали терять интерес к полосатым хищникам, постепенно отходя дальше. Они ведь тоже помогать не спешили.

– Но... мы думали, вы тут работаете... – оглянулся он назад, ожидая поддержки, но люди отчего-то отводили взгляд, делая вид, что только-только пришли и совсем ни при чем.

– В девять лет? Зовите полицию! – повысил я голос.

– Постой, парень! Не надо никого звать! – засуетился мужик, что-то выискивая по карманам. – Вот тебе на мороженое! – сунул он мне яркую купюру с цифрой двадцать и, медленно двигаясь, другой рукой забрал свой телефон обратно.

Сорок мороженных, хм... Я прислушался к себе и обнаружил там прощение этих глупых взрослых. А еще легкое любопытство с желанием проверить одну фразу, услышанную у фиолетовых, – зачем-то они ведь ее говорят?

– Да ты знаешь, кто мой отец? – И даже подбородок приподнял, чтобы звучало весомей.

– В-вот, еще двадцать рублей!

Чуть прищурив глаза, я продолжал стоять и смотреть – вообще, в этот момент я представлял, как разместить в карманах и футболке восемьдесят мороженных, но мужчина понял совсем иначе:

– Вот еще десять.

Хм, тренировка! Слегка наклонив голову, я вперился взглядом в переносицу стоящего напротив.

– Еще пять. Еще двадцать. А давай я тебе сто дам, а ты мне вернешь остальные, а?

Ставки продолжали расти, достигнув трех сотен мороженных, и я бы уже остановился – но ведь интересно же!

– Слушай, давай я сам поговорю с твоим отцом и все объясню. – Дрожащей рукой мужчина вытер панамой лицо и взял другой рукой телефон. – Какой у него номер?

«Передержал», – с досадой мелькнула мысль.

Вообще, в памяти у меня было три номера, но не давать же ему телефон больницы и врача?

Мужчина набрал диктуемые цифры и демонстративно нажал на значок с надписью: «Громкая связь».

– Комплекс «Государевы фонтаны», – хрипло прогремело из динамика. – Внимание, линия связи не защищена! Перевод на группу спутников «Гермес», ожидайте обратного вызова!

Владелец телефона в этот момент пытался попасть в кнопку отбоя, каждый раз промазывая, а когда через пять секунд раздалась переливчатая мелодия – и вовсе вытащил заднюю панельку, выдернув из коробочки серебристый прямоугольник, после чего все звуки резко оборвались.

– Вот, на. Тебе ведь он понравился? – сунул он мне части телефона в руки. – Дарю! Только папе ничего не говори, пожалуйста!

– Ладно, – удивленно пожал я плечами.

– Спасибо, ты молодец, ты умница. На вот еще сотку. А я побежал, куча дел, пока!

И унесся куда-то в сторону выхода.

– Станный он какой-то, – отметил я, рассматривая кусочки телефона перед собой. – Сломал, наверное, вот и отдал.

Другой бы выкинул, но я бережливо положил все в карман. У меня в комнате клей есть – починю.

Несмотря на подарок, настроение все равно было невеселым, особенно после того, как тетенька у ларя отказалась продавать шестьсот пломбиров. И пятьсот. И ларь с мороженым целиком. И не она одна – другая тоже отрицательно качала головой, стоило показать бумажку с цифрой сто. Наверное, потому что картинка на ней не такая красивая, как на остальных, и вместо моста и речки изображено грустное зеленоватое лицо. Вот и не меняют. И я их понимаю – даже Мишка с восьмого «А» красивей рисует. Надо будет попросить у него перерисовать пятирублевую – ее-то обменяли с радостью на три шоколадных с орехами. Очень вкусных!

А еще никто не знал, где находится тигриный доктор, так что пришлось идти искать самому.

По пути встретил еще одного фиолетового, без настроения с ним побеседовал и двинулся дальше, потирая костяшки на пальце. Какие-то они все странные со своими вопросами, но этот хоть поинтересней других.

Побродил по парку, спрашивая про доктора, пока не показали на небольшое здание с крестом возле входа, но и там никто не согласился лечить тигра.

«Надо было его зеленкой намазать хотя бы, – мелькнула виноватая мысль. – Но ведь еще не поздно!»

Нащупав бутылек с зеленкой на положенном месте и заметно приободрившись, вприпрыжку отправился обратно. Только вот заплутал

немного и вместо тигров набрел на знакомый куб со светлячками да решил задержаться на секунду.

– Красивый, да? Светятся, да? – раздался позади незнакомый голос.

Обернулся – говорил тот самый продавец кукурузы, только сейчас он не сидел за прилавком своего автомата, а стоял в двух шагах позади. Весь загорелый, с темными усами и густыми бровями, в грязно-серой футболке и белоснежном переднике поверх нее, он старался изобразить улыбку, растягивая губы поверх желтых металлических зубов.

– Ага, – согласился. Действительно красивые.

– А как ты их яркими сделал, да? Раз – и сияют! Красиво, молодец! Я Анзору сказал – тот не верит: не бывает такого, говорит.

– Мне идти надо, – извинился я, – тигров лечить.

– Как лечить, зачем лечить? – удивился дядька.

– Зеленкой, а то врачей тигриных нет, – вздохнул я.

– Вах, Анзор – лучший тигриный врач! Я не говорил?

– Серьезно? – недоверчиво глянул я на него.

– Зуб даю, – звонко цокнул он ноготком по железному зубу. – Пойдем, расскажешь Анзору, что с тигром случилось!

– Да я сам вылечу.

– А если тигр заболел и умрет, да? Ты не врач! Анзор врач! Анзор просить надо! Ты ведь не хочешь, чтобы тигр умер? – путался дядька в словах, тараторя.

– Нет, – быстро закачал я головой, – не хочу.

– Тогда идем, да! – воровато оглянувшись, махнул он рукой.

Подозрительный какой-то. Но вдруг там точно врач? Надо идти.

Мой сопровождающий – он назвался дядя Абдула – повел меня к высоким алым шатрам на самой границе зоопарка. То и дело оборачиваясь, он зорко следил, чтобы я не отставал, и каждые три шага обещал, что совсем скоро всех тигров мира вылечат. Хотя надо бы всего одного. В общем, доверия у меня к нему не было, но и отказаться я никак не мог, чувство вины не давало.

Алые купола окружал невысокий забор с красивой аркой, как у входа, но поменьше. Но нам, как оказалось, надо было совсем не туда, а совсем даже к другой стороне забора, где нашелся еще один вход, в виде небольшой дверки, скрепленной с остальным ограждением проволокой изнутри – что совсем не мешало Абдуле запустить сквозь решетку свои длинные руки и ловко освободить две петли от проволоки.

– Анзор там, – поманил он рукой, указывая на большую палатку красного цвета меж двух высоченных шатров.

– Я тут вспомнил, я ведь тигра наклейкой пометил! – спохватился я, почему-то совсем не желая идти дальше.

Людей внутри забора совсем не было, от высоких шатров тоже не доносилось уже привычных звуков толпы. Весь шум, шелест голосов шел от парка, а тут будто вымерло все. Жутковато. И очень захотелось кушать – интуиция тоже недовольна.

– Анзору скажешь, какой наклейка, – непреклонно ответил Абдула и за плечи повел меня вперед.

Я хотел было поупираться, но дядька попросту поднял меня на руки и понес дальше.

– Ты тигр смерти хочешь, да? – пристыдил он меня, занося в полумрак шатра.

После яркого солнечного дня пришлось промаргиваться, привыкая к еле освещенному пространству без единого окна, с единственной лампой, повисшей на проводе сверху. Сильно пахло зверем и соломой.

Постепенно из полумрака проступали два ряда деревянных, грубо сколоченных полок по обе стороны от входа – они тянулись вдоль всей стены палатки и поднимались под потолок, заваленные большими и малыми сумками, вещами, инструментами и коробками самых разных размеров. Справа стояли несколько больших – в половину меня – бутылей с водой и небольшой столик, на котором была еще одна бутылка, но уже вниз головой, упираясь в пластмассовый грязно-белый ящик с краниками. Рядом на столике обнаружились несколько железных стаканов. Слева на земле лежал прямоугольник линолеума с аккуратно расположенной на нем парой красивых ботинок. Сам хозяин пары – наверное, тот самый дядька Анзор – сидел на табурете в дальнем углу шатра, рядом с высоким квадратным ящиком, укрытым сеткой, и настороженно поглядывал в нашу сторону. Выглядел он родным братом моего сопровождающего, разве что был без белого передника.

Позади резко вжикнула вдеваемая в ткань нить – Абдула накрепко закрыл дверь за моей спиной, пришнуровав тканевую дверь к стене палатки. Сдается мне, зря я сюда пришел.

Дядька тем временем ловко скинул моднячие кроссовки и выудил с нижней полки пару попроще – грязноватых и старых, словно боялся испачкать парадные. Я пригляделся к полу – обычная земля, вытоптанная до черного цвета, кое-где превратившаяся в грязь, присыпанную сверху соломой. В такое я своими кедами наступать не согласен! Потому остался возле выхода, заодно прикидывая, как буду выбираться.

– Я сказал, не приходи, – совсем неприветливо встретил Анзор своего

друга и даже вставать не стал – не то чтобы руку подать.

– Это врач, да? – спросил я со своего места.

– Не перебивай старших! – не оборачиваясь, буркнул Абдула.

– Я дверь закрыл, видел? – продолжал бубнить доктор. – Мой ответ – нет.

– Брат, не хочешь – уходи, да? – напряженно произнес мой сопровождающий, нависая над говорившим. – Абдула все сделает, как всегда. Абдула один плохой, все хорошие.

– Ты нас всех погубишь, – не поднимая взгляда, ответили ему.

– Брат, мы уже погибли! – Абдула положил брату руку на плечо. – Придет Самсур – чем платить? Придет Сергей – чем платить? Придет надзор, мент и аренда – чем платить?

– Мы заработаем.

– На чем? – с болью в голосе вопрошал Абдула. – Кому нужен твой ослик, кому нужны твой верблюд и медведь? Посмотри за ограду, у них есть пантера, бегемот и жираф! Сколько людей к тебе пришло сегодня? Молчишь?!

– Никто не знал, что так будет. В прошлом месяце тут ничего не было, – глухо отозвался его брат.

– А сейчас есть! – ударил себя по ноге Абдула, вновь разозлившись. – Чем ты будешь кормить зверей, скажи?

– Продадим.

– Что?!

– Медведей, – кивнул он на ящик у своих ног.

– Я куплю! – подал я голос с верхней полки.

А что, тут удобно, и ноги не пачкаются, и все видно. Например, в том самом ящике возились два маленьких медвежонка. Нет, ну были бы они большими, я ни за что покупать не стал бы. Но мелких-то я точно прокормлю!

– А ну-ка слазь, живо! – возмутился Абдула.

– А медведей продадите?

– Слезешь – подарю! – недовольно гаркнул он.

– Отлично! – воодушевился я, пряча обратно сотню со старым мужиком и две сотни рублей. Экономия!

Вновь перебрался к входу – еще и потому, что сверху не было никакого лаза, а с другой стороны шатра дверь была также зашнурована. Разведка!

– И сколько тебе за них дадут? – продолжал в чем-то убеждать Абдула своего брата.

Тот промолчал, ссутулившись.

– Зверей покормишь, нам жить на что? Бензин, чтобы уехать из этого клятого города? – устало продолжил Абдула.

– Если кто узнает – нас всех повесят. Всех: тебя, меня, твою Розу, мою Шаниту; ты понимаешь? – поднял Анзор на него взгляд.

– Никто не узнает! – с жаром доказывал ему брат. – Он сирота, я их автобус видел. Уехали они уже, потеряли его. Камер нет, свидетелей нет, верь мне, да?

«О, наши-то уже уехали!» – тревожно постучалось в грудь. Надо будет самому до интерната добираться. Но сначала надо уйти, не забыв своих медведей.

Мне не было страшно, только очень обидно – за тигра, а не за себя. Нет тут никакого доктора, только два злодея, задумавших меня похитить. Дядя Коля не раз о таких говорил, но не рассказывал, что им может быть продавец кукурузы.

Пока два брата убеждали друг друга, я аккуратно и еле слышно уронил на бок один из баков с водой и отвинтил крышку. Вода медленно полилась по полу, растекаясь длинной и неширокой лужицей к центру комнаты. Прикинул скорость и раскрыл еще две бутылки – теперь ручеек устремился вперед гораздо уверенней. Быстро снял одежду, обувь, уложив поверх столика, и сделал шаг вперед в одних трусах – прямо в холодную воду – одновременно с тем, как слой воды закрыл место, где сидели братья. Вернее, сейчас они не сидели, а молча смотрели на меня, угрюмо и уверенно. А еще в руках Абдулы был пистолет – такой, как на картинках или в фильмах, только с белым кругом и такого же цвета накладкой впереди.

– Не убьет? – напряженно вымолвил Анзор.

Тот, ни слова не ответив, одним движением откинул верх у ящика рядом, направил пистолет в ту сторону и дважды выстрелил – негромко, словно кашлянул кто.

– Видишь, доза маленькая, – игнорируя меня, спокойно сказал брату Абдула, – даже не уснули сразу.

– Мои медведи! – взревел я, сильно разозлившись.

Пистолет развернулся ко мне и еще раз чихнул, больно кольнув в плечо.

Я посмотрел влево – из кожи торчала оперенная стрелка с двумя зелеными полосами. Коснулся руками и медленно потянул от себя. Через секунду заторможенно рассматривал капельку крови на острие, отчаянно борясь с желанием закрыть глаза или упасть на землю, подчинившись сильно раскачивающемуся миру в глаза.

– Ты чего разделся? – удивился Абдула.

В это время Анзор переступил с ноги на ногу и возмущенно отметил плеск воды под ногами.

– Ты кого привел? Он нормальный, да? Зачем воду разлил?!

– Мне просто было очень, очень любопытно, – выдавил я из неожиданно пересохшего горла.

– Что любопытно? – раздраженно фыркнул Анзор, подходя ближе вместе с братом.

– Как вода проводит ток, – честно признался я, выпуская свое Любопытство на свободу.

Яркая вспышка ослепила глаза, превращая четкий мир в красно-фиолетовые разводы. По ушам ударил резкий вскрик, потонувшей в шипении закипевшей и тут же обратившейся в пар воды, плотным кипящим облаком поглотившим все пространство. Жалобно заревели мои медведи, заставив спохватиться и отозвать свою силу обратно. В самом центре облака замерли две фигуры, невообразимо изогнутые прошедшей сквозь них силой. С обгорелой одеждой, алой от кипятка кожей, они стояли с раскрытыми ртами, беззвучно крича в тишину. Первым упал пистолет из рук Абдулы, а за ним и он сам. Сверху сломанной игрушкой рухнул его старший брат.

– Зато ваших родных не повесят, – утешил я двух разбойников и усилием воли заставил себя одеться.

Стало чуть легче, мир перестал раскачиваться, но каждый шаг давался очень сложно – будто к телу привязали три каната и дергали в разные стороны по очереди, стоило пошевелиться. Носки надеть так и не сумел, зато обвязал ими поломанный телефон, чтобы не повредить.

Привалился к полке, набираясь сил на последнее действие. Отдохнув, решительно направился к ящику.

Мои медведи спали, свернувшись единым, чуть влажным клубком у дальней стенки. Две стрелки валялись на противоположной половине – эти непоседы умудрились их вытащить сами, как и я, но действие сонного зелья сломало их куда быстрее. Маленькие ведь.

Попытался вытащить первого – и чуть сам не упал внутрь ящика. Уж больно тяжелым оказался медвежонок, а по виду совсем не скажешь. Или я ослабел? В голове снова начало шуметь. Кое-как, упираясь в стенку, вызволил первого, а за ним и второго, уложив на землю рядом.

– Так я их точно не утану, – посетовал вслух и принялся разглядывать помещение палатки в поисках того, что мне может помочь. А затем и прошелся, выглядывая на полках хотя бы ткань – на нее можно будет

уложить медведей и волочить за собой, а там взрослых помочь попрошу. Если не усну еще раньше – глаза предательски начали слипаться, закрываясь сами по себе. Пришлось пнуть мизинцем угол ящика (проверенный метод!) и искать дальше, припрыгивая на одной ноге. Нужная вещь обнаружилась в самом дальнем краю, задвинутая меж полка и внешней тканью палатки, – там, стоя на одном колесе, дожидалась меня самая настоящая тележка! И размерами отлично подходит – можно даже третьего медведя положить, только где его взять?

Расшнуровав непослушными руками (а скорее порвав окутанными даром руками, чем разобравшись в узелке), я впустил в помещение яркий солнечный день – веселый и беззаботный, как и я часом раньше.

Хмуро оглядел пространство палатки, наметив путь движения тележки, чтобы не упасть и не застрять во влажной земле. Взгляд зацепился за два по-прежнему лежавших тела, да так и остался на них, пока голова решала – хорошо это или плохо? Сонные мысли путались и не хотели их жалеть, а даже наоборот. Целый день в этом зоопарке мне показывали, что безопаснее всего находиться внутри клетки, оставив опасных зверей – злых фиолетовых, равнодушных взрослых и жадных похитителей – по ту сторону решетки. Мир в городе совсем не такой, как я думал. За мороженое тут воюют, умеющих делать красиво – воруют, а подарки совсем не ценят, желая друг другу боли и зла, а не радости. Наверное, так тут правильно. Я ведь ничего не видел за пределами интерната. Наверное, нас там специально так учат – помогать и прощать, чтобы в городе нас побили и похитили, заставив работать за надежду на лучшее. Значит, я поступил правильно – по законам взрослого мира. Придется переучиваться.

Я подошел к Абдуле и присел рядом, рассматривая красноватую маску боли на его лице.

– Нет тут доктора, а ты зуб давал, – попенял я ему. – Слово надо держать.

Подцепил пальцами желтый зуб и потянул на себя – но вместо одного на руки выпал целый ряд, сцепленный проволочкой. Тяжеленный! Дернул нижний зуб – и получил всю челюсть. Поцелкал их друг об друга и закинул в карман, вновь пошатнувшись. Слабость не хотела меня отпускать, вновь баюкая качающейся землей.

Кое-как выкатил тележку из палатки и медленно, выписывая кривые линии, побрел к калитке, толкая ценный груз перед собой. По пути пришлось собирать медведей обратно – силы на секунду пропали, мир погас и вновь включился вместе с ощущением полета вверх, через тележку. Боль от падения подарила еще несколько минут бодрости, но я

уже прекрасно понимал, что даже до калитки вряд ли дойду, не то что до людей. Но все-таки дальше забора я вырвался, а там заметил серый вагончик у самой стены и решительно направился туда. Сначала хотел подремать за ним, но потом заметил, что под днищем достаточно места для меня и медведей, да еще само оно – сухое и без травы в самом центре, а значит, ничто не мешает там задремать – совсем чуть-чуть, минутку или даже меньше. Впереди себя я положил медведей, затем опрокинул телегу, закрывая с другой стороны (скорее, она сама так удачно упала), а затем обнял своих новых друзей и смежил веки.

Мне снилось что-то тревожное, с близким ревом сирен, женским плачем, громкими голосами и лаем собак, то удаляющимся, то приближающимся вновь. Один раз почудилось даже громкое дыхание совсем рядом, но оно тут же сменилось испуганным скулением, очень быстро скрывшимся где-то вдали.

Глава 12

Звезды в руке

Проснулся я от холода, вцепившегося в левый бок беззубой пастью – только давит, не в силах прокусить, но и от этого совсем не легче. Хотя нет, зубы там на месте – стоило пошевелиться, как в кожу вонзились бесчисленные иголки, вынуждая замереть на месте. Холод совсем недоволен, что его добыча вдруг вздумала сбежать. Но я больше не добыча, я теперь сам кого хочешь укушу! Не сам, конечно, я же не дикий какой, у меня теперь для этого челюсть железная есть.

Собравшись с силами и игнорируя боль, перелез через теплого медвежонка, – оказывается, я как-то устроился меж ними, хотя помню себя уснувшим на самом краю. Оно и понятно – медведи теплые, только земля подвела, совсем остыла. Нащупав край вагончика, подтянул себя к нему и перекатился. Да так и замер, рассматривая тысячи звезд над головой, больших и малых, чуть подрагивающих от холода, как и я. Вот это я поспал...

Осторожно, морщась от покалываний по всему телу, поднялся на ноги и медленно сделал зарядку. Постепенно холод и боль ушли прочь, только в груди словно ежик застрял, заставляя морщиться на глубоком вдохе. Глазами нашел тележку, часть которой выглядывала из-за вагончика, и аккуратно достал медвежат, сложив рядом с их главным средством передвижения. Медвежата все еще спали, но попытку съесть мои руки предприняли оба – пришлось окутывать руки даром. Голодные, наверно. Я вот точно голодный, и таким мне быть до самого утра. В интернате-то давным-давно съели полдник и ужин... пролетела по этажам команда «отбой», ребята спят в теплых кроватях, пожелав друг другу спокойной ночи. Хорошо им... Интересно, вспомнил кто меня? Вряд ли. Разве что грустно смотрит Машк в мое окно, ожидая котлеты. Быть ему сегодня голодным, как и мне.

Поставив тележку на колесо, покатыл по тропке, освещенной ярким светом полной луны – она пряталась все это время за вагончиком. Но даже так – темно, особенно под деревьями и на узких тропках. Ни одного включенного фонаря вокруг, зоопарк спит. Правда, не весь. Иногда я ловил на себе чужое внимание, замирал и смотрел в ответ – интересно ведь – и желтые пятнышки взглядов отворачивались, теряя интерес.

Обратный путь я повторил легко и через некоторое время оказался там, где все началось. Возле громадного куба с яркими огоньками. Ночь скрыла стеклянные грани, оттого казалось, будто светлячки сами собрались и образовали такую красивую форму. Но медленное, тоскливое движение выдавало их несвободу. Так же двигались тигры, жирафы и другие звери за решетками зоопарка – свободные только в вольере, они будто разучились двигаться быстро. Но тигров я научил обратно.

– А меня сегодня тоже хотели похитить, – пожаловался огонькам, прильнув носом к стеклу.

Отсюда, если смотреть снизу вверх, огоньков казалось гораздо больше. Только часть из них почему-то совсем не двигалась... А нет, это же...! Но ведь тогда внутри...! Оглушительное понимание взбудоражило все во мне, заставив резко подняться на ноги.

– Они похитили звезды! – возмутился я, крепко сжав кулаки.

Нет преступления хуже!

– Я вас освобожу, – пообещал, шмыгнув и вытерев слезинку.

Откатил тележку с медвежатами подальше, окутал руки даром и с силой врезал по стеклу. Куб вздрогнул, гулко простонав, но устоял.

– Так, да! – со злостью принял я вызов.

Но тут же успокоился. Злость – плохо. Вот любопытство...

– Интересно, а что, если сделать так?.. – Почесав затылок, я положил руку на грань и пустил сквозь нее силу.

Звезды тут же ринулись ко мне, облепив ладошку и сжавшись маленьким солнышком.

– А теперь – так!

Азартно прикусив язык, вытянул другую руку и окутал ее Силой Крови, а затем медленно и осторожно создал мостик меж ладоней.

– И вот так!

Я попробовал «зажечь лампочку» в свободной руке, черпая силу из левой, но используя только свой дар.

Сначала сияющей лентой, а потом и сплошным потоком огоньков расцвел воздух вокруг, освещая парк светом нового дня – доброго и свободного! А в кубе никого не осталось – с удовольствием отметил я, потянувшись, разминая мышцы, и одним жестом стряхнул прилипшие к рукам звезды.

– Бывайте, всем привет! – помахал им рукой.

Только они что-то совсем не торопились улетать.

– Ну ладно, – пожал я плечами, взгромоздил тележку на колесо и пошел дальше к выходу. По подозрительно ярким тропинкам.

– Эй, вам туда, – остановившись, ткнул пальцем, указывая облачку огоньков в небо. Но те совсем не впечатлились, продолжая со знакомой медлительностью летать над головой. – Ну ладно, но только до выхода! – сдался я неожиданным попутчикам.

А вообще – удобно: светло и кочки можно объезжать.

Так что до ворот мы добрались быстро. До высоких, кованых, закрытых ворот, с огромным замком на цепи.

– Так, и что делать? – спросил медведей, но те предательски спали. А звезды вообще неразговорчивые – ни «спасибо», ни «ура» от них.

Глянул влево – так же тянется забор, сплошной стрелой, иногда скрывавшейся за деревьями. Глянул вправо – и, к облегчению (а я уже приготовился лезть с медведями на дерево), обнаружил небольшую сторожку, приютившуюся под разросшейся березовой кроной. Подошел ближе и сумел заглянуть в окно, хотя, когда оставался последний шаг, уже знал, что там точно кто-то есть – уж больно громко оттуда храпели, аж стекла дрожали. В отсветах звезд дремал бородатый старичок, накрывшись серым пледом. Рядом с ним, на столике, блеснула высокая бутылка, из тех, что так любил таскать дядя Сергей первые недели, и граненый стакан. В их тени пряталась тарелочка с двумя зелеными огурцами. Предательски буркнул желудок, требуя если не ключ от ворот, то хотя бы один огурец.

Обошел вокруг и подергал за дверцу – заперто. Придется будить.

– Эй, доброй ночи, – застучал я в окно, пытаюсь привлечь внимание. Да куда там – тот храпел громче, чем я кричал.

– Ладно, попытка номер два, – хмыкнул, подав силу к руке и уже через мгновение почувствовав в нем живое солнце.

Сложил ладонь лодочкой, сосредотачивая сияние в узкий луч, и посветил прямо в лицо спящему в сторожке мужику.

– Подъем! – гаркнул как умел.

– А, что?! – заполошно отозвался сторож, тут же запутался в пледе и рухнул на пол.

– Ворота, откройте, пожалуйста.

В окошке показалось заспанное лицо, подслеповато вглядывающееся наружу.

– Кто таков?! – крикнул старик скорее испуганно, чем строго.

– Император Максим.

– А-а-а... – протянул он, то разевая, то закрывая рот.

Это он меня увидел, стоящего с тележкой в облаке ярко сияющих звезд.

– А, эта... в тележке что?
– Медвежата, подарили их мне, – терпеливо пояснил я. – Домой несусь.
– Так... нельзя ведь, зверя домой... – пробормотал он, выбираясь наконец из своей сторожки.

– Эти маленькие.
– Пока маленькие, потом вырастут. – Постоянно оборачиваясь и протирая глаза, старик все-таки добрался до ворот и зазвенел ключами.

– Точно? – усомнился я.
– Так это... маленьких медведей и не бывает. – И заскрипела створка.
– Вот дела... – совсем расстроился, не представляя, куда деть таких громадин через пару месяцев. Разве что в спортзал. Там, говорят, козел есть – только я никогда не видел, – и еще через него даже прыгают. Ну ничего, будут теперь от медведей бегать, тоже полезно.

– Стал бы я императору врать, – с поклоном придержал он ворота, давая мне спокойно пройти.

Только вот когда я мимо проходил, зачем-то пальцем в меня решил ткнуть, еле увернулся. В общем, странный, но хороший.

– Спасибо! – поблагодарил доброго дядьку.
– Так и знал, что паленая! – отозвался он в ответ.
Говорю же – странный.

Огромная площадка перед парком, битком набитая утром людьми и машинами, сейчас выглядела совсем пустой. Только спали посередке семь автомобилей, прижавшись друг к дружке по две-три. Вдали изредка пролетали машины, даже не думая остановиться или завернуть в мою сторону. Как добираться домой – совсем непонятно. Эх. Позади лязгнули ворота, закрывая парк и возможность переночевать у сторожа.

– Ну не стоять ведь до утра на месте, – пожал я плечами и бодро покатил тележку к дороге, совсем прозевав коварный бортик, да еще с крутым спуском вниз. Тележку-то удержал, затормозив пятками, но сам улетел прямо в кусты, вовремя отпустив железные ручки – иначе лететь бы мне вместе с медведями.

– Ёклмн! – с воплем проломил я спиной невысокие деревца, застряв меж особо разлапистых кустов.

Огоньки тут же подлетели ко мне, участливо освещая заросли вокруг, только все равно ничего не видно – одни ветки и справа, и слева, и заяц... Заяц!

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я с огромным длинноухим. – Хороший вечер, не правда ли?

Просто он был одет в рубашку с красной бабочкой, и я решил, что это

очень вежливый и культурный заяц.

– Меня зовут Максим, а вас? – подал я ему руку и осторожно коснулся лапки.

Прохладная, твердая, с коротким ворсом. И совсем неживая – игрушечная.

– Кто же выкинул такое чудо? – изумился я, мигом извернувшись на месте, чтобы получше рассмотреть находку. И даже огоньки подлетели ближе.

В ярком свете заяц выглядел не так празднично – от влаги и листвы испачкалась рубашка и штанишки, грустно обвисла бабочка, а в шерсти застряло много сора, но заяц не выглядел сломанным или испорченным. Ухи... уши, хвост, лапки – все на месте, даже усики – и те парами, не оборванные, только загнулись слегка в разные стороны.

– Ты как хочешь, но мы идем ко мне, – уверенно выдал я ему.

Проломившись обратно через кусты, аккуратно разместил находку рядом с медведями – и от такого вида так тепло на душе стало! Даже не от такого подарка, а от идеального заполнения тележки добром – места осталось разве что на двух-трех хомячков. «Хм» – внимательно посмотрел я в кусты и рыбкой нырнул вглубь. Ну а вдруг?

Выбрался обратно в ветках, листве и чуть разочарованный. Нет в мире совершенства – как говорил трудовик, рассматривая ящик с муравьиным спиртом.

– Вот теперь – домой, – объявил я программу и бодро покатыл вперед.

Остановился только за десять шагов до дороги, когда фонари освещали достаточно и нужды в подсветке облаком звезд уже не было. Сегодня мне уже показали, как опасно отличаться и быть непохожим на других, поэтому выходить со светлячками к людям я не хотел. Но и отозвать их никак не получалось – не хотели они лететь на небо, а ругаться на них и кричать не стал уже я сам. Красивые они, зачем обижать? Так что просто подал силу на участок под футболкой – куда и юркнули все звездочки, превратившись в сияющий комок. Правда, все равно просвечивают – да так ярко, будто никакой ткани нет. Хм, любопытно! На всякий случай оглянувшись, изобразил силой на груди букву S, заключил ее в треугольник с углом внизу и довольно огладил футболку с сияющим знаком. Другое дело!

А затем, вздохнув, все-таки спрятал огоньки в кулак – а то еще попросят мир спасти, а у меня еще кот не кормлен.

Помотал головой возле дороги, старательно вспоминая, откуда мы приехали, и решительно зашагал вниз по улице, стараясь высоко поднимать

ноги, потому что иначе холоднее. Вот только машины не торопились останавливаться рядом, автобусов не было совсем, так что через какое-то время улица кончилась, зато начались две новые – похожие, как правая и левая рука. Почесав голову левой, в ту сторону и направился. Как оказалось, не зря! Сначала я услышал негромкую музыку, а за поворотом у очередного дома увидел ярко освещенный автомобиль с приоткрытыми окошками и дядькой на переднем сиденье. Но самое главное – шашечки! Не те, которые чтоб играть, а которые черно-желтые и светятся. Такси!

Ускорившись, мигом подкатил тележку поближе, а сам направился к окошку водителя. Из машины веяло теплом, будто машина – часть моей комнаты и достаточно только открыть дверцу и...

– Чего надо, пацан? – недобро буркнул водитель, окинув подозрительным взглядом.

– До дома довезете? – выдохнул я свою надежду.

– А деньги у тебя есть?

– Конечно! – перекинув огоньки к пятке, зашуршал я бумажками, глянул на дядьку – злой он какой-то – и вынул самую некрасивую, которая зеленая. – Вот.

– Залазь, – отчего-то засуетился водитель, пристегиваясь.

Наверное, злым такие картинки нравятся больше.

– Только я не один, – сразу предупредил.

– А еще кто? – закрутил он головой.

– Я сейчас! – кинулся к тележке, подхватил зайца и поднес к окошку. – Вот! И еще два медведя.

– А, ясно. Сейчас в багажник покидаем.

– Их нельзя кидать! – возмутился я.

– Ладно, клиент, – усмехнулся дядька, левой рукой отщелкивая замок на задней двери, – тащи их в салон, только придерживай, свалятся.

– Ага, – радостно кивнул я, пристраивая зайца на сиденье, и тут же метнулся обратно.

– Большие какие, – прокомментировал водитель, когда я с пытением устраивал медвежонка рядом с зайцем. – Третьего давай на переднее сиденье, позади место мало.

– Момент!

Еще один заход, и сонный мишка устроился на серой ткани кресла.

– Ремнем пристегни, – равнодушно мазнул он взглядом, заводя мотор.

Ремень я нашел, а куда пристегивать – нет. И спрашивать как-то не солидно... Но ведь главное – чтобы держало? Потому нагнулся через

сиденье и в самом низу привязал его к натянутому ремню шофера – накрепко, на два узла! Теперь точно никуда не денется.

– Можно ехать!

– Адрес? – глянули на меня глаза из зеркальца над рулем.

– Верхне-Новгородская школа-интернат.

– Деньги вперед, – нахмурились брови над глазами.

Пару минут дядька разглядывал хрустящую зеленую бумажку, то и дело поглядывая на меня, но потом вроде успокоился и запрягал грустного зеленого мужика к себе в карман.

– Это не я рисовал, – открестился я от такой халтуры. Всего одна краска! Даже у меня два фломастера.

Шофер резко замер, так и не доведя руки до руля, и снова достал купюру. На этот раз даже лизнул и помусолил краешек.

– Ты так не шути, – непонятно пригрозил дядька, повернув ключ под рулем.

Машина замурчала довольным котом, и мы лихо вырулили на поверхность черной дорожной реки.

– А сложно машину водить? – солидно поинтересовался я, просунув голову меж креслами и наблюдая, как дорога подчиняется движению руля.

– Эту – нет. Коробка-автомат, – непонятно, но очень внушительно выдал дядька, выруливая налево.

– Стреляет?

– Нет, даже не хрустит.

– Сломалась, да? – посочувствовал я дядьке. Ведь зачем нужен автомат, который не стреляет?

– Нет, рабочая, – недовольно процедил шофер. – Она не должна стрелять. Это значит, что она сама переключает передачи, без палки.

– У нас тоже раньше палкой передачи переключали, а потом новый телевизор подарили, с пультом. А вам плохо, да?

Просто он как-то тягостно простонал, вот я и подумал...

– Нет. Мне хорошо-о, – сообщил он на выдохе и сделал музыку погромче. Зря, кстати: теперь кричать пришлось – иначе не слышно.

– А это для чего? – рывкнул я ему в ухо, с любопытством ткнув пальцем на стрелочки и цифры чуть дальше руля.

– Блин! – Машина резко вильнула и остановилась. – Сиди тихо или высажу!

Пришлось часто закивать и отсесть в дальний угол. Ну и ладно, я и так все запомню – интересно ведь.

Правда, появилась новая проблема – на заднем сиденье проснулся

мишка и явно наметил отужинать зайцем. Еле успел спасти, подменив ушастого своей рукой – пусть лучше ее мусолит. Косолапый быстро разочаровался в таком занятии и недовольно проревел, несмотря на все мои просьбы вести себя прилично. Хотя в это время как раз пели про волков и погоню, так что вышло даже красиво.

– А вы не могли бы ехать побыстрее, а то медведь скучает по братику? – попросил я вежливо, отдирая непослушного зверя от обивки переднего сиденья.

– Что? – глянул непонимающе водитель в зеркало, некоторое время полюбовался на пытящую медвежью морду и мою располагающую к себе (я старался!) улыбку на ее фоне. – М-ма-ать! – заорал он так внезапно, что мне-таки удалось оторвать мишку и усадить рядом.

Машина резко затормозила, ударив нас с медведем креслом по голове.

– Не мать, медведь, – поправил я.

Но дядька не слушал, отчаянно пытаюсь отцепить ремень безопасности.

– Вы, кстати, зря его так сильно дергаете. Второго медведя разбудите, – с укоризной сообщил я.

Шофер резко замер и медленно, очень медленно повернул голову направо. Туда, где пока еще дремал второй мишка.

– Он настоящий? – громко сглотив, поинтересовался дядька.

– Разумеется, – пожал я плечами и вновь перепрятал зайца – машина опять заполнилась разочарованным ревом.

– Парень... ты это... Давай я тебе деньги верну, а? Ты другую машину найдешь?

– Не-не-не, – возмутился я, – где я другого таксиста сейчас найду? Мне уже медведей кормить пора.

– Не надо, пожалуйста, – задрожал мужской голос.

– Но я должен, это ведь мои медведи.

– Н-не мной, п-пожалуйста.

– Так я вами и не буду, я котлетами. Из мяса!

Шофер всхрипнул, подавившись фразой, и надолго замолчал, часто дыша.

– А х-хочешь, я тебя машину научу водить?

– Вы серьезно? – замер я, словно боясь спугнуть волшебное предложение. И даже медвежонок притих, словно почувствовав момент – так и замер с моей ладонью в пасти.

– Абсолютно, – резко кивнул дядька. – Садись на переднее сиденье, я тебе все покажу. Тут все просто.

– Здо́рово! – обрадовался я. – Спасибо!

– Давай садись вперед, – натянуто улыбнулся водитель.

Я мигом вылез из двери, хлопнул ею, вновь открыл, прихватил зайца (еле спас!) и наметил присесть рядом с медвежонком на переднее сиденье.

– Нет-нет-нет! Вдвоем на одном кресле нельзя сидеть! – замахал дядька руками.

Пришлось вынимать медведя из ремня безопасности и пересаживать назад, к брату, а самому ввинчиваться в тканевые ленточки на его место. Шофер хотел было мне помочь, суетливо пытаясь развязать мой узел, но я успел быстрее.

– А вы куда? – поинтересовался я, глядя, как водитель пытается сползти вниз по креслу, стараясь повторить мой маневр, в свою открытую дверь, но задом наперед и не очень удачно.

– Парень, у меня жена, дети, – просипел запутанный в ленточках дядька, ерзая ногами по асфальту.

– Здо́рово вам, – покачал я головой, устраивая зайца к себе на коленки, – есть кому вас вспомнить. Вот меня никто не ждет.

– Пожа-алуйста! Я не хочу умирать!

– Никто не хочет, – пожал я удивленно плечами. – Так вы будете меня учить? Или сразу поедem ко мне? – построжел я голосом.

– Сейчас, – шмыгнул он простуженно, взобрался на сиденье, глянул на меня, затем на ерзающих на заднем сиденье медвежат, и медленно покати́л вперед.

Теперь он говорил куда уверенней, показывая, как надо водить и что на приборной панели (а это приборная панель!) означают стрелочки, кнопки и значки. И вообще, таким он мне нравился куда больше – собранный, спокойный. Разве что то и дело поглядывал назад, посматривая на клубок играющих тел и вздрагивая от их излишне громкого рева, но зато перестал вести себя глупо.

Неспешно менялись улицы с одной на другую, становились понятными знаки и педали, рычаги и кнопки на руле, и даже медвежата вновь затихли под наш тихий деловой разговор. Только вот дорога совсем не узнавалась – не по ней мы ехали к зоопарку. Но дядька успокаивал, что это какая-то другая дорога, более короткая.

– Я немного заблудился, надо спросить дорогу, – улыбнулся он, кивнув в сторону яркого щитка с надписью «Полиция» над квадратным зданием, возле которого действительно скучали двое в форме, выдувая дым из тонких белых палочек.

– Ладно, – пожал я плечами.

– Ты помоги отстегнуться, чтобы я выйти смог, – кивнул он в сторону узла, – у меня что-то не получается.

Еще бы, мне этот узел дядя Коля показал. Надежный! Стал бы я медведя чем-то ненадежным крепить...

– Вот, все. – Двумя хитрыми движениями я ослабил завязку и пропустил сквозь нее металлическую пряжку. – Можно было и не развязывать, они сами к нам идут, – кивнул я в сторону приближавшихся к нам дядь.

– Так невежливо, – засуетился водитель, как родным обрадовавшийся полицейским. Наверное, друзья его.

– Спасите! – вместо «Привет!» крикнул он им, бросаясь навстречу. – Он хочет скормить меня медведям!

– Руки вверх! – пролаял ему голос правого полицейского, а навстречу поднялась угрожающая тень настоящего автомата.

– Там медведи, – ткнул он пальцем в сторону машины, но руки поднял. Громко шикнула черная коробочка в руке второго, захрипев мужским голосом:

– Пост-два, что у вас?

– У водителя белочка, – отозвался полицейский в коробочку.

Вот же водитель вредный! И врет, и белку не показал.

– Я говорю правду! – рухнул дядька на колени. – Посмотрите в салон!

– Разберемся. Кантуй его в браслеты – и в отделение, – распорядился мужчина с коробочкой, а сам включил фонарь и направился ко мне.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я, прижимая к себе зайца.

– Ты его сын?

– Может быть, – настороженно ответил я правду. Кто же знает?

– Медведей-людоедов видел?

– Не-а, – замотал я головой. Мои мирные.

– Давно с ним такое?

– Уже час, – прикинул я время.

– Ладно, посиди пока... – вздохнул дядька, рассматривая с фонариком сиденья позади и никого там не обнаружив – еще бы, эти сорванцы опять вниз свалились. – Внутри тебе все равно места нет.

– Мне бы домой? Я и сам доехать могу.

Теперь умею!

– Так, – глянул он на наручные часы, – до последнего троллейбуса – полчаса. Деньги есть?

– Ага, – достал я сотенную из кармана.

– Точно домой доберешься? Адрес знаешь? Подкидывать не надо?

Это как высоко надо подкинуть, чтобы интернат увидеть?

– Не-не-не, не надо, – замотал я головой.

– Телефон есть?

Я закивал, доставая из кармана разобранный пока что аппарат.

– Ну-ка, дай. – Полицейский принял трубку, ловко вдел детали друг в друга, дождался ярко засиявшего экрана и удовлетворенно кивнул.

– Держи включенным, если что – ноль два, понял?

– Спасибо! – искренне поблагодарил я. Хороший дядька и телефон мне починил.

– Бывай!

– До свидания, – сказал я ему в спину, перебрался на водительское сиденье и через пару минут, провернув, как учили, ключ, с чувством невероятного удовольствия самостоятельно выводил машину на большую дорогу. И ничего сложного! На секунду показалось, что позади кто-то тревожно меня окрикнул, но я весь уже был впереди, всей душой на острие пересечения лучей от фар.

Повисла луна над гладью рукотворного поля, закованного в кольца бледно-розовых беговых дорожек, добавляя малую тень каждому движению трех подростков, покоряющих круг за кругом отмеренную наставниками дистанцию. Давным-давно закончились занятия, погасли огни стадиона, вежливо намекая на позднее время, но с достойным уважения упорством неслышно отсчитывались цифры, мерно звучало дыхание, вторили ему звуки касания земли.

Они знали – никто за ними не смотрит, знали – все видеокамеры принудительно отключены, и никто не скажет им и слова за неисполнение наказания, данного в ответ на упрямство и желание настоять на своем. Для обычного человека намеков вполне достаточно, чтобы пробежать полезную для здоровья норму и отправиться к себе в комнаты. Но эти трое не могли иначе – было дано слово, а значит, если рассвет окажется расторопнее их, они завершат марафон при солнечном свете.

Кто-то усмехнулся бы барским заскокам, украдкой покрутил пальцем у виска на такую дикость, в итоге махнув рукой на нравы невероятно далекой от народа аристократии.

Тот же, кто соприкасался хотя бы краешком с миром высокородных – мог только посочувствовать. Слово будет исполнено, потому что иначе не бывает. А почему иначе не бывает – знали только сами аристо, вовсе не собираясь рассказывать причину посторонним. Тем сойдут и пространные речи о высоком достоинстве и благородстве. Вдруг поверят?

Мерно отсчитывались полторы сотни кругов, по два десятка в час. Гудели ноги, пропитывал футболку пот, непослушные волосы налезали на глаза, не собираясь держаться под налобной повязкой. Ника улыбалась. Нет, разумеется, она очень хотела изобразить упрямство на лице, закусить губу, нахмурить брови и выразить краткими и емкими словами, подслушанными у гвардейцев отца, все, что она думала о бесконечном забеге, но чуть впереди и позади нее бежали одноклассники. А значит – терпи, Еремеева! Возможные союзники или будущие враги не должны видеть твою слабость. Еще можно вспомнить, что они в таком же положении, и им даже хуже – рядом девчонка. Только от этого почему-то вообще ни разу не легче.

А что поделать? Слово дано. Пусть в запале, пусть оно того не стоило, пусть следом за ребятами, пусть и сам наставник этому теперь не рад. Но – слово дано. Разумеется, его можно нарушить.... и потерять часть силы, перечеркнуть месяцы тренировок вместе с шансом лишиться дара вообще. Нельзя идти против того, что составляет могущество рода и твою собственную суть. Нельзя идти против чести. Для лжи и подлости есть слуги, генеральные директора, управляющие и референты. Слово аристократа слишком много стоит – в первую очередь для него самого.

– Ника, – догнал ее голос Пашки, а через секунду и он сам поравнялся с девочкой, заняв соседнюю дорожку.

– Мм? – отозвалась она, не желая сбивать дыхание. Но все-таки прыснула неслышным смешком, стараясь перевести его в приветливую улыбку. Уж больно выглядел Паша занятно: пандой с двумя темными кругами под глазами – следами от встречи с мальчиком-которого-не-было.

Паша расцвел ответной улыбкой, тут же сменившейся легким недоверием и унынием – все-таки разобрался, что рады вовсе не ему. И вопрос к симпатичной девчонке, с которой он никак не решался заговорить, пропал, сменившись неловким молчанием.

– Как так получилось хоть? – добавив в голос участия, решила разломить ледок Ника.

– Он есть! – с яростью, достойной фанатика, провозгласил парень.

– Я знаю. Я ведь тоже его видела, – кивнула на бегу она. – Так как?

– Ну, я шел, хотел уже возвращаться – смотрю, идет. Я ему: «Ты кто такой вообще?» – А он мне: «Я умножаю скорбь». – И как треснет! – пожаловался, запыхтев, Пашка.

– А ты щиты почему не держал? Ты ведь умеешь?

– Я и держал.

– И он пробил? – ахнула Ника.

– Поначалу нет... – без всякой охоты, уже жалея о своем желании заговорить, протянул парень.

– Так что случилось? – всерьез заинтересовалась она.

– Он сказал, что ему любопытно, – отвел парень глаза, – и ударил еще раз.

– А дальше?

– А по мне не видно?!

– Извини, – повинулась Ника, изобразив раскаяние и сочувствие.

– И мне не поверили, – шмыгнул Паша.

– Никому не поверили, – кивнула она в сторону еще одного бегуна впереди, – но мне кажется, что у директора своя точка зрения.

– Папа говорит – наставники не могут менять решения. Непедагогично! И... папа сказал, что нет ничего зазорного в том, что произошло.

– А? – удивилась девочка, осознав, что взрослый одиннадцатилетний аристократ пытается оправдать свое поражение от простолюдина.

– Папа говорит, это была большая шутка, – сделав голос тише, поделился сосед, – он не интернатовский вовсе.

– А тогда кто?

– Папа говорит – кто-то из старших семей. – Паша уловил иронию в глазах Ники и поспешил убрать упоминания отца. – Нас учат управлять слугами... а их учат управлять нами. От такого получить незазорно.

– А из какого он рода? – вспыхнув глазами от любопытства, чуть умерила бег Ника – ровно настолько, чтобы парень почувствовал себя быстрее, сильнее, а значит, стал разговорчивее.

– А я знаю? – пожал он плечами. – И папа не знает. Это ведь старшие семьи, они своих детей до шестнадцати лет никому не показывают.

– Что, совсем? – в голос удивилась Ника. – А где они тогда учатся? Дома?

– Папа говорит – в самой обычной школе.

– Не может такого быть, – настороженно, пытаясь опознать розыгрыш, глянула она на мальчика.

– Сам в шоке, – опять пожал тот плечами, разделяя удивление.

– В самой обычной?!

– Ну, папа говорит, что это будет очень чистая школа. Но дети – самые обычные. И вообще, если гуляешь в парке, а рядом очень-очень чисто – значит, может быть, рядом гуляет кто-то из их детей.

– Вот это да! Ты такой умный! – добавила она неловким комплиментом румянца соседу.

Все как рассказывала мама – с мужчинами чем проще, тем надежней работает.

– Как ты думаешь, его станут искать в интернате? – Паша кивнул вперед, на стройную молчаливую фигуру их собрата по несчастью. – Мне кажется, этот просто мечтает с ним повидаться.

– Кто знает... – сдержанно улыбнулась Ника.

Она тоже успела поговорить с отцом – и тот обрадовал ее известием, что со следующего утра интернат будет под их покровительством. Не из-за заботы о ловком мальчике, а исполняя главный принцип рода – торопливые и вспыльчивые должны платить мудрым и неспешным.

Когда кто-то из родичей обиженных в парке детей возжелает мести и сунется вершить свое видение справедливости, его аккуратно подхватят за шиворот и ткнут носом в скромный герб под названием на новой табличке. А нападать на то, что под рукой Еремеевых, – совсем не то, что избивать простолюдина. Например, это дороже – эдак в пределах десяти-двенадцати миллионов за «извинения». Как раз старшей доченьке-умнице на подарки.

– Значит, его все-таки не съели тигры, – мечтательно улыбаясь, произнесла Ника, подводя некий внутренний итог.

– Этого съешь... – ревниво глянув на нее, отозвался Паша. – Этот сам кого хочет съест.

– Нет, не съест. – Растратив всякую усталость, девочка мгновенно набрала скорость, обгоняя ребят. – Император тигра не обидит.

Глава 13

Газеты пишут правду

Мелькали столбы и деревья, подмигивали окна домов на поворотах, а я никак не мог найти ту единственную, знакомую дорогу в лабиринте развилочек и перекрестков. Город оказался настолько огромным, а улицы настолько безлюдными, что совсем скоро внутри поселилась тихая тоска. Музыка давным-давно кончилась, завершившись песней про сына, которого не дождется мама, отчего становилось совсем грустно. Так и ехал в тишине, под завывание сирен где-то вдалеке, размышляя, стоит ли догонять другие машины, чтобы спросить путь. Пока наконец не набрел на человека – тот мерно катил за собой что-то вроде рюкзака, но на двух колесиках, цепляясь за высокую ручку. Выглядел дядька неважно – в свете фар виделся грязный плащ, поношенные трико, сам он был небрит, очень стар и смотрел на машину испуганно, прикрывая глаза рукой. Но он был взрослым и наверняка мог знать дорогу.

– Здравствуйте, вы не знаете, как проехать в Верхне-Новгородский интернат? – пододвинулся я к окошку возле правого сиденья.

– Знаю, – ответил он, показав совсем беззубый рот, и настороженно замер, словно приготовился бежать.

– А дорогу не подскажете? – полыхнул я радостью.

– Прямо до развилки, потом, стало быть, по Лермонтова, затем съезд на проспект Правосудия и оттуда по трассе, – неуверенно прошамкал дедушка.

– Эх, – загрустил я, пытаюсь вообразить, чем отличается улица Лермонтова от остальных. – А может, вы со мной поедете, а?

– М-могу, – к моему восторгу, согласился он, – но я только до трассы.

– Садитесь! – заерзал я на месте, убирая зайца к себе на колени и освобождая кресло. – Назад не надо, там медведи!

Дядька очень осторожно примостился на сиденье и взгромоздил рюкзак на себя, выглядывая из-за него, смешно вытянув шею. Пахло от него не очень, но стоило начать движение, как запах унесся в приоткрытые окна.

– Сейчас вон в тот поворот, – подсказал старик, оживившись к моменту, когда я выруливал на ту самую трассу, украшенную столь знакомой табличкой «Верхний Новгород» – аж сердце забилось сильнее! –

Меня тут оставь.

Я аккуратно притормозил возле бетонной площадки с бетонной же коробкой и знаком с буквой Т.

– А мне куда дальше? – слегка заволновался я, вглядываясь в освещенную фонарями линию дороги.

– На первом повороте направо и прямо. Там будет развилка. Слева кладбище, прямо картонная фабрика, справа интернат. Тебе пока направо.

Дедушка пустил вперед себя рюкзак, опер его о землю и покинул машину следом.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, а затем завожился, выуживая из кармана подарок. – Вот, возьмите! – протянул я ему челюсть несостоявшегося похитителя.

Дедушке нужнее.

– Спасибо, – как-то растерянно принял он желтоватый металл зубов, удивленно взвесил на руке и, воровато оглянувшись, вставил себе в рот. – Прощай! – засияла желтым улыбка.

Все-таки добрые люди есть.

Совсем скоро показались знакомые очертания интерната, с высоким забором и неуклюжей постройкой за ним, спящей под ярким звездным небом. Из всех окошек светился только вертикальный ряд у лестничных пролетов, да одиноко мигала, из-за кружившейся вокруг нее мошкары, лампа над самым входом.

Я не стал подъезжать к забору, остановившись в паре сотен метров поодаль. Пришло время попрощаться: с машиной и звездами. Увы, куда пристроить медведей, я так и не придумал. Наверное, надо было оставить у дяди-полицейского, чтобы они ловили преступников, но хорошая мысль пришла уже позже, а вернуться обратно я просто не смог – запутался в улицах.

Сила вновь перетекла в руки, а с нею – и линия звезд, ярким потоком устремившаяся к правой и левой раскрытой ладони. Тут, вне города, звезды сияли еще ярче, а значит, моим будет легче разглядеть родичей и добраться до них. Я взмахнул рукой, поднимая плеск огоньков над головой.

– Летите домой!

Но они вновь замерли, растерянно кружась вокруг, медленно и неспешно.

В животе тихо заурчало, напоминая о голодном деньке. И тут же – вспышкой пронеслась идея!

– Да вы просто голодные, – с нежностью поведал звездочкам, – и у вас нет сил добраться до дома.

Огоньки промолчали, но я-то вижу, какие они квелые. К счастью, мне было чем их накормить.

Океан Любопытства выплеснулся к рукам, собирая огоньки в два плотных шара, растущих каждую секунду! Еще больше любопытства, больше силы, больше восторга и радости от сияния двух новых солнц, размером со слона, что выпорхнули с ладоней и устремились вверх, принявшись медленно крутиться над головой!

– Не жалко! – выдохнул я, находя новые резервы силы внутри себя. На долгий перелет домой им нужно быть сытыми-сытыми!

В небе с громким гудением, будто гигантские шмели, раскручивали круги два шара, ширясь, становясь больше и громче!

– Ну же! – чуть обиженно обратился к ним я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Вокруг уже ревело от шума, скрежетал металл машины, кренило металлический столб невдалеке, рвал футболку ветер, истошно ревели медведи и... где-то совсем близко завывали сирены! Я заполошно оглянулся, выхватывая в сиянии красно-синие огоньки близких машин. Блин!

– Живо! – рявкнул я, вкладывая в слова свой Голос и Волю.

И в единое мгновение полет огоньков сбился, чтобы слиться в единый сияющий шар, резко взорвавшийся длинной протяжной молнией до самого неба!

– Ух ты! – открыл я рот, подслеповато – из-за играющих в глазах зайчиков – вглядываясь в темно-синюю вышину. Там, где белел след... а, нет... это самолет падает.

– Бли-ин!

Я подбежал к автомобилю, выхватывая зайца с кресла, и заспешил, не оглядываясь, в сторону интерната. Интуиция решительно подсказывала – с медведями точно все будет хорошо, а вот со мной, если я задержусь, совсем наоборот!

Хлестали по ногам тяжелые ветки кустов, не видимые в траве ямки цеплялись зубами за кеды и норовили сорвать их с ног, но я продолжал упорно двигаться к высокому забору, лихорадочно выискивая то самое место, через которое Лайка забредала к нам во двор – с отогнутным в сторону прутом. Позади ревели сирены, эхом разлетались резкие голоса, требуя растянуться цепочкой и все прочесать. Но я уже стоял у знакомого деревца – напротив бетонного кольца, вросшего в землю, – и аккуратно помогал зайцу перебраться по ту сторону ограды. А затем и сам пролез следом, ввинтившись между землей и опасно торчавшей железкой.

И как-то сразу стали тише звуки погони, и внутри вдруг сделалось спокойно-спокойно, особенно когда углядел раскрытую еще утром форточку своей комнаты. Я дома!

Прокравшись по самому краю освещенного лампочкой круга, добрался до стены и броском закинул зайца внутрь комнаты, а затем и сам ввалился головой вперед, опираясь руками сначала о раму, а потом и о стол, в теплое, родное помещение.

– Вот, тут я и живу, – повел я рукой, обращаясь к зайцу.

Тот, правда, заинтересованно рассматривал поверхность стола, но я помог и провел небольшую экскурсию – от стола до тумбочки с одеждой. Все-таки и сам испачкался я здорово, да и зайца требовалось оттереть от земли с травой. Заодно и телефон с деньгами запрятать понадежней.

Улеглись мы через десяток минут, но сон совсем не хотел приходить в голову. Так и рассматривал на стене границу длинной светлой тени от лампы во дворе, кутаясь в неожиданно холодные одеяла – даже под двумя пробирал холод и волнами ходили мурашки. Только у груди было тепло – там, где лежала под моей рукой игрушка.

А чуть позже пришла тоска. Где-то там были мои медведи, которых я бросил. Так же, как папа и мама – меня... У меня были причина и вера, что им будет лучше у взрослых... А у моих родителей?.. Тоже, наверное, были, только мне ведь совсем от этого не проще...

А звезды? Может, им и вовсе было некуда идти? Может, там, на небе, у них тоже никого не было? Я их, получается, выгнал... И самолет сшиб... И машину угнал... Плохой я император.

Поежившись, прижал к себе зайца поплотнее и чуть не подпрыгнул от громкой песни, раздавшейся в комнате. Оказалось, пел заяц, разбуженный нажатием на потайную кнопку. Пел протяжно, красиво, про меня.

«Меня не пугают ни волны, ни ветер...» – отражалось от стен, отгоняя тоску и грусть, напоминая, что за тенью прячется красивый желтый цвет стен и завтра все вновь будет хорошо. И я найду, обязательно найду!

– Ты где был?! – вихрем ворвалась в комнату нянечка, портя некрасивым голосом песню.

– Гулял, – односложно ответил я, вслушиваясь в окончание истории.

– Ты где взял?! – прикрикнула она, выхватывая зайца из моих рук.

– Мое! Я в кустах нашел! – сжал я объятия, не отпуская друга.

– Украл! – ударила она меня по лицу, отрывая игрушку.

– Нет! – вцепился я в красную бабочку.

Та звонко лопнула, оставаясь в моих руках. А заяц замер в руках

нянечки, грустно глядя на меня. Даже тебя я не уберег.

– Дай, – требовательно протянула она руку.

– Попробуй забрать, – предложил я, дрожа от гнева и сжимая кулаки.

– Да как ты смеешь... – дернулся ее голос на половине фразы и утих, стоило ей зацепиться на мой взгляд.

– Ну же...

– Утром поговорим, – развернулась она, унося с собой зайца, песню и то хорошее, что было во мне.

«Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети...» – отражалось по коридорам, стихая, становясь далеким эхом, легендой о прекрасном дне.

Дне, растерянном мною. Дне, который я позволил у себя забрать. Стало настолько тоскливо, что я решил заболеть.

Громкий кашель рвал грудь, жар сменялся холодом, пот пропитал постель, а перед глазами почему-то плыл образ той девочки на скале. Интересно, как ее зовут?

Утром со мной так и не поговорили. Зато был солидный врач, почему-то не в белом халате, а в костюме, но уколы у него были такие же болючие. Он же перенес меня в медпункт, соединив руку прозрачной ниткой с баночкой на шесте, из которой медленно неведомо куда утекала жидкость. Как оказалось – в меня, но меня попросили больше это не проверять.

Через слабость слышались незнакомые мужские голоса, доносившиеся со двора. Там же собрали всех наших – так гудеть может только общий сбор. Кажется, искали кого-то и даже пытались примерять к их обуви след, отпечатанный на земле. Удачи им в этом – у нас у всех одинаковый размер. Просто кому-то он жмет, а кому-то еще большой. Потом громко сверяли списки, перемежая каждую фамилию тихим: «...не он», – громко пересчитывали по головам и не менее громко и строго спрашивали директрису, нет ли других детей в интернате. Как оказалось, не было. Я ведь не существую. Так что вскоре звуки стихли.

Я не торопился выздоравливать, так что известие, что кто-то очень уважаемый выделит интернату кучу денег, встретил тоже в постели – шептались нянечка и медсестра. Там же, в постели, прочитал свежие новости – из крупных заголовков газеты, которую нянечка пролистывала, сидя напротив.

«Похищенные медведи были найдены в горящей машине». «Синева и синька: пилот совершившего вынужденную посадку частного самолета оказался вусмерть пьян. Сам господин Мистратов винит в крушении молнию с чистого неба и баб».

– Какую только чушь не напишут, – вздохнула нянечка, складывая лист пополам.

«Визит принцессы... кто оплатит....» – мазнул я взглядом по очередному заголовку и равнодушно отвернулся к стене. Все равно ни слова правды.

В голове установилась звенящая пустота, без единой мысли и эмоции. Не хотелось есть, не хотелось двигаться. Даже дышать было лень – так хотя бы не кололо в груди сотнями иголок. Мне продолжали что-то вливать, перемежая с уколами и таблетками, а я не хотел выздоравливать. Так продолжалось шесть дней.

Пока ночью не раздался скрип приоткрывшейся двери. Я невольно встрепенулся, сбросив маетный болезненный сон, и настороженно уставился во тьму за дверью. Но тот, кто пришел, уже был внутри. Одним движением он прыгнул мне на грудь, прижимая своим телом, строго глянул в глаза, обнюхал, устроился поудобней и басовито замурчал, чуть прикрыв глаза.

– Машк, – выдавил я, чувствуя, как растекается по телу тепло, а вместе с ним и нежность, признательность, забота с капелькой вины – я тут болею, а он не кормлен.

Словно уловив мои мысли, кот заурчал еще громче.

– Я не один, – чтобы не спугнуть, прошептал я только губами, – у меня есть ты.

Любопытно, как он смог сюда добраться? Ведь второй этаж, и разыскал как-то...

Любопытно было настолько сильно, что когда я потянулся его погладить, то невольно дернул его пару раз проскочившей искрой. Но он вроде не обиделся, только посмотрел укоризненно. И я хотел даже извиниться, когда заметил, что искра возле шерстки совсем никуда не пропала... А продолжает тихонько кружиться, двигаясь медленно и плавно...

– Я не один, – голос звучал уверенно, без уже привычной хрипоты.

Через пятнадцать минут я стоял в своей комнате, примеряя перед зеркалом красную бабочку на новую рубашку. Не было болезни, не было усталости и равнодушия. Но было желание создать для себя и своих друзей новый мир, основанный на добрых законах, а не таких, как за окном. Мир, который никто не посмеет у нас отнять. Потому что с остальными мы будем жить по правилам взрослых, став самыми жестокими и опасными в людском зоопарке.

– Хорошее – оно не для всех, – сообщил я Машку, лакомившемуся

содержимым предусмотрительно запрятанных консервов, – хорошее надо защищать.

Выздоровлению обрадовались. Восхищенно поцокивал доктор, сияла радостью нянечка, и даже директриса заглянула на минутку, по-хозяйски оглядев меня с головы до ног. Я тоже вежливо улыбался, давая себя осматривать, но старался не встречаться с ними глазами. Придет и их черед.

– Этот браслет показывает, где ты находишься, – деловито поведал доктор, защелкивая мне синюю полосу вокруг левой руки, – чтобы мы не беспокоились и ты снова не заболел.

Рядом закивала нянечка, с интересом наблюдая за чем-то на экране плоского телевизора с подставочкой.

– Сигнал идет на спутник, а затем вот сюда, – повернул он ко мне экран, показывая карту. – Сейчас мы его активируем...

Хм, любопытно – глянул я на совсем незнакомые очертания, с удивлением увидев контур родной страны внутри огромного участка суши. А затем тихо чертыхнулся, заметив, как над кожей поднялись еле заметные из-за дневного света маленькие звездочки, и кое-как успел загнать их под браслет, пока никто не заметил.

– Система приняла данные, – с удовлетворением продолжил доктор. – Готово. Смотрим координаты – все верно, мы в Гватемале!.. Что?!

Глава 14

Тысячи рук на плечах

В тени высокой беседки, на ухоженной лужайке, кипела яростная битва между маленьким серо-полосатым котенком и тоненьким колоском сорной травы. Щелкали зубы на шее противника, ломали хребет когтистые лапки, но коварный противник снова и снова нападал, обидно щекоча нос. Не помогали ни перекаты по траве, ни хитрые броски из-под прикрытия коленок хозяйки, и даже грозный мяв не повергал вражину в ужас – тем достойнее будет победа!

По другую сторону стебелька тоже активно болели за полосатого бойца, но и поддаваться не спешили, с великим удовольствием играя с маленьким найденышем. Все равно до приезда папы оставалось не менее десятка минут. Ника невольно взглянула на часы, позволив котенку вцепиться в стебелек.

– Победил-победил, иди сюда, – подхватила она так и не отпустившего добычу любимца и положила на коленки.

Котенок не был породистым – от слова совсем. Обычный дворовый мышелов, коих множество во всех городских и деревенских дворах. Наверное, захоти Ника завести себе кота и сообщи об этом отцу, дома ее ждал бы перс или сиамец с родословной, как у среднего аристо, и ценою в сотню тысяч. Все-таки положение обязывает – вдруг заглянут гости или подруги попросят домой, а тут недоразумение стоимостью пятак за ведро. Несolidно. Но Ника и не собиралась никого заводить.

Просто во время вынужденного ожидания, когда охрана лица терпеливо ждала представителей ее рода для передачи из рук в руки, из-за колонны вокзала вышло тощее, облезлое, страшно голодное писклявое недоразумение и почему-то выбрало ее в хозяйки. И не отпугнуло животину хмурое внимание охранника, наставившего на нарушителя ствол винтовки. Зря, кстати – палец уже выбирал слабинку спуска, действуя согласно внутренним инструкциям. Мало ли что могло быть под личиной безобидного зверька – от контактной отравы на шерсти и вируса внутри тушки до компактного заряда – не убьет, так изуродует. Проще потратить патрон.

Осознав, что сейчас произойдет, все и получилось – абсолютно спонтанно. Строгое: «Он мой!», равнодушие на лице сопровождающего

и дрожащее, угловатое тельце под рукой. Стрелять в собственность аристократа, пусть тот и ребенок, – дураков нет. Но и проблемы от «собственности» теперь – тоже лично ее.

Так и появился в особняке кот с именем Тигр, растревожив в первые часы своего в нем пребывания эдак с десяток человек – отмыть, сделать прививки, накормить, найти ошейник, подровнять коготки, представить местным Мухтарам не в качестве еды, а полноценным жителем. И уже потом можно было усесться в тенечек беседки, терпеливо ожидая папу. Вопрос, который мучил Нику всю неделю, но не мог быть решен по телефону, ждал своего ответа.

Увы, папе некогда было приезжать в такую даль, а путешествовать самой запрещал устав лица. Даже на каникулы отпускали неохотно, и, наблюдая за суетой охранения, легко угадывалось почему. Каждый выезд в столицу – полноценная боевая операция. После зоопарка охрана и вовсе ходила на ушах – как же, под их носом, да чужой одаренный, да чуть ли не убил... В общем, существование мальчика-которого-не-было признали. Не хотели, очень не хотели, но потом кто-то молнией сбил самолет. Кто-то подозрительно похожий на описания воспитанников.

Последовали официальные извинения перед ночными бегунами. Ника была не в претензии – за исполнение сложного Обета она чуть подросла в силе. Зато мальчишки, все еще сияя фингалами, не были столь благодущны, однако извинения все же приняли. Им же хуже, дар любит благородство.

Нервные беседы руководства лица с родителями прошли мимо нее, но по слухам – телефон не замолкал ни на минуту. Родители учеников очень уважали хозяина и вовсе не выставляли никаких претензий, просто выражали легкую обеспокоенность.

Тех, кто поумнее, заботило категорическое невмешательство детей в процесс расследования – дети живы, и ладно, и надо бы это положение дел сохранить, не становясь ценными свидетелями. Упавший самолет и его поиски – чужие проблемы, и очень желательно быть от них подальше. Особенно когда поисковики поймают-таки диверсанта за хвост, потому как по другую сторону хвоста может оказаться некто гораздо зубастее загонщиков.

Менее дальновидные рефлексировали по уже случившемуся, переживая за здоровье своих оболтусов и усилием воли удерживаясь от пошлого: «За что я плачу вам такие бешеные деньги?!» Потому как даже самые скандальные прекрасно знали, что на князя Долгорукого можно наорать ровно один раз в жизни. Вот если бы по ту сторону трубки был кто попроще... Но кому-то попроще не доверили бы своих детей.

А вот старые семьи отчего-то доверяли самой обычной школе. И это сильно удивляло юную наследницу.

В памяти был еще свеж визит на одно из родовых предприятий – огромное, полное шума механизмов, пропитанное запахом металла и машинного масла, неспешной суетой огромных, но очень добрых дядек, с нежностью и заботой наблюдающих за ее робкими шагами по длинным, кажущимся бесконечными цехам и переходам. Когда папа сказал, что следующие три года все вокруг будут работать, чтобы она могла учиться, это шокировало маленькую девочку куда сильнее, чем какие-то скучные цифры, ценности которых она в то время еще не понимала. Ника пообещала учиться только на отлично – даже не папе, а начальникам цехов, уважительно столпившимся чуть поодаль. И обещание пока держала. Так зачем были эти жертвы, если старшие семьи вполне обходились обычной школой?

Папа говорил – они не могут обеспечить ее безопасность в городе, а учиться дома совсем не то, что в окружении равных ей сверстников. Папа пугал плохими людьми, желающими навредить роду, рассказывал о том, как ей будет хорошо в лицее. Он бы мог не говорить ничего – дочь и не собиралась спорить. Все казалось предельно понятным – сильные семьи учились отдельно, создавая собственные школы для себя и союзников. Те, кто послабее или привык держаться наособицу, платили Очень Сильному Клану за обучение своих детей. Ее задача – взять от обучения максимум, чтобы многолетний труд хороших людей не прошел даром.

До событий последней недели она не подвергала сомнению такое положение дел – действительно, у многих кланов были свои школы и они даже соревновались с лицеем на ежегодных соревнованиях. Так что это за «старые семьи» и почему они игнорируют установленный порядок?

Ника никогда не считала свою семью слабой. Еремеевы, конечно, звучит не столь благозвучно, как Романовы или Орловы, и нет за плечами тысячелетий истории. Но те столетия, счет которым аккуратно велся внутри семьи, выглядели вполне славно и достойно, были наполнены свершениями предков и великими победами. А еще там, в глубине веков, таилась небольшая хитрость, благодаря которой род не уступал в мощи сильнейшим семьям страны. Об этом не было упоминаний в родовой хронике, но как-то вечером, перед огнем камина, слегка хмельной от удачной сделки отец поведал, как давным-давно храбрый прапрапра... много раз предок при штурме очередной твердыни соперника украл себе прекрасную невесту и умудрился в себя влюбить. Так в тогда еще вполне

обычный род царских дружинников влилась кровь древней восточной династии. И если Ника посмотрит в зеркало, то наверняка увидит характерные черты лица. Предприимчивый предок еще и Силу Крови их спер, так как своей не имелось. А потом и сын их привел себе невесту из дальнего похода, по совету отца забрав главную ценность из разоряемого дворца противников, пока остальные дурни цеплялись за бесполезное золото и самоцветы... Отец в ту минуту отвел глаза и смущенно добавил – как-то даже вошло в традицию... Ну не был ровней простой московский дружинник князьям и вельможным боярам – кто бы отдал ему свою дочку?! Вот и выкручивались, обаянием, заботой и лаской пленяя сердца чужестранных принцесс. Потому что без взаимности все закончилось бы кучкой пепла вокруг оплавленного гербового значка.

Разумеется, у папы с мамой все было иначе, род набрал силу и в тайных похищениях не было нужды. Ника в это искренне верила.

В общем, их кровь – точно не слабее! Ну ладно, пусть этот мальчик богаче. Ну и что? Зато она могла сжечь его вместе с тиграми. Вот только без тигров не могла. И отдельно тигров без мальчика тоже не могла. Там даже ограда бы пострадала – слишком огромную силу род получил от восточной красавицы, да еще изрядно преумножил. Так почему этот наглый мальчишка – старшая семья, а они – нет?! Почему ему можно учиться среди обычных детей? Не то чтобы ей очень хотелось, но сам факт!..

Прибытие отца Ника определила по суете слуг, отголоски которой долетали до сада на заднем дворе. Минут пять займет дежурный доклад, омовение рук и квас с дороги. Еще три минуты Ника щедро выделила папе на отдохновение и благословенную тишину, наполненную хрустом свежих газет и ароматом кофе, и уже после направилась в дом, прижимая уснувшего на руках найденыша к груди. Самое время для одного-единственного вопроса – отец еще не настроился на чтение и вполне благодушен.

– Пап, а что такое «старшая семья»? – осторожно произнесла Ника, внезапно заробев.

Уже прозвучали слова приветствия, традиционные комплименты растущей не по дням, а по часам юной красавице, вежливые расспросы о работе и не менее вежливые ответы, такие же общие вопросы про учебу и зеркальное: «Все хорошо». Даже котенок был представлен – как и был, не просыпаясь, и благосклонно принят в качестве новой игрушки. Вроде бы установилась тишина, после которой газета и папа должны были вновь воссоединиться, а дочь – тактично покинуть рабочий кабинет, но... Вопрос

все-таки прозвучал.

Сергей Олегович Еремеев внимательно посмотрел на дочку, чуть отклонив газету, которой уже было отгородился от мира.

– Просто говорят, что тот мальчик, из зоопарка – он из старшей семьи... – совсем потерялась девочка.

– Кто говорит?

– Паша Огинский, ему папа сказал.

– Ты передавала кому-то его слова? Обсуждала?

– Нет! Конечно нет.

– Хорошо, – кивнул своим мыслям нахмурившийся отец. – В таких разговорах лучше слушать, чем говорить или задавать вопросы. А еще лучше вообще не участвовать.

– Я поняла, извини, – понурилась Ника, собираясь уйти.

– Подожди, дочка, – потеплевшим голосом остановил Еремеев-старший, убирая газету в сторону. – Ты ведь слышала, самолет сбили? Утверждение, что сделал это кто-то из старших семей, автоматически обвиняет сильнейшие кланы страны в преступлении. Их не так уж и много, моя милая, и они очень внимательно относятся к словам. Такие разговоры, даже полупшепотом, – не наш уровень.

– Значит, старшая семья – лучше нас? – определила самое главное Ника, отчего-то сильно расстроившись.

Она прекрасно знала, что есть семьи гораздо могущественнее, но именно в этом случае вместо безликого образа десятка людей виделась вполне определенная мальчишечья физиономия. И так хотелось, совсем по-детски, быть хотя бы не хуже.

Сергей Олегович пожевал губами, глянув на наследницу совсем другим взглядом – словно решая, стоит ли говорить дальше или отделаться дежурной успокаивающей фразой: мол, мы конечно же не хуже, однако есть в океане рыба покрупнее нас...

Вместо слов однако же последовал звук колокольчика, вызвавший расторопного слугу, уважительно наклонившегося к господину за распоряжением. Команда прозвучала совсем не слышно для Ники, буквально на ушко, сопровождаясь улыбкой на челе отца и выражением обеспокоенного удивления, прорвавшегося из-под маски вежливого безразличия слуги.

– Подождем, – подытожил глава рода, возвращаясь к газете, и уже из-за нее уточнил: – Ты ведь умеешь хранить секреты?

– Конечно, – заверила дочка, присаживаясь на краешек одного из стульев у стены кабинета.

Ждать пришлось долго, почти полчаса. После загадочного доклада, что все готово, отец предложил пройти в соседнюю комнату, попросив взять с собой проснувшегося и желающего играть котенка. Ника слегка встревожилась за судьбу полосатого, но воспитание не позволило сомневаться в действиях отца.

Рассматривая привычную обстановку просторной гостиной, украшенной портретами предков, двумя диванами на тоненьких ножках с журнальным столиком меж ними, Ника вовсе не понимала причины, по которой ее попросили войти первой, а отец отогнал слуг от двери, лично закрыв ее за собой. Зато все понял котенок, мигот слетевший с рук и молнией пронесшийся до угла комнаты. Что-то резко пискнуло и тут же оборвалось, и почти сразу же из-за дивана победителем выступил маленький кошачий хищник, сжимая в зубах совсем крошечную мышь, кою тут же уложил к ногам хозяйки, присев рядом и явно напрашиваясь на ласку.

– Молодец, – слегка растерявшись, Ника погладила котенка между ушей.

– Рождаясь, человек беспомощен, – интонацией учителя произнес отец, выходя из-за спины. – А зверь умеет и готов охотиться. Оставь человека в лесу – умрет. Зверь – выживет и продолжит свой род. Эволюция сделала им щедрый подарок, наделив через кровь опытом предков, их умениями и осторожностью. Нам тоже кое-что досталось, – иронично улыбнулся папа.

Ника вопросительно посмотрела на отца.

– Я говорю не про цветное зрение, умение ходить на двух ногах или большой палец рук. Я про то, что присуще аристократии и передается по наследству вместе с даром. Сила Крови – отличный подарок, не правда ли?

– Да, – отозвалась Ника и взяла котенка, собравшегося поиграть с мертвым мышонком, на руки.

– Но как было бы замечательно получить вдобавок опыт предков, их знания и умения, хитрости и уловки, а? Заветная, недостижимая мечта многих. А заодно и то, что делает старшую семью старшей, – построжел голос, теряя всякие оттенки мечтательности.

– Что? – округлила глаза Ника.

– Деньги, власть, оружие – все пустяк. Поколения меняются, вырождаясь от богатой праздности. Достижения науки перечеркивают старые уклады, делая нищими богатые кланы, лишая их власти и влияния. Синтетический каучук – и вот стоят вымершими города-призраки. Добыча

азота из атмосферы – и целые династии выбрасывает на обочину истории. Куда им деваться? Весь остальной мир уже поделен, новая отрасль уже под чьей-то рукой, а юное поколение только и способно, что тянуть стариков на войну. А война уже изменилась – новое оружие равняет обычного человека с одаренным. И только старшие семьи, во все времена, в любую эпоху, всегда на гребне волны. Опыт, воля, хитрость, напористость, жизнелюбие предков не дадут им сгинуть, какие бы открытия ни совершались, как бы ни менялся мир.

– Разумеется, передается далеко не все, – поправил себя папа. – Однако того, что переходит их детям, вполне достаточно для выживания даже в самом диком лесу. В свою очередь, без необходимости каждодневно выживать и с должным образованием вырастают существа совсем другого типа, гораздо опаснее и могущественнее. Они уже знают то, чему приходится учиться всю жизнь обычному человеку. Опираясь на опыт предков, им проще дается любое дело. Их сложно обмануть, они крайне жестоки, мстительны и опасны. Но это все еще звери, моя милая. Звери в элегантных пиджаках, на дорогих машинах.

– Но он не казался мне плохим... – От растерянности Ника озвучила вслух свои мысли, вспоминая протянутое щедрым жестом мороженое.

– Разумеется, они могут читать стихи, любоваться живописью и строить храмы, но если тронуть то, что принадлежит им...

Ника активно закивала, вспомнив ярость в глазах мальчишки от потерянного мороженого, а затем и поежилась, приложив свое богатое воображение к сказанному отцом. Действительно, тигры куда безобиднее.

– Так что лучше не привлекать их внимание, – подытожил папа.

– Наверное, я уже привлекла, – кисло отозвалась Ника.

– Ну, – улыбнулся Сергей Олегович, – мы тоже не беззубые. Пойдем.

Небольшая прогулка, очередное поручение слуге, на этот раз выполненное споро, почти за секунды, и короткая пауза перед дверью в детскую комнаты младшей, и единственной, сестренки Юлии – еще маленькой для школы, оттого проводящей время в поместье. Братиков, увы, у Ники пока не было.

– Моя милая, можно к тебе? – заворковал папа, заглянув в комнату и тут же вступив на белоснежный ковер, застилавший все пространство пола.

– Здравствуйте, папа. Здравствуйте, сестра. О, котенок! – почти сдержанно поздоровалась мелкая.

– Руки, – цыкнула Ника, поднимая Тигра на достижимую высоту. Жалко животину – затискает ведь.

– Солнышко, отвлекись на минутку, – Еремеев взял из рук слуги поднос, накрытый платком, и положил перед младшенькой на ковер, – помоги папе собрать игрушку, будь добра, – убрал он ткань в сторону, открывая несколько крупных и не очень темно-зеленых деталей. В которых Ника с удивлением опознала разобранный на части «Five-seveN». Но еще большее изумление нахлынуло от зрелища, как мелкая, в жизни не видевшая оружие, споро и без особых проблем собирает пистолет в единое целое.

– Вот. – Без особого толку пощелкав спуском и тут же потеряв к оружию интерес, сестренка протянула пистолет папе.

– Спасибо, моя милая. Играй, не будем мешать. Ника, пойдем.

– Кота! – требовательно потянулась Юля.

Все еще ошарашенная, Ника без вопросов выполнила пожелание.

– Его зовут Тигр... – спохватилась она, сочувственно и с капелькой вины проследив, как вдумчиво исследуется хвост зверька.

– До свидания, папа. До свидания, сестра, – намекнула мелкая, придвигая к себе набор «Юный доктор».

– Испытания – закаляют, – проследив Никин взгляд, похлопал по плечу папа и жестом пригласил проследовать в коридор.

Разговор продолжился в кабинете, на первоначальных условиях – у одного газета и свежий кофе, у другой очень важный вопрос. На этот раз – немного другой.

– Получается, мы – старшая семья? – еще не веря, тихонько произнесла Ника.

– Не совсем, но очень близки, – кивнул патриарх рода, отведав кофе. – У твоей сестры выражено сильнее. Но твои дети наверняка унаследуют часть знаний предков. Благо твой отец уже подобрал подходящего жениха и...

– Папа! – заалела щечками Ника.

– Что «папа»? Думаешь, легко найти одаренного, еще не связанного помолвкой? – возмутился отец. – Да я пол-Москвы обегал, пока нашел подходящего!

– Который ест свои козявки, – буркнула в сторону девочка.

– Ну, ему пять лет, можно простить, – пожал плечом папа, а затем раздраженно бухнул газету на стол. – Ну не хотят они переходить в род жены! И своровать неоткуда!.. – осекся он под конец и с досадой скривился.

– Прости, пап, – повинилась Ника. Не ей обсуждать решения старших... но поворчать можно.

– Пойми, – встал он с места, подошел к дочери и приобнял, чуть наклонившись, – если все получится, я смогу помогать твоим детям. Прадед Андрей научит их, как не дать себя обмануть, прапрапрадед Викентий – как сторговать выгодную цену, прапрапрапрадедущка Вячеслав даст сил и опыта для победы в смертной схватке...

– ...прадед Фадей научит воровать жен... – проворчала, все еще отведя глаза, Ника.

– Это очень полезное умение!

– Кто бы сомневался...

– Придет время, и ты сможешь помочь своим внукам, передать свой опыт, подсказать им и защитить. Ты спросила меня, что такое «старшая семья». Это путь к бессмертию, моя милая. Бессмертию в потомках.

Глава 15

Кусочек будущего

Дремал загородный дворец, вздыхая спокойно и мерно тихим ветром, выдыхая шелестом ветвей соснового бора. Тихо и спокойно ныне дворцу – шумные обитатели с самого раннего утра унеслись в сторону торфяных болот и лесных озер ради неведомых ему дел, оставив в стенах монументального здания о трех этажах, выстроенного как бы не тысячу лет назад, только тихих и неслышных слуг да десятков гостей, столь же сильно любящих покой, тишину и дневной сон. Никто не царапает на гранитных плитах слова первой любви, не лазает в окна, тревожа высохшие от времени деревянные рамы, не шумит в коридорах и дворе, распевая веселые песни. Не слышен громовой бас наставников, третью сотню лет пытающихся отыскать виновников, не отвечают им тоненькие голоса никогда ни в чем не виноватой детворы. Благостно.

Только одинокая фигура мужчины, терпеливо всматривающегося в горизонт с крыши дворца, подсказывает, что спокойствию не суждено продлиться долго.

С громким стрекотом пронеслась по небу синяя капля боевого вертолета, пронзила серые паруса дождей вдали и уже через мгновение словно рухнула на белоснежный круг взлетной площадки, замерев в каких-то метрах над землей, чтобы плавно опуститься, скрыв собой алый герб в его центре. Две винтовых пары, до того видимые лишь маревом на фоне неба, замерцали, останавливаясь, обретая привычную форму чуть согнутых к земле стрекозиных крыльев.

Отодвинулась вбок тяжелая створка, давая спрыгнуть на разогретый камень площадки дородному мужчине четвертого десятка лет от роду, кутавшегося, несмотря на жаркий июль, в соболиную шубу до пола. Ярko блеснули крупные камни – алые, бирюзовые, синие – на золотых и белоснежного цвета перстнях, по одному на каждый палец. Вторил им блеском наголовный обруч – высокий и тонкий, покрытый мелким узором по всей поверхности; серебристой полосой он прикрывал лоб владельца, затем терялся в черных с проседью волосах. Не менее ярко горели глаза владельца – синевой и волей, недавней бурей гнева и свежим раздражением.

Протянулись к вертолету две линии слуг, наклоном головы встречая

своего владыку. Самые близкие из них с почтением приняли скинутую с плеч шубу, сложили в лакированный ларь драгоценные перстни, равнодушно сорванные мужчиной со своих пальцев. В этом месте, затерянном средь бескрайней тайги, некому доказывать богатство рода, демонстрируя уникальные самоцветы, незачем таскать тяжелые и душные меха, напоминая о древности рода. Обитатели дворца, прозванного Яслями, и без того знают, что они – самые-самые, от самых юных обитателей до заслуженных старцев, удостоенных чести следить за самым ценным, что есть у клана. А чужих тут сотню лет не было, даже случайных грибников или охотников, заплутавших или забравшихся слишком далеко, – те еще на дальних подступах благоразумно верили голосу из кустов и крон деревьев, что зверья и грибов дальше нет.

Только тиара осталась на челе мужском, как символ статуса... и рабочий инструмент. Там, за тоненькой серебряной гравировкой по древним мотивам прятались технологии дня сегодняшнего, непрерывно связывающие главу клана с верными профессионалами. Не только звуковая связь, нет – они видели, что видел он, слышали, что ему говорят, вычеркивая слово «личное» из его жизни. Некогда это раздражало и вызывало гнев, ныне – стало вторым «я». Слишком много значило слово в этом мире, и слишком часто от него требовали дать решение прямо сейчас, надавливая сроками и страдая отказом, чтобы игнорировать мудрые советы. Не говоря уж о мелких деталях и намеках, которые могли быть упущены и поняты неверно, если бы вместе с ним не смотрели в мир четыре камеры, скрытые в декоративных завитушках рун. Вполне можно поступиться личным, интимным и приватным, когда от решений зависят жизнь и благоденствие полутора миллионов подданных княжества. Знали о природе серебряного обруча очень немногие, в числе которых был и встречавший его смуглый господин.

– Звал? – тяжело бросил глава, дождавшись, когда слуги скроются за дверями кабинета, оставляя его наедине с тем, чье сообщение буквально выдернуло его из властных коридоров столицы и обеспечило шесть часов вертолетной болтанки.

Был бы кто другой автором послания – и бровью не повел бы, больно уж мутные события начали происходить за его спиной. Но автора лаконичной шифровки с текстом: «Прилетай», – он игнорировать не мог. Лучший друг, воспитатель и защитник его ребенка, брат не по крови, но по ритуалу, сотворенному на поле боя меж их отцами, никогда не тревожил зря.

– Как я выгляжу? – Амир поправил воротник рубашки

под белоснежным костюмом и требовательно посмотрел на серебро обруча.

– Как смертник, – отреагировал на промедление князь.

– Тсс, ты некомпетентен, – цыкнул на него друг и повернулся боком.

Возмущенно вздохнули в ответ, собираясь разродиться речью об усталости и долгом перелете, да так же быстро успокоились, ведомые тихим шепотом потайного наушника.

– Пул аналитиков сообщает, что ты засранец, – проворчал в ответ мужчина, теряя всякое раздражение, – но Тамаре понравится.

– Тогда всё.

– Отлично; тогда я полетел?

– Ага, только к дочери загляни, – легкомысленно бросил товарищ.

Окна на короткий миг мигнули, сигнализируя о включении защиты. Дрогнул пол, слегка приподнимая мужчин над общим уровнем этажа, синхронно двинулся потолок и вроде бы нерушимые стены – все для того, чтобы создать комнату внутри комнаты, пространство меж которыми тут же наполнилось гудением энергощитов. Дворец и без того мог похвастаться достойной защитой от чужого внимания, но сотворенная трансформация возводила безопасность в абсолют. Пропал и еле слышный фон от связи с обручем – получают запись после.

– Она сказала, где он? – произнес князь внезапно пересохшим горлом.

Тягостное волнение пронизывало его, кружило надеждой и заставляло вслушиваться в гудящую тишину комнаты, чтобы не пропустить желанный ответ. Странное дело – единственный человек, кто мог так играть с его эмоциями, был одиннадцати лет от роду, да еще родной дочерью. Нигде и никогда князь не был просителем, однако же... сподобился к пятому десятку лет.

Полгода назад юная леди, завершая рисунок с тигром в раскраске, на вопрос тренера – куда полетим в следующий раз, буднично уведомила, что больше никуда летать не надо. Она и без того месяц как брата нашла...

Амир тогда растерял всяческое восточное хладнокровие и несвязным воплем вытащил друга из Москвы. Срочный рейс, паника, звон ящиков с шампанским, возбужденный хор голосов аналитиков в обруче... И вот два великовозрастных дурня стоят перед серьезной девочкой и третий раз переспрашивают: «Почему нет?» – выслушивая совершенно детское: «Потому что».

Кто знал, что тяжелая миссия по обузданию пророческого дара может так завершиться? Ну кроме пророчицы, разумеется.

Все видели встречу, слезы и радость, восторг и успех, стараясь не думать, что делать с новоявленным принцем, – куда важнее был

«рабочий» оракул. А девочка видела, что будет «после», и «наказала» отца, отказавшись говорить, где находится брат. Наказала за будущее, не за прошлое.

Первая попытка надавить завершилась полным отказом сотрудничать. То есть непробиваемым детским «не-а», против которого не было приема. Потому что первому, кто предложил силовой метод, поджег волосы Амир.

В общем, теперь у клана был оракул огромного потенциала и силы, который показывал язык и закрывал ушки ладошками.

В ту ночь многие умудрились нажраться шампанским так, что под утро даже фигура казначея, гордо декламирующего вирши стоя на столе, никого не удивляла. Потому что за окном, в воздухе над лесом, огромный электрический дракон пытался поймать огненного за хвост. Потом тушили лес, сажали новый и много думали.

В итоге решили изменить начальный сценарий с отправкой «найденых» в хорошую семью за океан. Однако...

– Нет, – грустно улыбнулся Амир и процитировал свою воспитанницу: – «Папа все еще наказан».

– Вся в мать, – возмутился мужчина, принявшись расхаживать по пространству сильно уменьшившейся комнатухи. – Никакого почтения и дисциплины! В ее возрасте я!..

– Запер папу в сокровищнице, – громко кашлянул в кулак Амир.

– Это не я разбил вазу!

– Верно, это был я, – кивнул, веселясь, его друг, – за что мое тебе спасибо.

– И я ее склеил обратно! – возмущенно всплеснул руками глава огромного княжества.

– Твое мастерство непревзойденно, – цокнул восхищенно Амир. – Из клея ПВА и усердия – сотворить такой шедевр...

– Зачем было наливать в нее воду, а? – не слушая, продолжал возмущаться мужчина.

– Воду – в вазу! Темные люди! – сочувственно покачали в ответ головой.

– Ей три тысячи лет! А они суют в нее цветы!

– Ай-яй-яй.

– Амир, – резко остановился мужчина, моментально обуздав яркие воспоминания детства (еще бы, разрушенная сокровищница... да и с кем ему вспоминать?), – если не сын, то какая причина?

– Бумаги по союзу с Тенишевыми, помнишь такие?

– Пропали? – не понимая, озвучил предположение князь. – Она их

спрятала и не отдает? Я же сказал – не таскать к Ксюше важные документы!

– Бумаги на месте, – успокоил его друг, сохраняя серьезное выражение лица, – но запрет твой все-таки нарушили. Елизар Сергеевич решил проявить инициативу и заглянул к девочке поговорить о долге и чести рода.

– Результаты? – выдохнули в ответ, растирая лицо ладонями. Таким тоном не говорят добрые вести.

– Палата номер два, под капельницей. Инсульт, но успели вовремя, так что прогноз положительный.

– Что она ему сказала? – отвернулся князь к окну, заложив руки за спину.

– Правду. – Амир тоже развернулся, разглядывая ровную линию леса на горизонте. – Молодая жена изменяет, единственный сын сидит на наркотиках.

– Кто проглядел?

– Разбираемся, – пожали плечами за его спиной.

– Почему не было доклада?

– Елизар все затормозил, у него есть право отчитываться по результату. – Амир заметил удивление излишней прыткостью инсультника в глазах своего главы и поспешно добавил, поясняя: – Ты не думай, он крепкий, он прямо там и не подумал свалиться. Я запись камеры смотрел – он даже спасибо сказал, встал и вышел. Потом организовал ликвидацию жены и сына, проконтролировал, написал отчет и лег умирать. Но мы не дали.

– Сына-то зачем?

– Дрянь изменяла геном. Потомство нежизнеспособно.

– Скотство. – Комнату тряхнуло волной гнева.

– По поставщикам дряни уже работаем. Жди высочайших отповедей и требований прекратить убийства честных торговцев.

– Как высоко покровители? – заинтересовался князь.

– Как я узнаю, а? Шесть часов прошло! – делано возмутился друг, но после короткой паузы добавил: – Деньги ведут в банки купеческой сотни. Кто с них кормится, подсказать? К ним и жаловаться побегут.

– Сделай так, чтобы жаловаться было некому, – криво улыбнулся его названный брат. – Потом почистишь дилеров на нашей земле, вдумчиво, до второго колена.

– На нашей земле их не было. Москва его убила.

– Тогда... А сейчас защиту снимем, пусть у аналитиков башка трещит, как проворонили и что дальше делать. Бездельники!

– К дочери сходи, – напомнил Амир, – поговори про правду.
– Хорошо, – вздохнул князь. – Ксюшка, что же ты с нами делаешь...
– Прошу, бумаги тоже возьми, – указал он на стопку безликих синих папок, уместившихся до поры в углу, на стульчике. – Елизару приятно будет.

– Сам почему не поговорил, а? – подхватил на руки кипу и прижал рукой к боку.

– Поговорю, завтра, на тренировке.

– А сегодня что?

– А сегодня нет занятий. А на женскую половину мне нельзя, – с показной строгостью отвечивал Амир.

– Рассказывай мне, кто к Тамаре каждую ночь шастает?

Стены и пол вновь загудели, снимая защиту.

– Я через окно! – возмутились в ответ.

– Так и залез бы к Ксюхе через окно.

– Через окно – только к любимой. Традиции.

– Ну-ну. Когда ж ты уже на свадьбу позовешь, охальник? – хмыкнул князь, выходя в коридор.

Скорбь и злость исчезли с его лица, перелившись в плотный поток информации, тут же скользнувший по защищенному спутниковому каналу.

– Вот уговорю перейти в мою веру... – сказал Амир.

– Скорее она тебя уговорит.

– Каждый день воюем, – с показной скорбью вздохнул друг.

– Каждую ночь, ты хотел сказать, – лукаво улыбнувшись, похлопал его по плечу князь, замирая вместе с ним на границе просторного зала общежития, за которой простиралась условная женская половина. Условная хотя бы потому, что мимо в ту сторону целеустремленно прошаркал старик, держа перед собой груз полотенец.

– Слугам можно, – предупредил вопрос Амир, провожая старца задумчивым взглядом. – Слушай, а этому уважаемому отцу не положен достойный его возраста покой?

Князь взгляделся в сутулую спину, задаваясь тем же вопросом – в конце концов, клан вовсе не бедствовал и мог обеспечить верных людей в старости, – а затем наконец отыскал в своей памяти ответ на необычный вопрос:

– Его еще дед мой сюда поставил, с правом служить, пока сам не захочет уйти. Наверное, не хочет.

– Или боится. Отправил бы его на пенсию, показал бы, что там хорошо, а? Смотреть больно.

– Амир, его сюда поставил дед, – повернувшись к нему, как маленькому объяснил его друг. – В день, когда я начну изменять решения деда, он восстанет от мертвых и отвесит мне по шее. И тебе тоже.

– Мне-то за что?

– За то, что не отговорил, – терпеливо пояснил князь, переступил с ноги на ногу и резко выдал во всю мощь легких: – Я что, должен с пустыми руками к дочери идти?

Мигом нашелся огромный плюшевый медведь и коробка конфет.

Господин только головой покачал от такой нерасторопности – казалось бы, выглядывают со всех сторон умные и любопытные глаза тех, кто должен бы угадывать мысли хозяев... Или он настолько привык к прислуге главного дворца?

– Ни пуха, – сочувственно прозвучало со спины.

– Сам такой, – огрызнулся князь, с некоторым сомнением вступая на мягкий ковер женской половины.

Комната юной диверсантки находилась в дополнительном коридоре от главной ветви, за деревянной массивной дверью. Распахнув створку, вперед, прикрывая грудь князя, проник медведь, а за ним уже он сам, осторожно высматривая дочку в огромном зале-комнате.

– Привет.

В многоцветии тренажеров у дальней стены, в розовых красках постельной группы справа легко выделялся пятачок в самом центре, между длинными солнечными полосами от окон. В тенечке, на завале подушек, устроилась с ноутбуком, спиной к нему, виновница, выражая желтым цветом бантов равнодушие к гостю. Князь хотел было возмутиться и одернуть такую непочтительность голосом, но не смог. Стоял, привалившись к стене, и глупо улыбался, глядя на сосредоточенные действия своей кровинки. Почему самые непослушные дети – самые любимые? Или дело в том, что в этот раз все случилось по любви, а не по велению серых от старости бумаг? Или давит на него вина, за мать и сына...

Князь тихонько подошел к Ксении и тихонько присел рядом, заглядывая через плечо девочки на экран со сводкой государственного информгентства.

– Привет, – произнесла дочка, не поворачиваясь. – Почему людям нравится ложь?

– Не всем. Я люблю правду. Мне – говори что угодно.

– Ты плохой, – выдала правду Ксюша и развернулась к отцу, внимательно глядя ему в глаза.

– Я знаю, – спокойно кивнул отец, опираясь подбородком о медведя и прижимая его к себе. – Мне надо быть плохим, чтобы хорошие люди жили. И эти люди думают, что я – хороший. Им нравится эта ложь и будет обидна правда. Она сделает их несчастными.

– Лучше не знать, но быть счастливым? – с несвойственной ребенку серьезностью уточнила дочка.

– Если правду будут знать те, кому положено, – да. Скажи ты мне или дяде про семью дяди Елизара, он остался бы счастлив и не лежал бы сейчас при смерти. Все его беды взял бы на себя очень плохой человек, – грустно улыбнулся князь.

– Я учту, – сосредоточенно кивнула Ксюша, отворачиваясь к монитору.

– Доченька, я тут бумажки принес: посмотри, а? – Отец пододвинул поближе кипу документов. – Не для меня, так для дядьки.

– Маму хочу видеть.

– Пока нельзя, – терпеливо ответил князь. – Это не мое решение, ты знаешь.

Сложно объяснить ребенку, даже такому необычному, почему ее мама вынуждена грустить на другом конце земного шара. Как облачить в простые слова непрестанное давление «союзников», а с некоторых пор – самого государя, требующих поделиться «известными им исследованиями и наработками»? Пока все обходилось выдвиганием ответных требований, вроде совместных концессий на северный шельф или права на строительство собственного космодрома – заведомо неисполнимых. Но чем больше проходило времени, чем чаще заводились на этот счет разговоры, тем вежливое: «Мы подумаем», – становилось все ближе к тому, что шельфы действительно отдадут, а у клана появится свое окно в небо. Но что-то эти прогнозы совсем не радовали.

Да еще подключились «бывшие родственники», затребовавшие провести родственницу. Эта мразь продала свою кровь! Они не имеют на нее никакого права, даже имени ее упоминать, не то что требовать встречи! И тем не менее – официального рабства в Империи не было, а значит, ничто не мешало этой грязи настаивать на свидании с «любимой дочерью/сестрой/племяншкой», раз после развода она осталась в клане мужа. Отговорились тем, что на территории княжества ее нет, и вообще – она свободный человек и сама выбирает, с кем ей видаться. На неуверенные блеянья, что родня хочет еще и дочь ее повидать, секретариат даже отвечать не стал.

– А если я сделаю так, чтобы было можно?

– Как?

– Ну, вот у этого дядьки, – ткнула она в одухотворенное лицо на экране в сводке правительственных новостей, – есть счет по паролю EX5622-609N32X-60L93K-МТО в теплой стране с красивыми горами; помнишь, мы летали туда в прошлом году? Он его постоянно выписывает на бумажку, чтобы не забыть, а затем ее сжигает.

– Деньги не помогут, – качнул головой князь.

«Как не помогут?.. – взорвался до того притихший канал аналитической поддержки. – То есть... простите, господин. Шаблон пароля схож по маске на Swiss CIBank. Прокатываем пробную транзакцию... Шеф, там почти два миллиарда».

– О, – округлил глаза мужчина. – Хотя... А вот у этого дяденьки есть такой пароль? – ткнул он на лоснящуюся морду рядышком.

– Есть, но он не злой, – непонятно ответила Ксюша и вновь ткнула на предыдущего дядьку, – а этот продает людей.

«Шеф, да мы его за яйца теперь!.. Простите, господин. Замминистра Поликарпов взят в приоритетную разработку».

– Хм, а знаешь... ведь это действительно поможет, – улыбнулся кончиками губ отец и осторожно погладил дочь по волосам. – Не сразу, врать не буду, но через месяц...

– А если я помогу по другим дядям?

«Время перелета – двенадцать часов», – шепнул взбудораженный голос.

– Тогда мама прилетит через неделю, – не стал спешить господин.

– Здорово!

– Дядя Амир занесет список злых дядь.

«Сегодня вечером!»

– Завтра, после тренировки. Только не перенапрягайся, устанешь – отдыхай. – Князь с теплотой разглядывал свое сокровище. – Пойду я, делать свои плохие дела ради хороших людей.

– А эти бумажки? – кивнула повеселевшая дочка на подборку по союзному договору.

– Да там все решено, – равнодушно пожал плечами отец. – Но если не сложно, посмотри. Пусть старик успокоится.

Никто не требовал, чтобы юная леди вникала в сложные юридические термины и проверяла финансовые прогнозы будущего союза. Папки можно было и не просматривать вовсе – куда важнее был сам факт, что бумаги долгое время держали первые лица двух кланов, думали о будущем и прошлом, предполагали и обсуждали со своими подчиненными самые важные пункты будущего союза, утаивая, по давней традиции, свою

главную выгоду. Дару требовалось за что-то зацепиться, чтобы пройти в будущее человека и отыскать нужные фрагменты, завязанные именно на договор. Разумеется, можно было просматривать все подряд, но скорость «прозрения» слабо отличалась от обычного течения жизни, а значит, такой способ требовал слишком много времени. Куда проще смотреть «кусочками».

При должной мотивации и развитом таланте такие «костыли» могли и не требоваться, но пока что юной Видящей проще было опереться на фотографии и личные вещи, как, например, расческа с парой застрявших волосков, «забытая» высокими гостями, витиеватая подпись на странице «протокола о намерениях», капля вина, нечаянно капнутая на многостраничные приложения...

Легкая медитация, позаимствованная на тренировках, и детская ладошка ложится поверх отпечатка гербового перстня Тенишевых. Глаза провидицы закрыты, дыхание размерено и неслышно. Еле-еле бьется жилка возле ключицы, выдавая состояние транса.

Князь с тревогой смотрел на отрешенное лицо маленькой девочки, вынужденной выискивать зло и предательство в чужих замыслах. Каково это – видеть смерть и горе, мерзость и обман, боль и несправедливость еще до того, как минует светлое время беззаботного детства, до прихода настоящей дружбы и первой влюбленности?

Совсем не такого желал он дочери, трактуя слова пророчества жены как обещание для ребенка будущего гениального ученого или воина, художника или архитектора... Да и найдется ли на свете отец, который не гордился бы своим ребенком? Разумеется, пророческий дар стал настоящим счастьем для лидера клана. Но для простого человека, дремавшего где-то там, под чешуей политика, убийцы и военачальника, он стал горем, забравшим сына и любимую женщину.

– Пап, – сонно выдохнула Ксюша, открывая глаза, – зачем закачивать в землю нефть?

– Нет, родная, ее оттуда достают. В землю закачивают воду для поддержания пластового давления и... – осекся князь, заметив, что дочь отрицательно мотает головой.

– Тот, кто подписывал эту страничку, стоит в поле пожухлой травы. Он в каске, как еще трое рядом, на всех оранжевые куртки. Перед ними шесть грузовиков с круглыми бочками на спине. Из них сливают шлангами черную жидкость в землю. Тот, кто ставил подпись, спрашивает, сколько еще нужно нефти. Ему отвечают, что будет еще два рейса.

– Так, значит... р-русский Кувейт они мне обещают, – сквозь зубы

прошипел князь, с гневом посмотрев на ни в чем не повинные документы.

«Принято...» – с заминкой, слегка ошарашенно прошептали в наушник.

– Спасибо, родная, – мягко улыбнулся он дочурке, до поры пряча гнев поглубже, неуклюже протягивая медвежонка.

– Ух ты... – все еще словно после долгого сна, слегка щурясь, протянула дочь, принимая презент, заключила его в объятия... а затем что-то пошло совсем не так.

– Холод, сырость, низкие потолки, – заметалась в лихорадочном бреду Ксюша, вцепившись в игрушку руками. – Много людей, страх; сделать еще двадцать – или боль. Стрекот машинок, крик злого мужчины. Пять медведей – вода, семь медведей – хлеб!..

Князь, пытаясь освободить дочь от кошмара, буквально разорвал медведя на кусочки, и только потом поток слов стих, сменившись тихим рыданием пережитого горя – чужого, бесконечно далекого.

– Где? – тяжело выдохнул отец, мягко обнимая свое сокровище, желая защитить от любой опасности.

– Тайбэй, пригороды, рядом большая вода, справа дымят заводы, подвал трехэтажного дома с красной табличкой, – между всхлипами ответила дочь.

– Все будет хорошо, – неловко чмокнул он ее в макушку, аккуратно перенес на кровать и вышел, тихо прикрыв створку за собой.

– Красная тревога, координаты у вас есть, – сказал в пространство.

«Территория сопредельного государства. Геотаргетинг осуществлен. Ханство клана Тога. Прогноз: война – восемьдесят шесть процентов».

Стоило выйти с женской половины, рядом зашагал брат, спокойно облачаясь в костюм под легкий МПД – его наголовная часть с тактическим шлемом уже была надета, а значит, о прогнозе он услышал одновременно с другом.

– Подтверждаю.

«Господин, не проще выкупить рабыню у ван Тога?»

– Долго.

«Господин, Тога очень ревностно относятся к своей территории! Там будет резня с очень низким шансом на выживание неодаренных! Желаете, чтобы ваша дочь это увидела?»

– Значит, я лечу сам.

«Корректировка прогноза: война – ноль процентов, – проскрипел старческий голос на фоне белого шума, означавшего, что все остальные сейчас заглушены и имеют право только слушать. – Когда волк заходит

во двор, умная шавка лезет в будку и дрожит от страха, мечтая дожить до утра».

Белый шум пропал, но никто не торопился нарушать созданную тишину.

– Императив номер один – по Тенишевым продолжаем работу. Будем макать мордой в нефть. Императив номер два – обеспечить собственное производство детских игрушек. Со счастливыми швеями, поняли?! Чтобы зарплата до неба, дворник здоровался и муж души не чаял!

– И пух братъ от счастливого барашка, – поддакнул Амир в общий канал.

– Да!.. Тьфу, да заткнись ты, и так тошно...

Не спеша – словно на прогулке, дошли две мужские фигуры до вертолета, уже готового нести «виртуоза» и «мастера» за горизонт.

– Я хочу, чтобы она знала, что папа может быть хорошим! – прокричал князь сквозь рев вертолета, обращаясь к товарищу, зацепил скобу рукой и ловко запрыгнул внутрь.

Амир задержался, пытаясь представить, каково это – быть готовым развязать войну ради слезинки своего ребенка? В итоге пришел к решению, что это дело надо срочно проверить, организовав первенца.

Когда отгремит рокот гнева, сорвутся с уст красивые слова и вихрь человеческой воли обратит желание в действие, приходит время слуг. Тихие и незаметные, они приберут осколки разбитой посуды, отмоют ковры от вина, соберут клочья некогда целого, воссоздавая декорации для нового спектакля жизни своих господ.

Так и в этот раз: стоило князю отвернуться от двери, как за спиной зашаркал безымянный слуга, согнутый службой за долгие годы. С поспешностью, доступной для его древних лет, он собрал рассыпанный по полу пух из разорванного медведя. Бережно перенес на стол забытые князем бумаги. Оттер пол там, где ступал господин, в своем величии позабыв переодеть уличную обувь. Поднял с пола и отряхнул рассыпанные подушки. И, тихо цокнув – окно показалось недостаточно чистым, – принялся натирать стекло замшевым платком.

– Все будет хорошо, – прозвучал детский голос, обращаясь, возможно, к миру, возможно, еще к кому. Не к слуге же?

Старик подышал на очередное пятнышко и продолжил монотонную работу.

– Дедушка...

Рука старика замерла на какое-то мгновение, сильно вдавив платок.

Не будь стекло бронированным – стрельнула бы молнией трещина. Пальцы, будто опомнившись, отдернулись от прозрачной глади, а платок неловко обернулся вокруг пальца со старым обручальным кольцом – ровно настолько, чтобы скрыть нажатие большим пальцем по ободку, подменившим последнюю минуту записей на камерах. Никакого риска – из этой комнаты никогда не было прямой трансляции.

– Как... – завис в воздухе недосказанный вопрос.

– Кто-то постоянно забывал в моей комнате конфеты.

– Я старый человек, мне можно быть забывчивым, – проворчал хриплый голос, а сам его обладатель отчего-то совсем позабыл горбиться.

Дед легко, словно пушинку, позаимствовал у стены стул и пододвинул к кровати, по привычке хекнув, разместившись на самом его краю.

– Когда догадалась?

– Давно, – честно призналась внучка, – с прошлого года.

– И молчала?

– А ты бы приносил конфеты? – пристально посмотрела на него пророчица.

– Это единственная причина? – возмутился дед. – Мы, между прочим, год потеряли! А нам еще законы учить, в делах рода разбираться, политикой и этикетом...

Старик осекся, заметив, как принцесса с кислым видом кивает на каждый пункт грандиозных планов.

– Ага. А дряхлый слуга, раскидывающий конфеты, нам, значит, нравится больше, – зачитал вердикт старик.

– Ну де-эда... – потупила глазки юная красавица.

– Ты с этими выкрутасами прекращай, – строго посмотрел на нее старик. – Ну-ка глянь в будущее на пять минут вперед: что я там сделаю, если не извинишься?

Ксения задумчиво повернула голову, словно всматриваясь, и резко поалела щечками:

– Меня нельзя ремнем!

– Ты не доверяешь своему дару?

– Деда, извини, пожалуйста, я больше не буду... Дед, а почему будущее не изменилось?

– Думай.

– Деда, я больше никогда-никогда не буду говорить людям о плохом будущем, – лихорадочно вспоминая, протараторила девочка папину просьбу. – Честно!

– Ну кое-как еще... – прокряхтел старик.

– И вообще, дядя Амир сказал, что меня бить нельзя... – пробубнила Ксюша.

– Как человек, поровний дядю Амира, смею возразить. Давным-давно пора. Ты вот сегодня что устроила? Чуть человека не убила, хоть это понимаешь?

– Я знала, что он выживет, – понурилась она.

– Милая, – терпеливо наклонился к ней дед. – Ты видишь один исход событий, завязанный только на тебя. Ты говоришь – он реагирует. Включи в это пророчество третьего человека – и все изменится. Будущее станет светлее для всех нас.

– Хорошо, – шмыгнула новыми слезами внучка. – Я просто пока не умею...

– Эх ты... Как же жалко потерянный год! – покрутил старик головой. – Не было бы у нас теперь таких проблем...

– Не беспокойся, с папой все будет хорошо, – поведала заплаканная мордашка.

– Знаю. – Старик протянул ей чистый платок. – За это не виню, случайно ведь вышло.

– Ну... – вновь покраснев, Ксюша отвела глаза.

– Та-ак... Можешь в будущее не смотреть, ремень гарантирую.

– Я все объясню! – вскинулась она.

– Уж постарайся, – скептически выдал дед.

– Мне не с кем играть, и я решила найти себе подругу, – отбарабанила Ксюша и закрыла глаза.

– Та-а-а-ак... – мерно вздохнув, мантрой пропел дед.

– С другими детьми меня не пускают играть, – пожаловалась она. – И не пустят. Я начала искать такую, с которой мне бы разрешили.

– И отправила папу за ней на войну, – отстегнув пряжку ремня, дед принялся выуживать его из лямок.

– Стой! Через минуту ты меня простишь!

– Блеф.

– У Тай Лин потенциал ранга «учитель», – выдала козырь Ксюша. – Она могла бы со мной тренироваться, мы бы дружили, она учила бы русский, а я китайский, а? Я ее случайно нашла, честно! Когда медведя увидела. И прозрение честное!

– А если бы медведь был не тот? – все еще не веря, приподнял старший бровь.

– Так я слугам показала, как он мне нравится, они его папе и подсунули.

– Растет интриганка, – покачал дед головой, – только учиться не хочет.
– Я буду учиться! Вместе с Тай!
– Больше никогда не чуди так, очень тебя прошу, – все-таки застегнул дед пряжку обратно.

– Но я ведь вижу, что вреда не будет...
– Внученька, мир совсем не так прост, как тебе кажется. Ты видишь вернувшихся с добычей наших людей, и я радуюсь вместе с тобой такому исходу. Но видишь ли ты протест китайского императора, негласное распоряжение препятствовать бизнесу, падение репутации, клеймо разбойников, которое ой как непросто будет вывести? А ведь все это нам предстоит пережить. Каждое действие раскачивает весы мира, и даже если чаши займут прежнее положение, то песчинки внутри неизбежно сместятся. И в следующий раз механизм может перевернуться вовсе, рассыпав в придорожную пыль труды наших предков.

– А?
– Не обращай внимания, просто я долго не разговаривал с людьми. Впредь говори мне обо всем, что хочешь проверить.

Старик посмотрел в кристально честные глазки своей кровинки и нервно дополнил:

– Начинай прямо сейчас.
– Ну-у, – заерзала егоза на месте, втыкнув пальчик в одеяло, – я хочу вернуть брата домой.

– Хорошее желание, – тепло улыбнулся дедушка, – но он не возвращается в том будущем, где действуешь только ты, верно?

– Ага.
– А вот если бы вернулся, ты перестала бы желать его возвращения.
– Неправда!
– Милая моя, задумайся, почему папа каждый раз просит показать ему сына, но не ищет его сам.

– Но он ведь потерялся? – робко предположила внучка.
– Ксюша, мы – клан. Мы – не ты, я и твой папа, не дядя Амир. Мы – это заводы и самолеты, космические спутники, корабли и даже подводная лодка. Если бы мы захотели найти одного-единственного мальчишку в этой стране, нам хватило бы двух суток.

– Но я не понимаю...
– А вот если бы ты училась этот год... Эх, да что теперь говорить! – с досадой хлопнул он себя по коленке. – Ксюша... Мы сильны единством, клан силен единством. Есть твой папа, он во главе, и никто не смеет оспаривать это. Он достаточно умен, он сильнее всех, он образован и умеет

работать. Но он не родился главой клана, понимаешь? У него были братья, сестры, имеющие такое же право стать главным, как и он сам. Часть из них была старше его, часть младше, но все они росли в дружеском соревновании, вместе обучаясь править и воевать. Когда пришел срок, достойный возглавил клан. Остальные стали ему помогать, принеся клятву верности. В природе это зовется естественным отбором – слабые и глупые не имеют права стоять во главе и вести стаю. Мы выживаем так уже тысячелетия.

– Мой брат проиграет? Ну и пусть! Зато он будет рядом со мной, рядом с мамой.

– Драгоценность моя, – грустно улыбнулся дед, – у твоего папы трое сыновей и вместе с тобой две дочери. Ты видела хоть одного из них? Ты видела других мам?

– Ну, меня ни к кому не пускают, – мило заворчала юная видящая.

– Другие мамы боятся тебя, боятся, что ты подскажешь конкурентам на княжеский трон что-то, что поможет им победить в будущем. Они боятся, потому что ты знаешь результат этой борьбы сейчас и можешь повлиять на него потом. Им страшно, что ты видишь их старость и смерть. Ты – их главный ужас. Поэтому они договорились тебя не посещать и с тобой не разговаривать.

– Ну и пусть; как будто очень хотелось!

– Ксюш, а теперь представь, что князь приносит в дом твоего брата и официально признает наследником. Представь ужас всех этих тетей, за спинами которых, кстати, семьи наших союзников. Претендент с сестрой-оракулом. Они, их дети, обречены на поражение.

– Я могу не подсказывать братику, он им сам морды набьет!

– Проблема номер один – они не поверят, что ты не станешь помогать. Проблема номер два – наши союзники возмутятся за своих дочерей. Проблема номер три – разлад в семье и в клане из-за нечестной борьбы. То есть твоего брата скорее всего убьют. Вероятность – девяносто три процента. Организуют несчастный случай, на который мы, извини, закроем глаза, чтобы все не развалилось. Тебя не тронут, они не могут сделать что-либо во вред клану. Но для клана твой брат во главе... лидер, не обученный должным образом, выглядит угрозой. Им не придется идти через себя, против своей силы и чести, не придется нарушать клятвы, чтобы организовать его смерть.

– А если он откажется от борьбы?

– Нельзя отказаться от соревнования, которое не объявлено, но существует как традиция. Пойми, для нас внутриклановая грызня –

огромная беда и разлад. Хуже войны. Поэтому мы не ищем его силами клана. Потому что для клана его не существует. Он – тайна гораздо серьезнее, чем я под личиной слуги. Но я и твой отец будем рады, если ты подскажешь, где твой брат. Тогда мы сможем тихо забрать мальчика к себе. Он не будет наследником, но будет рядом. Пожалуйста.

– Нет... – выдавила из себя Ксюша.

– Но почему?! Почему ты не можешь нас простить?

– Не я. Он вас не простит. Он... он сейчас никого не простит.

– А если с ним что-нибудь случится?!

– Деда, ты не бойся, – маленькая ладошка обняла старческую высохшую ладонь, – я за ним присмотрю.

Глава 16

День, который

– Мы не употребляем свой товар.

Слова разносились по выстуженному подвальному помещению, находя дорожку через шум механизмов к ушам и сердцу каждого работника. Вздрагивали плечи, суматошно стреляли в мою сторону взгляды, желающие увидеть, но не быть увиденными. Движения обретали несвойственную поспешность, головы сгибались от предчувствия близкой беды, представляя себя под низкой лампой в центре зала, вместо тех, кто был оторван от работы по моему слову.

Сегодня виновников было много. В безжизненном свете ламп дугой выстроились шестеро работников, безликие в своих одинаковых белоснежных халатах и шапочках с перчатками, силой выставив вперед высокого, крепкого парня. Кто-то должен был ответить за недостачу. Кто-то чужой, недавно принятый, оттого виновный больше остальной бригады.

Он тормозил рукав халата, комкая исцарапанными пальцами белоснежную ткань. Его глаза искали виновника всех бед, высматривая врага на полу, на глади стен, на потолке, в квадратах закрытых простыней окошек.

– Сергей, ты ведь знаешь правила?

Тот закивал и тут же отрицательно замотал головой:

– Но это не я!

Его попытку обернуться к бывшим друзьям я пресек, зацепив за плечо, и резко дернул на себя.

– Глаза воспалены, кожа холодная, дыхание... Покажи язык.

Сергей упрямо уставился в пол, не желая подчиняться.

– Сколько ты закинул внутрь? – Я полуобернулся к Вадику, до того неслышно стоявшему в охране вместе с Семеном.

– Не хватает двух упаковок, – мазнув взглядом по бумажке, озвучил он.

– Что бывает с теми, кто употребляет так много? – вновь обратился к Сергею, встряхнув его за халат. – Что было с Петей, скажи мне?

– Он попал в больницу, – шмыгнул парень, обреченно понутив плечи.

– Верно. А почему он попал в больницу второй раз? – вкрадчиво уточнил, придвигаясь чуть ближе.

– С лестницы упал...

– Неверно, – цокнул я, досадуя. – Причина в том, что он создал нам проблемы. Из-за него было расследование, цех вынужден был остановиться на месяц, мы потеряли много денег... Теперь ты понимаешь последствия своего проступка?

– Я больше не буду, – понурился он.

– Разумеется, – зубасто улыбнулся я ему, – ты уволен.

– Но я...

– Вышвырните его.

– А моя плата?!

– Какая плата? – удивился в ответ, округлив глаза. – Ты нам должен за две упаковки недостачи. Срок – неделя.

– Нечестно! – донеслось уже из-за двери вместе с хеканьем Семена и гулким ударом, после которого всякие звуки прекратились.

Хм. Слишком тихо. Я обернулся в зал, с удивлением отметив застывших статуями ребят.

– За работу! – рявкнул так, что задрожали мелкие детали где-то на стеллаже, а в углу по горе желтоватого порошка прокатилась небольшая осыпь.

Вроде очнулись.

– Идем, – махнул рукой Вадику и сам первый вышел за дверь подпольного цеха по производству мороженого.

– Все по плану, – встретил нас на подъеме лестницы Семен, – я проследил. Он пойдет жаловаться на несправедливость к своим друзьям.

– Сейф ему показали?

– Мельком, как ты приказал. Якобы перекладывали пачки с деньгами.

– Отлично, – чуть расслабился, отметив исполненным еще один пункт плана. – Для второго шага все готово?

– Да, босс, ребята нашептали нужные слова. Нас уже ищут, – хмыкнул довольно Вадик.

– Не понимаю, они совсем безмозглые? – пробухтел Семен, до конца не веривший, что все получится.

– Всем нужен виновник своих бед, – пожал я плечами и поправил красную бабочку на рубашке, – так что давайте позволим себя найти.

Наша группа неспешно зашагала по коридорам – широким, светлым, благодаря щедрости неведомого спонсора, украсившего каждый поворот веселым рисунком, на который даже у последнего мерзавца не поднимался фломастер. В пролете мелькнула испуганная мордашка одного из подручных Моряка, тут же исчезнувшая под быстрый топот новых, но таких громких ботинок.

– Минута-две, – прикинул Вадик, приваливаясь к стене возле тупичка с аварийным выходом, кое-как освещавшим площадку два на три метра желтым светом букв.

Я остался чуть дальше, под светом, лившимся из окна – будто бы один, и не стоят в тени два друга, настоящих друга, а не тех, кто превратился за последние три года в Сиплого и Моряка. Все-таки дружбы на деньгах не бывает.

– Ты продал нам некачественный товар.

Я стоял возле окна, заложив руки за спину, когда обвинение все-таки прозвучало. Надо же, я думал, они так и будут переминаться с ноги на ногу, не решаясь произнести слово. Чуть повернувшись, отметил троих рослых ребят, напоказ выставивших полосатые майки в разрезе расстегнутых на три пуговицы рубашек. Сильные, агрессивные, привыкшие делать, а не думать. То что надо.

– Вот как? – нейтрально ответил я.

– Стоматолог сказал, что наши зубы испортились из-за сладкого. Ты продал его нам! – привел довод Колька, угрожаяще наклонив голову вперед. – Из-за тебя мы страдали!

– И что вы хотите от меня? – искренне любопытствовал в ответ.

– Компен... ком... компенсации! – выговорил центральной тройки.

– И сколько вы хотите?

– Два импа! – выпалил он, видимо сам не веря, что такую огромную кучу денег можно получить.

– За каждый зуб? – деловито уточнил я, доставая чековую книжку, некогда бывшую блокнотом.

– Да! – переглянулись трое и кивнули, балдея от перспектив.

– И у кого сколько? – постучал я вытащенной ручкой по бумажке.

– Вот у меня – передний и два коренных, – показал Колька, отодвигая губу, – у Севы три, у Вити один.

– У меня два! – возмутился Витя, старательно показывая пальцем на залеченные зубы.

– Хм, ладно, – кивнул я, выписывая чек Кольке. – Вот, за твои три зуба. Сева, твой чек, Витя, пожалуйста. Все довольны?

– Ага, – ошарашенно мотнули они головами, всматриваясь в мою размашистую подпись.

– Теперь я хотел бы получить свои зубы.

– Ч-что?

– Ну я же за них заплатил, верно? – недоуменно пожал я плечами. – Они больные, испорченные моим товаром, я все правильно говорю?

Вы назначили им цену и получили деньги. Так что давайте не будем тратить мое время. Зубы на полку, – похлопал я рукой по подоконнику.

– Мы так не договаривались!

– Виталик, Семен, – скомандовал я, и тут же из темноты тупичка выступили мои друзья, несколькими ударами сложив неприятеля на пол. – Семен, вот этот должен мне три зуба. Оформи, будь добр.

– Не сомневайся, босс, – пробухтел он, доставая заранее подготовленные ржавые плоскогубцы из-за пояса.

– Нет, не надо! – вопили с пола, но друг придавил клиента коленом, разжал пасть и вставил металл ему в рот.

Вопль сменился диким криком с подвыванием, а на свет теплого летнего солнышка появился окровавленный полуотломанный клык.

С глухим звуком зуб ударился о бетон пола, тут же приковав к себе взгляды всех троих.

– Не до конца, – досадливо посетовал я.

– Сейчас исправлю, босс.

– Не надо, прошу!

– Но я же за них заплатил, – укорил я его. – Не дергайся, будь добр.

– Сделка отменяется, – просипел Колька, вывернув голову в сторону и выплевывая кровь изо рта.

– Ну... Раз так, я могу продать вам зубы обратно, – сообщил я благожелательно, присел рядом и потрепал его по щеке.

В его глазах было столько надежды, будто я способен вернуть ему улыбку, искаженную некрасивой щербиной.

– Разумеется, дороже, – тут же поправился, – скажем, за десять импов каждый. Срок – завтра. Проценты будут идти каждый день, пока мой товар у вас во рту. Первый взнос вы можете сделать прямо сейчас, – я кивнул на щеки, которые они все еще держали в руках. – Нет вопросов? Замечательно. Остаток долга – шестьдесят четыре импа.

Теперь в его глазах не было надежды, только ярость и желание убить.

– Проваливай.

Я оттер кровь с пальцев о его брюки и взглядом попросил своих друзей проводить наших клиентов пинками. Вновь отошел к окну, чуть размялся, потянувшись руками, и обернулся к ребятам.

– Какой же сволочью приходится быть.

– Они изуродовали Олега, – напомнил Семен, оттирая плоскогубцы платком.

– Потому и приходится, – нахмурился, признавая его правоту.

– Ты мог найти хотя бы не такие ржавые, а? – попенял Вадик

товарищу, скептически осматривая красно-желтые разводы на металле.

– Это не я, – кинул на меня он взгляд.

– Я вам не зубная фея, чтобы платить два импа за зуб, – с легким раздражением пояснил в ответ. – Эдак половина интерната встанет в очередь с челюстью в руке! Важен не зуб, а страх и боль от процесса. Они должны знать, что зуб можно вырывать долго и очень болезненно!

– Тише-тише, – сочувственно похлопал меня Вадик, успокаивая. – Мы знаем, тебе нелегко. Скоро все закончится, верно?

Я прикрыл глаза, откидывая злые мысли. Вокруг были друзья, хорошие и добрые, и их совсем не надо было пугать мной-другим.

– Извини. По третьей стадии есть вопросы? Нет? Тогда я – на крышу.

Не следует пока что показываться на глаза своим должникам. Ребята горячие, могут попытаться все решить силой, вернувшись с подкреплением. А задумка вовсе не в массовой драке. Задумка в том, чтобы жадность и страх объединились ради крупного приза.

В холодке затененного участка крыши, упираясь в еле заметные выступы на шероховатой поверхности, я внимательно присматривался к сегодняшнему дню.

Нависали над головой перистые облака, жарило полуденным солнцем, поднимались вертикально вверх дымки над крошечными сельскими домиками вдаль, лениво и вовсе не страшно грозила дождем темная линия на горизонте. Душно до звона в ушах, тело желало движения в надежде на порыв ветра, но солнце нещадно загоняло в тень, прожигая ноги даже сквозь подошву сандалий. И это здесь, на крыше, под редкими порывами ветра, нет-нет, но приносящими свежесть и прохладу.

А каково им там, в бетонной коробке интерната? Разумеется, им плохо. Но скоро станет еще хуже – Семен перекрывает вентиляционные каналы, обращая комнаты в пекло. Благодаря усилиям Вадика кран с холодной водой скоро захрипит и заплывет ржавчиной, а в столовой уже со вчерашнего дня готовы продавать только ледяную газировку, от которой потеет майка и хочется пить еще больше.

Но я все еще не уверен – достаточно ли плох этот день? Или, быть может, сделать его еще немного хуже, чтобы мысли и желания моих врагов гарантированно обратились поступками?

Моя жизнь насчитывает почти пять тысяч дней. Хороших и плохих, интересных и скучных – как и большинство из нас, я не выбирал большую их часть, принимая от жизни утром и отдавая каждую ночь обратно, с благодарностью или упреком. Пока, разменяв третью с половиной тысячу, не осознал, что дни можно создавать самому. Для себя и других. А еще чуть

позже я начал их продавать.

Это казалось не так уж и сложно – тогда, три года назад. Старший класс ушел в город, им на смену должен был прийти бывший восьмой, уже предвкушавший обретение власти по праву самых сильных и взрослых в интернате. Старшие ушли, но я-то остался – а вместе со мной и вся паутина подчинения и страха, унаследованная от тех, с кем я вел дела.

Я помню разочарование на лицах, когда в огромной спальне девятого класса, едва-едва заселенного, полного ароматом свежих простыней, звучал мой скучный голос – о том, что они выросли, но ничего не изменилось. Когда они не поверили и посмели возражать, я создал свои первые двадцать четыре часа.

Ночь с разбитым окном, стылая, завывающая ветром, холодная. Утро с громким криком воспитателей, упрямым молчанием и злостью. Горелые завтраки, обеды и ужины. Вечер с белым шумом сломанной антенны вместо мультфильма, отсыревшее белье и две полоски на другом окне, крестом отметившие пока еще целое стекло. Намек был принят, возражений более не последовало.

Тогда я создал хороший день, с вкусной едой, футболом на физкультуре, отремонтированным окном и теплым, выглаженным бельем. И назначил ему цену.

Многие не могли купить день целиком, тогда я продавал часы и минуты, забирая плату работой и вещами. Постепенно все богатства нашего маленького мира заняли пространство под кроватью, забили тумбу и угол, а под дверями всегда стояла пара бегунков, готовых исполнить любое поручение.

Был ли я счастлив, сдвигая ногой стопку с раскрасками, выбирая нужный оттенок из двух сотен разнообразных фломастеров? Нет. Но, создавая новый день, загадывая, каким он будет, я радовался даже больше, чем мои клиенты. Я придумывал им приключения, пряча листок с ответами на экзамен, до которого оставался час, под стельку ботинка поварихи. Я сгорал от любопытства, выберется ли Лайка из кабинета директора незамеченной, и искренне сожалел, что не участвовал в ее десанте через окно. Я устраивал ребятам представление, отсылая в театры и цирки письма, подписанные сотней нескладных подписей, – и актеры приезжали, создавая нам всем праздник. Так что дело вовсе не в оплате, хоть и отказаться я от нее не мог. И это стало первой проблемой из череды многих.

Вскоре я понял, что еще месяц-два и моим клиентам нечем будет мне платить. Они уже начали залезать в карманы младших, норовили сделать

свою работу чужими руками, понуждая силой, сколько бы я ни повышал голос и ни налагал штрафы. Но даже и этот источник грозил иссякнуть – а значит, они полезут в карманы учителей или устроят бунт. Этого нельзя было допустить.

Я начал скидывать накопленное обратно, щедро одаряя хороших ребят, создавая себе друзей, охранников и сторонников. Но они не торопились давать ход своим богатствам, предпочитая копить, а не обмениваться, а если и тратили – то неожиданно, ради создания собственной власти. Ситуация стала только хуже.

Тогда я начал платить обычным детям за полную ерунду только для того, чтобы они могли платить мне. Когда забор за неделю был покрашен трижды, а расчесанного и отмытого Машка чуть не забрала учительница, я понял, что требуется внешний источник работы и оплаты за нее.

Так в интернате появилась тайная выделка нехитрых кухонных принадлежностей вроде лопаточек, скалок и дощечек. Взамен тяжелой спортивной сумки, набитой деревяшками, трудовик приносил пару-тройку бумажек и россыпь мелочи, каждый раз отводя глаза и винясь в том, что можно заработать и больше, но только если продавать самим. А так – цену определял покупатель, зато брал все скопом и даже просил еще.

Мне было наплевать на цену, куда важнее, что у ребят появилась работа, за которую плачу не я. Но и довольным я не был: рубли – это не то, что я мог безопасно передать своим работникам. У меня не было размена, я не знал их настоящей стоимости, я не хотел, чтобы их заметили воспитатели. И еще я не желал, чтобы деньги начали тратить мимо меня – они, как я знал, ценились там, за забором. Тогда я создал свои деньги. Мне приносили рубли, а я платил импами, торами и орами, по курсу один к десяти, украшая неровные прямоугольники раскраски своей подписью (подглядел у зеленой бумажки со стариком).

Ситуация выровнялась – до той поры, когда моих денег на руках стало больше, чем я мог предложить услуг. У меня начали выкупать сданные ранее предметы, обменивая так ловко придуманные мною пустышки на игрушки и матрацы, постепенно вычерпывая все мною накопленное до самого дна.

Я спросил совета друзей – и те сбежали тут же, услышав в моих словах только слово «проблемы». Так появилась команда Моряка (от дома у него осталась отцова майка) и Федьки. Сиплым я сделал его уже сам, организовав ему после очередного залета солнечную ванну в лютый мороз.

Зная о моих сложностях, они начали распускать слухи, что скоро все

рухнет, что я всех обманываю и пришло время меня бить.

В ответ на те рубли, которые скопились у меня, я закупил во внешнем мире конфеты и сладости, демонстративно вывалив десятки килограмм богатства на соседнюю, все еще пустующую кровать. Мой авторитет вновь был нерушим. Но с таким подходом запасы внешних денег грозили очень быстро кончиться – цена за килограмм даже самой дешевой карамели очень неприятно удивила. Тогда родилась идея, что надо производить нечто, что ценилось бы и за забором и внутри интерната. И я знал такой продукт.

Первую партию мороженого мне сделали повара, с легкостью превратив пачку магазинных сливок во вполне пристойный пломбир – без вафельного стаканчика и наклейки, но очень даже вкусный. Вафельный стаканчик, впрочем, тоже не стал великой проблемой. Зато пугала стоимость сливок, теста для стаканчиков, сахара и самое дорогое – работы поваров, аренды помещения и оборудования. Последнюю проблему я смог решить довольно быстро, прознав, что после ремонта интерната все старые кухонные принадлежности и технику покидали в подвал. За две недели и десяток килограмм конфет помещение удалось привести в порядок, а за сотенную рублями трудовик починил и смазал все нужное оборудование – большую морозильную камеру, вафельницы и несколько крупных взбивателей для теста. Рабочие тоже нашлись быстро, а вот с сырьем возникли сложности – его требовалось покупать за рубли, но продавать мороженое за оградой в таком виде я пока не мог. Зато внутри интерната продукт шел хорошо, отодвигая призрак разорения на месяц-два.

Вскоре во время очередного сидения на крыше меня осенило – вокруг интерната на долгие километры, было множество деревень. А где деревни – там коровы, а значит, сливки. А еще – там дети, а значит, клиенты, которым все равно, как выглядит мороженое – главное, чтобы оно было вкусным и холодным. Но для этого мне нужен был человек снаружи.

Такой человек нашелся – вместе с телефоном, который оставил Толик, уезжая из интерната. Его бабушка вылечилась, и органы опеки позволили ему вернуться домой, оставив за спиной чужую зависть и его твердое обещание мне помочь, если что. Кажется, я очень удачно позвонил тогда в больницу, он очень хвалил – вернее, смущался и пытался жать руку, но это одно и то же. В общем, обещанное «если что» произошло, я позвонил – и Толик появился у забора интерната следующим вечером.

«Ничего не получится», – говорил он. – Это бред! – недоверчиво крутил он головой. – Ну не на руках же мне все тащить», – бухтел, уже сдаваясь. Пришлось вернуться в интернат, подхватить сумку с деньгами и пропихнуть через лаз под забором. «Этих денег хватит

на машину?» – пнул я расстегнутое хранилище бумажек и мелочи.

Через неделю за оградой лихо притормозила красная потрепанная машина с черными заплатами на кузове, с разными дисками и на глаз видимой овальностью колес, из которой вальяжно выбрался Толик, поправляя черные очки с модной, неотклеенной этикеткой. Потом мне рассказали, что увидевший его через окно учитель всплакнул, признавая, что всегда думал о Толике только хорошее и знал, что тот выбьется в люди. Ну а мы начали работу, обменивая мороженое на вкуснейшее деревенское молоко, сливки, копейки и всякую ерунду, которая казалась Толику ценной.

Успешный опыт с Толиком подсказал, что друзей все-таки можно найти, а загруженность в мороженом и столярном деле и вовсе заставила искать себе помощников. Только вот как найти надежных и порядочных? Обратился к учительнице по окружающему миру, вместе с просьбой подарив ей ее портрет (рисовал мой цех по производству новых, красивых денег – старые начали подделывать). Учительница впечатлилась и провела всеобщий психологический тест, по результатам которого я подружился с Олегом, Вадиком и Семеном. Все – верные, умные, смелые и сильные. А Олег еще и красиво рисует – и с ним было сложнее всего. Дело в том, что у меня уже были те, кто умел хорошо рисовать, но некому было заниматься ведением бумаг, подсчетом денег и прочим, что я считал не важным, но очень быстро сменил мнение, когда дорвался до бухгалтерии интерната, чтобы уменьшить число кухонного инвентаря на одну единицу – уж больно мне понравился комбайн полного цикла. И... мою правку никто не заметил, словно и не было комбайна никогда. Невероятная сила бумаг настолько поразила, что я понял необходимость в специально обученном человеке – чтобы считать и не потерять свое. А вот Олег хотел стать художником. Тогда я пришел к нему с пакетом мандаринов и толстым гроссбухом.

– Что это? – сглотнув слюну, спросил он меня, разрываясь взглядом между вкусами и непонятной книжицей.

– Произведение искусства. – Я распахнул гроссбух на последней странице и ткнул пальцем в строчку с красной пастой. – Вот, смотри.

– Что я должен тут увидеть? – не понимая, глянул он на меня круглыми глазами.

– Как? Разве ты не видишь сочные оранжевые плоды на холодном снегу? – удивился я, указывая ногтем на цифру. – Не видишь, как преданы они забвению, забыты и портятся, заметаемые снегом?

– Макс, у тебя с головой все нормально?

– Два килограмма мандаринов, – сменил я голос на будничным

и указал взглядом на пакет, – были выброшены согласно этой записи.

– Но они же не выброшены?

– В этом и прелесть настоящего изобразительного искусства, – перенес я книгу на его колени, – оно показывает мир, как видит его художник. В этом его сила.

– Но это ведь совсем не то!

– Неужели? Вот оно – изображение реальности. Вот подпись творца в самом углу. Вот дата создания картины.

– Но это ведь цифры!

– Абстракция – не искусство?

– Но за это ведь могут судить...

– Разве истинные художники боялись гонений? – подмигнул я. – А вообще, я верю в тебя. Я верю, что на страницах твоих произведений будут терпеть крушения корабли и возникать из ниоткуда заводы, им будут аплодировать инспектора и проверяющие, веря в созданные тобой шедевры. А еще – за них станут платить миллионы. Разве не к этому ты стремишься?

Как вы поняли, я не собирался ограничиваться мороженым. Но главное в той истории – Олег согласился стать моим бухгалтером и с энтузиазмом зарылся в цифры, забросив гуашь и альбом.

Все вместе мы продолжили работу, продолжая создавать новые дни – хорошие для себя и по-прежнему платные для остальных. Мороженое теперь, с новым оборудованием, было не отличить от магазинного, так что несколько коробов продавались через сельский магазин. Одна проблема окончательно решилась.

Зато я придумал себе новую – я решил создать для своих друзей новое будущее, в хороших школах, как у Семена. И я знал, как и через кого это организовать – дядя Коля обещал появляться раз в год. Осталось просто подождать.

Однако же вместо дяди Коли через некоторое время интернат навестил сам Семен, обрадовав уже подзабывших его учителей вестью об элитном лицее и пакетом, наполненным звоном бутылок. К его просьбе навестить старых товарищей из класса, разумеется, отнеслись с умилением. Классу досталась упаковка лимонада, килограмм конфет и неловкий разговор. Зато чуть позже мы смогли остаться наедине, в моей комнате.

– Это невозможно, – виновато ответил Семен, выслушав мою просьбу. – Поверь, я хочу тебе помочь, но для усыновления требуется достаток в семье и работа. А папа сидит на пособии, в городе мало работы для инвалида. Меня-то кое-как оформили.

- Значит, ему нужны деньги? – уточнил я.
- Работа с гарантированным доходом, – поправился он.
- Что я могу вам сказать... – поправил я бессменную бабочку. –

Он принят.

- А? – не понимая, распахнул он глаза.

И открыл еще больше, когда из-под дивана показалась накопленная выручка. В двух сумках. Да, я знаю, что там была одна только мелочь и монеты, но впечатление это производило положительное – еще на Толике проверил.

- О-откуда? – выдохнул он.

– Работаем потихоньку, – скромно отозвался я. – В общем, обеспеченный доход у вас есть.

- Эмм, здорово, но нужна официальная работа...

– Ну так пусть оформит себе фирму, я знаю, у взрослых так можно, – пожал я плечами. – Завтра пришлю к вам машину, чтобы быстро все сделать.

- У тебя и машина есть?!

Вскоре в городе появилась компания «Макс-Им», с очень уважаемым учредителем-ветераном, несмотря на увечность взявшим на себя груз по воспитанию сироты и претендующим на усыновление еще трех – их он заберет через две недели, после завершения учебного года. Все документы уже на руках у нового папы, решение, как я и думал, положительное.

Что любопытно, дядя Коля в те дни даже удивляться не стал – разве что глянул на подпольный цех, приказал всем носить чистые халаты и несколько раз мыть руки – и тут же принялся звонить друзьям и организовывать сбыт. Молоко мы продолжили брать в деревнях, но платили уже родителям детей – совсем чуточку дороже, зато его было куда больше и всегда вовремя. Так что теперь мы почти не продаем мороженое в интернате – все идет на внешний рынок.

Для местных у меня остались показы кинофильмов и мультиков – создание развлечений оказалось почти бесплатным, но продавались они очень хорошо и дорого. За фильмы и мультики я тоже должен благодарить Семена – когда мы договаривались о связи, я вытряхнул на покрывало запылившийся и не включающийся телефон, с давным-давно (когда я еще болел) закончившейся зарядкой. Семен вернул его заряженным, с новым номером и зарядником, заодно открыв мне чудо интернета. Там было все! Рецепты нового мороженого, погода и даже «Ну, погоди!». Так что скоро у меня появился ноутбук, а у ребят в интернате – тайные и очень дорогие сеансы, на которых можно было посмотреть очень и очень интересные

вещи. А если заплатить и вовсе дикую сумму – то даже поиграть.

Были и проблемы, как без них. Вроде того случая, когда Петька обожрался мороженым и загремел в больницу с воспалением легких. Весь бизнес тогда оказался под угрозой – развлечение малышей, как считали взрослые, оказалось вовсе не развлечением, а предприятием с солидным оборотом. Пока взрослые не приняли неверное решение и все не испортили, я сам сделал первый шаг – пришел к директрисе и подарил ей то, что она любит больше всего на свете. Старательно выглаженная пачка денег, перевязанная розовым бантиком, заняла свое место на самом краешке стола. А я просто тихо вышел, прикрыв за собой дверь, напоследок пообещав такую же каждый месяц. Больше нас никто и никогда не беспокоил... И когда Петька, дурак, полез жаловаться на выставленный мною счет за воровство, с лестницы его спустил совсем не я.

Но все должно иметь свое начало и свой конец. Я прекрасно это помнил, зная, какую судьбу мне уготовила директриса. Так что всегда держал в уме, что придет день... И этот день я потихоньку для себя создавал.

Глава 17

Искатели и сокровище

Был поздний вечер, когда крышу почти неслышно царапнули коготки моего самого верного друга. За эти годы Машк уже свyksя с моей привычкой забираться на высоту и даже одобрял ее, каждый раз усаживаясь рядом и подолгу рассматривая мир вместе со мной – от внутреннего двора, с его суемой, до самого горизонта.

Кот изменился за последние три года – стал роскошней, грациозней и где-то неторопливей. Даже на крышу он забирался изящно и без суеты, подобрав себе удобную тропку меж креплений водосточных труб и декоративных бортиков. Его шерстка лоснилась от сытости и ухоженности, пушистым хвостом можно было обернуться не хуже шарфа, но внутри все еще жил вечно голодный котяра. И раз он появился вечером, то наверняка уже девятый час – то самое время, когда любой приличный кот должен быть накормлен и уложен спать.

Машк потерялся о ногу, провел кончиком хвоста по подбородку и удобно разместился на коленках, разглядывая зубастый силуэт далеких деревенских строений в заходящем солнце. Сразу же потеплело, и все громадьe планов вновь выстроилось в понятную, очень даже несложную цепочку.

– Спасибо, мохнатый, – погладил я его между ушами.

Под руками тут же благодарно замурчало, наполняя уютом прохладную ночь. Последнюю ночь в этом месте.

– Можно идти, – Вадик появился с привычной за три года бесшумностью, – всех разогнали по кроватям.

– Много было?

– С десятков. По пять от Сиплого и Моряка.

– Пф-ф, – пренебрежительно фыркнул, осторожно перемещая разомлевшего кота с коленей на руки.

Я не настолько хорош в драке, чтобы честно драться одному против десятерых. Но и честной такую драку никак не назовешь, потому я немного хитрю, кутаясь силой от чужих ударов, изредка обжигая запыхавшегося соперника ударами. Обычно хватает пары минут, чтобы самые умные разбежались, а глупые решили, что их предали. Так что десять – пустяк.

– Я видел шило и половинки ножниц у них руках, – сухо добавил

Вадик.

– Отлично: значит, пойдут до конца, – кивнул в ответ, протискиваясь в чердачный лаз. – Подожди им дверь, чтобы не мешались ночью.

– Возле двери всю ночь будет дежурить нянечка. За сотню обещала не сомкнуть глаз, – скромно, но явно ожидая одобрения, произнес он.

За что и получил похлопывания по плечу вместе с уверениями в его сообразительности. Хотя цена, конечно, великовата, но и ночь должна пройти без лишних глаз и ушей.

За пару шагов до своей комнаты я пересадил Машка на руки другу, поправил одежду, настраиваясь на деловой лад, и с сияющей улыбкой и огромным оптимизмом в глазах шагнул внутрь. С некоторых пор я вновь жил не один – интернату все-таки нужен был сторож. Ну а мне – еще один источник дохода.

– Как наши дела? – обратился я к мужчине, торопливо присевшему на кровать.

– Отлично, – преувеличенно бодро ответили мне. – Я чувствую прогресс!

– Мистер Заяц может быть вами доволен? – указал я глазами на игрушку, бдительно рассматривающую комнату из-за угла всегда открытыми черными глазами.

– Абсолютно! – истово закивал он. – Мистер Заяц может мной гордиться! Я готов вступить в общество новым, полноценным, здоровым человеком!

– Давайте посмотрим на браслет, – предложил я вместе с вежливым жестом и с удовольствием отметил полную полоску заряда на военном образце браслета-маяка.

Хорошая штука – бьет током, когда цель удаляется от места привязки или пытается его снять. На меня, понятное дело, не действует, но уже помогла вылечить четырех сложных пациентов.

– Вы молодец, мистер Сидоров! – вдохновляюще похлопал я его по ладони. – Я и мистер Заяц гордимся вами!

– Вы хотите сказать... я... вылечился? – не веря, но с искренней надеждой произнес он, даже всплакнув от радости.

– Смею полагать – да, мистер Сидоров. Сегодня вы сможете вернуться домой, в семью.

– Спасибо, господин! Спасибо, господин Заяц! – сполз он с кровати, пытаясь поймать мою руку, чтобы поцеловать.

– Не стоит, это ведь наша работа. Будьте мужчиной, мистер Сидоров, возьмите себя в руки.

Все-таки вид рыдающего здорового мужика – совсем дикое зрелище. Особенно если вспомнить, как он хорохорился, когда его силой устроили сюда уставшие от запоев родственники.

– Но не забывайте, мистер Сидоров, – строгим голосом одернул я его, – хоть одна капля – и мистер Заяц придет за вами.

– Никогда! Ни за что! – сотряс помещение искренний крик.

– Тише-тише, не надо беспокоиться. Вставайте и собирайтесь, я вызову вам такси.

Когда за оградой предупредительно библикнули, а мужчина уже стоял готовый сорваться в город, пришла пора прощального жеста.

– Разрешите вашу руку, мистер Сидоров.

Находясь в некой рассеянности, он бездумно дал мне ладонь, позабыв, что обычно происходит в таких случаях.

– Небольшое напоминание, – сухо улыбнулся я и потянул браслет с тела.

– Нет, не надо! – успел он произнести за секунду до того, как тело свело судорогой от удара браслета, а из уголка рта запенилась слюна.

– Все-все, – успокаивающе потрепал я его за плечо, помог приподняться и довел, подпирая, до двери такси.

– Скоро очнется, скажет адрес. Довезешь в целости, твой номер я запомнил, – сунул я водителю полсотни в окошко.

– Сделаем, шеф, – дежурно отозвался таксист, равнодушно глядя, как я усаживаю пассажира на заднее сиденье и цепляю ремнем безопасности.

– Удачи, – хлопнул я по крыше машины, тут же отъехавшей в сторону города.

Еще одно дело завершено.

Стоило исчезнуть из виду машине, а вместе с ней и звуку мотора, как сразу стал слышен неприятный звук браслета, недовольного отсутствием жертвы и удалением от территории. Пришлось цеплять его на руку и быстрым шагом возвращаться в комнату – чтобы без лишних взглядов намотать на мизинчик пару десятков витков медной проволоки, коснуться подушечкой пальца нестандартного разъема под батареей и подать к коже немного своей силы. Полчаса – и индикатор вновь засветился зеленым. Утром нянечка убедится, что никто не предпринимал попыток снятия браслета и уж тем более не думал сбегать.

Первого клиента на «излечение» привел ко мне дядя Сергей – что-то у него не сложилось со страхованием, вот он и решил заработать на «комнате с домовым», устроив сторожем слегка помятого мужчину. Дядя Андрей выглядел совсем незлым, где-то даже похожим на учителя седыми

волосами и сеткой морщинок возле умных глаз. Неплохой в общем-то человек – строил дома, но по работе был вынужден частенько выпивать. А потом и вне работы стал закладывать, да так, что это стало серьезной проблемой для семьи и дела. Я к нему с расспросами не лез – он сам все рассказал, смущенно выкладывая два кусочка сахара на блюдце и ставя его в угол комнаты. Потом разговорились, конечно, а там и до цены дошло.

Узнав, сколько стоит «визит к домовому», я прозрачно намекнул дяде Сергею при следующем визите, что домовый теперь принимает только сотенные купюры, а сахар он может оставить себе. Дядя Сергей изобразил непонимание. Домовой за неделю не пришел ни разу.

Кажется, дядю Сергея сильно побили и заставили вернуть все средства, да еще накинув за мошенничество – во всяком случае, именно это дядя Андрей кричал в трубку своим помощникам. Чувствовал он себя очень неважно. В общем, его я больше не видел.

Второго клиента «к домовому» устроил уже самостоятельно, через интернет. Вышло не сильно хорошо, мне даже пару раз попало «за домового», да еще пациент умудрился уворовать духи у нянечки и все их выпить. Бесплотный дух оказался невеликим препятствием для этого – меня ведь рядом не было. Да еще «больной» не собирался выполнять обязанности сторожа – во всяком случае, первую неделю. Потом вера в домового окрепла достаточно. Но я все равно был недоволен. Тогда вместо домового и появился Мистер Заяц.

Отнятую игрушку я нашел на заднем дворе здания, разорванной и смятой. Я не знаю, зачем так надо было поступать с моим другом, которой никому никогда не сделал ничего плохого. Я забрал все кусочки и аккуратно все сшил обратно – как умел. А умел я плохо, поэтому вместо некогда красивого и умного зайца теперь было чудовище с грубыми швами и истершейся краской на глазу. Вместо изящного пиджачка – нескладный кусок ткани, криво подсевший после стирки и глажки, с небольшими пятнышками там, куда попали мои слезы. Выстирывать их я не стал, испугавшись, что испорчу все еще сильнее.

Первый клиент страшно испугался зайца, посчитав его домовым. Второго клиента я разубеждать уже не стал. Так и появился в углу комнаты никогда не спящий монстр, которого все боялись за внешний вид, не зная, что на самом деле нет существа добрее его. Он ведь продолжал петь ту песенку даже после всего, что с ним сделали.

Третий пациент попытался сбежать, но застрял в щели под забором – я нашел его по истошному крику о помощи. Так-то он мог бы и пролезть, но нарушителем заинтересовалась Лайка, воспринявшая рывки и дрыганье

ногами за приглашение поиграть.

Зато с четвертым клиентом все уже было доведено до идеала. Мне платили деньги, отдавали зарплату сторожа, сразу же писали заявление на увольнение с открытой датой (клиент номер два очень хотел остаться, еле выставил), а руку пациента сразу же украшал мой браслет. Еще раз вытаскивать чье-то тело из-под забора не было никакого желания. Собственный сторож оказался невероятно удобен, когда потребовалось переправлять во внешний мир целые коробки и ящики с продукцией. Вся ночь, до самого утра, была полностью под моим контролем.

И сегодняшняя ночь также пройдет без тревожного окрика. Мы не собирались ничего воровать – во всяком случае, не брали больше того, что я или Олег уже вычеркнули из одного grossбуха и переписали в наш личный. Просто производство переезжало – не целиком, но самые дорогие его части, самые ценные механизмы и станки, без которых на новом месте не обойтись. Персонал доберем позже – список хороших и трудолюбивых ребят подготовлен. Так что после интерната они получат предложение гораздо лучше, чем картонная фабрика.

Ближе к трем часам ночи, уставшие, но довольные, мы загрузили Толика последним узлом комбайна, отправив его новую «Газельку» в завершающий рейс. Там, на другом конце маршрута, тоже не спят. Но им легче, надо только руководить – наемной бригаде грузчиков в общем-то все равно, что за детали, если не тянется за ними криминала. А наши железки точно искать не будут.

Остался самый последний шаг – тяжелый, сложный, но необходимый. Мне было сложно на него идти, я каждый раз вычеркивал и пытался его смягчить, но три месяца назад уверился, что иначе нельзя. И сейчас, глядя на шрам через все лицо Олега, к счастью чудом не задевшего глаз, глядя на его перебитый нос и хромоту, не собираюсь ничего менять.

Мы завершили в половине пятого утра. С усталым хеканьем устроились за оградой интерната, взяв в свою компанию ящик собственного пломбира. Самое вкусное мороженое в городе делали для себя. Только на наклейке отчего-то написано «Произведено ООО «Холод-К», г. Петербург», а вовсе не наши имена. Зато надпись: «Покупая мороженое – вы помогаете детям!» – абсолютная правда. Так и сидели, встречая рассвет, – для разговоров слишком устали.

Вскоре позади вежливо остановилась машина, не мешая нашему отдыху звуком клаксона или мерцанием фар. Я полуобернулся, махнул рукой Семену, сидевшему за рулем старенькой, но очень просторной «Волги», ценной тем, что задняя дверь откатывалась в сторону, а кресло

пассажира поворачивалось, позволяя дяде Коле не мучиться, выбираясь наружу. Хитрая там конструкция, но довольно компактная – даже Толику нашлось место, чтобы подремать.

Вадик, Олег, Толик, целых два Семена – какой же я все-таки богатый! А еще дядя Коля, Машк, Мистер Заяц, Лайка, с энтузиазмом прибежавшая на бесплатный пломбир. На полянке стало тесновато, но и по той же причине – гораздо уютнее.

– Скоро? – поинтересовался тот Семен, который учил меня физике.

– Корпус уже превратился в пекло, – прикинул я, ощущая, как припекает солнышко, – и всех в приказном порядке выведут во двор.

Словно под мою диктовку, двери интерната отворились, выпуская шумную детскую лавину. Нас они не видят – место такое, чуть на взгорке, да еще кустами заросло.

– Что дальше? – поинтересовался низкий бас дяди Коли.

Дядя Коля ничего не знал про мои планы, кроме того, что я придумал, как мне исчезнуть, не оставив следов.

– А дальше наши друзья воспользуются моментом и пойдут штурмовать сейф, – буднично ответил я.

– И мы ничего не станем делать? – дернулся Толик.

– Абсолютно.

– Но там же тысячи импов!

– Солидная сумма, – кивнул в ответ, – поэтому на дело пойдут и люди Сиплого, и люди Моряка. Даже более того, те сами возглавят это дело.

– Я не понимаю, как ты можешь так спокойно стоять и смотреть? – вцепился мой друг пальцами в волосы.

Он тоже не знал о моем плане.

– Максим, – тронул меня за плечо Семен-физик, – я знаю, на что ты рассчитываешь... Но они не станут драться за деньги. Там слишком много.

– Наш сейф... – ответил я через пару минут, мысленно прикинув время, – находится в будке газового котла. Хорошее место, с отдельным входом в интернат и надежным замком. Не настолько надежным, впрочем, чтобы жадная до чужого толпа не смогла выбить дверь. И вот они стоят почти возле цели, в месте, где никогда раньше не были, но знают о нем множество слухов...

– Максим? – внезапно с тревогой окликнул дядя Коля.

– ...но знают, что надо повернуть какой-то вентиль, чтобы сейф открылся.

– М-мать твою, что происходит?! Максим?!

– По слухам, этот вентиль подло назван «Не открывать! Огнеопасно!».

– Максим!

– Но беда в том, что он уже открыт, и уже как два часа через шланг газ поступает в пустую бетонную полость под будкой, легонько просачиваясь наружу...

– Надо немедленно всех предупредить! – дернулся дядя Коля.

– Обязательно предупредят, – подтвердил я. – Сейчас Павлик подходит к нашей любимой нянечке и показывает, куда ушел ее любимый воспитанник в компании злых ребят. И она тут же помчится спасать своего дорогого мальчика...

– Бегите! – рявкнул дядя Коля, но в гвалте кто услышит далекий и чужой голос? – Где телефон, дайте мне телефон! Максим, как ты мог... – Он суетливо достал одной рукой сотовый из кармана, но трубка вырвалась из дрожащих рук и выпала на траву.

– Проблема не в том, что тайник не откроется даже после всех их усилий, – продолжал я, – а в том, что там очень темно для поисков, лампочка выбита... Зато есть забытые кем-то спички. Добротные, длинные, охотничьи спички...

В небо резко рванул столб огня, по ушам будто ударило – как в драке, двумя ладонями, а из здания интерната брызнули слезами осколки стекол. Зачадило в небесах, пахнуло гарью вместе с порывом воздуха, а меня будто снесло на спину. Надо мной возвышался дядя Коля, неуклюже прижимая непослушным телом и вбивая кулак в поднятую защиту.

– Сволочь, ты же их убил! Ты их всех убил!

Через пару минут он сполз вбок и уставился на траву бессмысленным взглядом.

– Вчера они приходили ко мне с заточками, – присел я рядом, принявшись перечислять. – Ну, знаете, такими, как точат на зоне. Я не знаю, где это, но там подолгу живет брат Сиплого, изредка появляясь в городе. До этого они изуродовали моего друга. Они хотели его телефон, понимаете? Но Олег его разбил, чтобы не отдавать. Скоро они выйдут на улицы города, не умея ничего, кроме драки. Они привыкли забирать силой, займутся этим и потом. Так важно ли, именем какого императора огласят смертный приговор?

– Ты давал мне слово, что не сожжешь здание...

– Это сделала чужая жадность, – покачал я головой и встал на ноги, к терпеливо ждущим друзьям и чуть ошарашенным Толику и Семену. – Кстати, сегодня я тоже умер. Там, возле котла, остались мои ботинки, мой браслет и несколько приметных вещей. Олег, Сема и Вадим подтвердят, что видели, как я туда шел.

– Столько ребят оставил без крыши над головой...

– Сейчас лето, здание застраховано. Через пять-десять минут приедут сантехники, устранять проблему с водопроводом. Они вызовут пожарных. Думаю, уже вызвали – дым поднялся достаточно высоко. Смерть детей автоматически отстраняет директора от руководства школой, полиция тут будет раньше, чем она. Здание оцепят, документы изымут. Думаю, в сейф тоже заглянут.

– Ты ведь спланировал это заранее... И ничего мне не сказал... – прошептал дядька.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – пожал я плечами. – Вы выполнили мою просьбу? – сменил я тему, отворачиваясь от зрелища чадающей постройки.

– Я... я нашел подходящего человека. Это дорого, но специалист хороший.

– Другую просьбу.

– Красные бабочки? Семен, принеси.

Через минуту я аккуратно надевал каждому из своих друзей алые лепестки ткани, застегивая удобной резинкой на воротнике рубашек.

– Мистера Зайца береги, – наставлял я Олега, отдавая игрушку очень серьезному парню в руки.

Он не побоится внешности, зная, что главное – внутри.

– Дядя Коля, Лайку пристроите?

– Сторож пригодится, – без настроения отозвался дядька.

– Отлично. – Я поднял Машка на руки и передал Семену-старшему. – Храни, но сильно не балуй. Он боевой.

– Крыс будет давить, – поддержал Толик.

Я подошел к нему и аккуратно поправил воротник, пряча выбившуюся резинку.

– Крыс я задавлю сам, – мягко произнес, глядя ему в глаза, – когда вернусь.

Глава 18

Мир другими глазами

Тяжелые портьеры обращали яркий свет в вечные угрюмые сумерки, подсвеченные желтым светом настенных плафонов. Хозяин не любил открывать окна с этой стороны дома. Впрочем, то же относилось и к северной части небольшого особняка в центре Архангельска – там также вечно царил полумрак, скрывая от единственного жителя вид на то, что некогда принадлежало ему и его роду.

Потому как нестерпимо больно каждый день вглядываться в величественные силуэты заводов и верфей, предприятий и гостиниц, осознавая, что все это еще тремя десятилетиями ранее было украшено флагами его семьи, построено вереницей предков, от каменных фундаментов до горделивых шпилей и... утрачено в один миг. Еще более осознавать, что за окном лишь кроха того, что забрал себе победитель, оставив подачку, которой кое-как хватало на достойную его положения жизнь. Да и то приходилось экономить, особенно в последние годы.

Экономить на всем, что можно скрыть от чужого взгляда, разумеется, ибо никто и никогда не должен видеть, что род Наумовых обнищал до крайности.

Не важно, что половина дома не отапливается зимой, а на два этажа приходится один слуга – он же повар. Не важно, что подпол покрылся плесенью, а в винном погребе свило гнездо крысиное семейство, похаживающее в гости в соседние дома, ибо в этом жрать было нечего. Не важно даже то, что дом был перезаложен дважды: второй раз – чтобы платить по первому займу.

Перед домом обязательно должен стоять роскошный автомобиль, хозяин обязательно появится на всех значимых раутах, каждый раз одетый в новый костюм. Все должны видеть – у Наумовых все отлично. Иначе молодую поросль, надежду рода, попросту сожрут сверстники. А так – покуда их дед за ручку здоровается с дедами сверстников, – побоятся. Пройдут годы, внуки станут сильнее, получают в жены одаренных невест, сосватанных стариком (не самых родовитых, но он старался), и могущество рода обязательно восстановится. Увы, не до тех границ, что тридцать лет назад, но уровня сытой жизни и благополучия вполне достаточно. Есть для чего жить и действовать, пересиливая старческие болячки.

Казалось бы, отличный план – гармоничный и преисполненный самопожертвования. В нем не слышны мотивы мести и ненависти к победителям, только забота о будущем и надежда на лучшее. Так оно и должно смотреться со стороны – старик прекрасно знал, что за каждым его шагом следят победители. Не так внимательно, разумеется, как в первые годы после провальной однодневной войны, когда он, почти потеряв рассудок от гнева, чуть не сжег себя посмертным волшебством – вместе с теми, кто пришел согласовывать репарационный список.

Удержал его от самоубийства сочувственный – искренне – взгляд того, кто пришел принимать сепаратный мир. Смуглый парень – моложе его – с легким акцентом попросил подумать о детях – их враг не тронул. Ему признались, что живы они из благородства, в память о предках и их добрых свершениях, но без старшего родственника род все равно погаснет – детей растащат по другим семьям, воспитают по-своему и станут использовать фамилию и все ее привилегии для собственных нужд, а не во славу последних носителей благородной крови. Так что ему есть для чего жить. А вот умирать совершенно незачем – посмертное, как оказалось, никак не в силах повредить его собеседнику – сочувствующему монстру, убившему всю его семью.

Глава рода Наумовых сумел сдержать себя в руках. А после некой паузы даже выторговал из того списка пару-тройку предприятий для рода, не самых значимых и прибыльных, но тогда эта победа казалась очень важной в черной полосе разгрома и отчаяния.

Тридцать лет назад никто не предполагал, чем обернется очередной эпизод в общем-то стандартной практики рода. Наумовы продавали надежды – почти такие же, как у бедняка, покупающего лотерейный билет. Только клиентами был крупный бизнес, чаще всего молодой, перспективный, амбициозный, не принимающий правил и старой традиции покровительства. Сильные, пробивные руководители отчего-то думали, что прошли те времена, когда простолюдин обязан был склонить спину перед господином, и их деньги и огромные успехи укрепляли глупцов в этом заблуждении. Разумеется, никто их не грабил. Зачем ссориться с имперской аристократией, гарантирующей свободу бизнеса, и бросать тень на честь рода, выставляя себя пошлыми разбойниками? Ни в коем случае!

Просто в один прекрасный день в офисе директора крупного предприятия раздавался звонок, который немедленно переводили на руководителя. Негоже игнорировать представителей очень богатого рода! Правда, говорил с директором не носитель уважаемой фамилии,

а доверенное лицо – не вести же главе рода переговоры лично... Зато предложение, пусть и переданное устами слуги, да еще словно великая милость, потрясало размахом! Суммы, витавшие в воздухе, заставляли судорожно хвататься за край стола даже бывалых дельцов – дабы увериться, что все это реальность, что сбылись мечты и уважаемый род сам пришел к ним! Не они обивали пороги и просили крохи с барского стола, а наоборот – их пригласили занять место рядом, посчитав равными! И дело-то совсем плевое – взять то, на что просто никто не обращает внимания. Такое случается даже в двадцать первом веке.

Будут ходить кругами юристы, будут встречи и консультации, но ощущение сбывшегося чуда никуда не пропадет. Потому что надо быть аристократом, чтобы видеть дальше цифр, больше, чем безликие пиктограммы на карте.

Окрыленный надеждой, богатый простолюдин сделает свой ход, с присущей ему решительностью влетев шеей прямо в раскрытую ладонь аристократа – того самого, из-за которого в двадцать первом веке никто не обращает внимания на богатейшие залежи под живописной долиной, меж двух невеликих гор... Какой идиот решит копать там, где похоронены поколения предков рода Горчаковых? Нет таблички, нет описания в учебниках? Так разумение надо иметь – князей хоронят в родовом доспехе, с изукрашенным самоцветами оружием и перстнями. Кто же укажет такое место?

И вот уже богатый простолюдин бежит к своим друзьям в панике и диком страхе – ему уже доложили, что в справедливой ярости сделали с теми, кто тронул ковшом и буром священную землю предков. Он грозит и требует, трясет бумагами и перепиской, но не находит ни малейшего понимания в ответ. Наумовы в его глупости не виноваты. Род Наумовых не заключал с ним ни одного договора. Но, так уж и быть, Наумовы помогут ему решить его очень крупную проблему и даже остаться в живых – за половину всего, что у этого простолюдина есть. И он согласится, можете не сомневаться.

Наумовы проведут переговоры, решая конфликт с отточенным за столетия изяществом. Будут приведены доводы, выслушано искреннее покаяние, распито коллекционное вино и высказаны пространные рассуждения о современном поколении. В итоге все обязательно уладится. Разумеется, кое-что придется отдать – из той части, что еще осталась у теперь уже не очень богатого простолюдина.

А затем все, что взяли себе Наумовы, они вернут обратно, благородно и добросердечно. Разумеется, с одним крошечным условием – теперь это

предприятие будет под их рукой. Но разве это так важно в поистине царском предложении, потрясающем невероятной щедростью? Тем более что подарок обязательно дополнят новыми перспективами сотрудничества, на этот раз – без малейшего подвоха. Окрыленный новой надеждой, новый слуга рода понесется восстанавливать утраченное, еще слабо осознавая, что теперь он работает не на себя, а на господина. Таким образом, восстановится должный порядок мироустройства, к вящему удовлетворению всех сторон.

Наумовы никогда не занимались подлогом – земли были действительно чужими, под ними действительно спали чужие предки, и конфликт определенно мог завершиться смертью делового партнера, решившего жить по законам, а не по традициям. В этом странном коктейле из надежд и разочарований уважаемый род умудрялся не совершать ни единой подлости – под собственным именем. Так что были не только безымянные долины с платиной под ней – те же Горчаковы сильно изумились бы, обнаружив двух идиотов, не желающих жить, за короткий срок. Всякое есть на карте – на земле и на море, что трогать нельзя, даже если место заявлено ничейным. За тысячелетия войн, перемирий скопилось столько «болезненных» точек на необъятных просторах империи, что хватит на долгие поколения Наумовых. Должно было хватить.

Тридцать лет назад слуги рода набрали очередной номер телефона. Новый «партнер», к которому обратились представители уважаемого семейства, выглядел весьма перспективно. Подумать только, за какие-то двадцать лет создать целый торговый флот, успешно действующий по всему миру! Благодаря размаху и отточенной логистике предприятие вовсе не нуждалось в помощи аристократии – так сложилось, что во всех странах некоторые грузы весьма желательно было перевозить на нейтральных судах, а не под чьим-то гербом. Компания успешно заняла свою нишу и процветала, расширяясь на невиданные десять процентов ежегодно – как же такое пропустить! Особенно роду, столетия привязанному к морскому побережью, с половиной Архангельска в личной собственности.

На этот раз богатым простолюдинам предложили удобный маршрут навигации, скинув карту течений и морского дна, совсем не совпадающую с той, что выдавали традиционные морские атласы. Выходило, что срок доставки по популярному трансатлантическому направлению можно было сократить на сутки, получив весомое конкурентное преимущество и экономию на топливе. «Партнеры» весьма впечатлились, но верить отказывались. Ведь так не бывает в двадцать первом веке, верно? Висят

над планетой спутники, летают над волнами самолеты, ходят по морям тысячи кораблей – как же можно не увидеть пролив там, где обещают островную гряду и рифы?

Для того, чтобы надежда запылала ярким светом, понадобилось полгода – моряки люди неспешные, основательные. Но и в самом деле выходило, что уважаемый род абсолютно прав!

Конвой кораблей первого пробного рейса сожгли в пепел, стоило первому борту четко обозначить маневр на пролив. Сложно восстановить, какие силы были приведены в действие, что или кто пустил ко дну четыре морских борта. Ни свидетелей, ни передач по спутниковой линии – просто маяки, установленные на каждом корабле, перестали передавать сигнал. Поисковая бригада легко нашла чадящее нефтяное пятно на воде – такое попробуй не заметишь.

Тут бы главе рода с умным видом поведать о причинах морской трагедии, но он и сам не знал, какие интересы очень богатого княжеского рода заставили подделывать карты и не допускать пролета чужих спутников над этой частью мира. Для него это была просто очередная точка, на которую когда-то показал его дед, сопроводив фразой «нельзя». Да и какая разница? Философские размышления в тот день тонули в суете юристов, адвокатов и иных специалистов, подготавливающих скорый визит растерянного, но пока еще богатого простолюдина. Не то чтобы уже сообщили, что он выезжает, пылая надеждой, как и все его предшественники, но часом раньше, часом позже – какая разница?

Вскоре в город действительно прибыла делегация из трех человек, на барже, груженной углем. Только они не хотели разговаривать.

В воздух взвилась серая пыль, закрывая порт и кварталы возле него темным облаком, под растерянными взглядами горожан тут же разделившимся на рукава-вихри, растянувшиеся по всему городу. И грянул гром – непрекращающийся, заставляющий прятать глаза от ярко-синих вспышек, закрывать уши от страшного грохота.

Первобытный страх ломал волю, прижимая взгляд к полу – потому что в небесах творилось нечто невероятное. Плясали по темно-стальным вихрям электрические всполохи, со злым рокотом вонзаясь в не видимые из резиденции цели, куда бил враг, – север города, гвардия и арсенал; северо-восток, электростанция; юг, телевизионная вышка и связь. Сердце ныло, не замечая ответных всполохов огня защитников, не слыша ответного гула родовой артиллерии в диком реве стихийного бедствия. «Лишь бы остались живы...» – шептал разум, пока глава рода железной рукой организовывал оборону там, где находился сам. Наумовы – сильны

союзниками, и достаточно продержаться, пока подоспеет подмога. Через мгновение выяснилось, что никто не поможет. Попросту – не узнает о чужой беде.

Не работали телефоны, мерцала пустыми экранами техника, не желая работать, а в трубке старого проводного телефона шумело марево атмосферных помех. И даже просто крики о помощи сходящих с ума слуг глохли в реве бури. Род остался один – будто в диком лесу, будто не существовало ничего вокруг: ни компьютеров, ни сотовых телефонов, не висели над планетой спутники, не было сотен лет прогресса и достижений.

– Что нам делать? – в панике орали финансисты и экономисты.

– Это незаконно! – трясли бумагами аудиторы и адвокаты.

За окном было не их тысячелетие. Там, за бронированными стеклами, пока еще не изобрели слово «закон». На дворе царила доисторическая эпоха, и на пещерного человека шла стихия, необоримая, безжалостная, крыльями пепла закрывая все вокруг. Значит, пришло время действовать соответственно времени.

В ненастье древние люди молили богов о снисхождении, принося в жертву скот. Эти боги потребуют предприятий и золота – и Наумов был готов платить.

Его люди залезли на крышу здания, размахивая белоснежным полотном простыни в отчаянной надежде быть замеченными. Ткань серела от пыли, обугливалась от пепла и чуть не загорелась вовсе, пока кто-то не догадался обдать ее водой. Их заметили – не сразу. Возможно, демонстративно не желая замечать, на их глазах предавая огню и забвению все вокруг. Тогда глава рода самолично взял грязную тряпку и криком отчаяния пытался перекрыть разошедшуюся бурю чужого гнева.

Заложило тишиной уши, будто переключили гигантский выключатель, прекратилась канонада грома, разошлись серые облака, давая дорогу небу и солнцу. И только черные хлопья продолжали падать с небес. Включилась связь.

Потери потрясли воображение. Потрясали настолько, что глава рода долго не мог сделать шаг по крыше – осознание, что придется идти по пеплу, некогда бывшему его соратниками, друзьями, помощниками, вводило разум в ступор.

Ветер смиловался и смел черные хлопья в сторону, позволяя главе над сотнями ставших трупами спуститься внутрь дома. Те, кто должен был принять мир, уже стояли на пороге, вежливо стуча в парадную дверь – двое в элегантных костюмах и леди в вечернем платье, будто бы сошедшие

с обложки издания о столичном рауте и светских бездельниках.

Некстати пригодились все приготовления, устроенные этим днем, – символика, регалии, гербовые печати. Но в этот раз оттиск ставился под чужим документом, созданным не его родом, но с такой же превосходной пунктуальностью описывающим все, что придется отдать. Чтобы жить.

Стороны вежливо поклонились друг другу, принимая свои копии бумаг. Победители отбыли по своим делам, проигравшие остались тушить пожары и хоронить родных.

Примерно через полчаса друзья подсказали причину катастрофы, и последнему из старших Наумовых захотелось догнать врага, чтобы запустить посмертное вновь – забрать хотя бы соратников убийцы за собой. Но тех уже не было в городе.

Всего-то – древний род оскорбился, что его имя решили использовать в мутных делах.

Их даже никто не просил, не уговаривал, не отдавал свою судьбу в качестве платы!

«Разве так бывает?! – стучалось в висках. – Разве это стоит того?! – распирало грудь немим воплем. – Да они специально это подстроили! Специально, чтобы разрушить и забрать все!» – вопила в нем обида по разрушенной жизни, столь же сильная, как у мальчишки, на глазах которого по выстроенному им песочному замку прошла рота солдат.

И так же, как мальчишка, он ничего не сможет сделать обидчикам. В мире силы, как бы ни казалось это очевидным, все определяет сила. Ее у Наумовых и раньше не хватило бы тягаться с таким врагом, а сейчас – не хватит даже уйти красиво.

Мог ли он мстить? Нет. Отказался ли он от этой мысли? Никогда.

Годы идут за годами, прошлое тускнеет в воспоминаниях, старые конфликты забываются, враги перестают казаться опасными, и ресурсы перераспределяются на приоритетные цели. Никому из победителей уже десять лет нет дела до старика. И это – очень хорошо для тех стремлений и планов, что согревают душу нестерпимым огнем ненависти – не угаснувшей и ныне.

Наумову помог случай. Все-таки владения его рода были слишком велики, чтобы новые хозяева могли сменить всех, – по традиции просто перетасовали ключевой персонал, крупных начальников выставили с волчьим билетом. Но были и обычные работяги, еще не забывшие, кто их истинный господин, – род никогда не бросал слуг в беде, так что диспетчер, жену которого буквально вытащили с того света, всегда помнил, кому он

обязан своим счастьем.

Верного слугу заинтересовала в общем-то рутинная просьба начальника – не заметить взлет кланового борта. Думать: «Зачем?», «Почему?» – ему не полагалось, но почему бы не дать фантазии простор во время скучного дежурства? Вот только реальность оказалась интереснее фантазий – борт, во-первых, имел совсем иные взлетные характеристики, превышая установленную скорость подъема для своего класса. Во-вторых, борт не взял стандартный набор питания и воды. В-третьих, борт прибыл к концу дежурства, затребовав к трапу «скорую помощь». В-четвертых, диспетчера убили сразу после того, как он скинул свои размышления самому же себе, на собственный почтовый адрес. Причем убили его не из-за последнего факта – Наумов давненько почитывал монологи десятка верных слуг, имея все нужные пароли.

Глава павшего рода заинтересовался и потянул за другие ниточки, выведывая через верных людей слухи и новости из стана победителей. Где-то заказывали новые зеркала гигантских размеров – точь-в-точь такие, что украшали галерею главного дворца – взамен разбитых (а где еще заказывать сильному клану, как не на своих заводах?), где-то судачили о немилости господина к молодой супруге. Мелочи, пустяки, постепенно складывающиеся в неведомо что, вовсе не очевидное даже для монстра-интуита уровня главы рода. Разумеется, если у этого главы не было недостающего куска общей картины – солидного такого куска, знать о котором ему не полагалось. Но дед многое ему рассказывал.

Была в тех рассказах смешная и поучительная история про Веденеевых. Мол, пару сотен лет назад сильнейшая в роду предсказательница предрекла появление *видящей* невероятной силы, имя которой будет Софья. И целые поколения, ряд за рядом, принялись строгать детишек, обзывая каждую девочку, а иногда даже мальчиков, Софьями, пока род не превратился в невероятный гадюшник, утративший всякую честь и совесть. Ныне они обычные шарлатаны, раскидывающие карты Таро с гербовым узором на рубашке. Тьфу, позор.

Одну из официальных жен князя аккуратно звали Софья, что вовсе не делало ее сильной видящей, несмотря на девичью фамилию. Зато делало той, к которой можно охладеть после скандала – из-за слабости рода. За княжескими женами всегда стояла родня, превращавшая семейную ругань в политический конфликт, так что какие-то зеркала не могли стать причиной размолвки. А еще позже – тихого развода, – просто еще один верный слуга заметил, что у прекрасной госпожи нет кольца на безымянном пальце...

Сложно объяснить чистой логикой, что двигало его в размышлениях, заставляя дергать то одного, то другого верного человека, вести разговоры на раутах так, чтобы ему сами рассказали об интересующих его фактах. Например, что у князя есть совсем юная дочь – очень даже интересная информация, так как сведения о детях старые семьи старались не выпускать за порог дома. Вот только ни одна из роскошных, сиятельных официальных невест не пропускала светскую жизнь в последний год, украшая своим совершенством картинку телеканалов и глянцевого страницы. Интуиция тащила его через дебри неточных слухов и ломаных описаний к разгадке. Найденный через полгода усилий ответ вполне подходил по размеру к княжеским амбициям.

Его враги решили поиграть в воспитание видящей. Да еще так, чтобы никому даже мысль об этом не пришла – ведь стандартная практика предписывает разлучить будущую видящую с матерью, а молодая госпожа вовсе никуда не уезжала, пребывая ежедневно во дворце, словно напоказ. Но ведь совсем не обязательно использовать для этого мать... Вполне можно обойтись другим близким родственником, например, новорожденным братишкой или сестренкой. Это, разумеется, сложнее, чем с мамой, – взрослый человек, осознавая долг перед родом, сам скрывается и играет в грандиозные прятки с будущим пророком. Но ведь вполне реально, если все правильно организовать, верно? И никто не догадается искать носителя благородной крови, отданного в жертву потенциальному могуществу рода... Да и где его искать? Мир огромен! Мир, разумеется, огромен, а вот Верхний Новгород, куда направлялся княжеский борт в ту ночь, всего лишь полумиллионный городишко, в котором, если задаться целью, не так и сложно найти ребенка даже ему. Только действовать надо крайне осторожно! Чужая территория все-таки, да и про слезку забывать не стоит.

По некотором размышлении, поиски решено было отложить – пусть парень вырастет достаточно, чтобы его можно было опознать по фотографии отца. Пока же неспешно велась работа с директорами учебных заведений, деньгами и вежливым обхождением склоняя выполнить маленькую просьбу, когда придет время. Всего-то – сообщить. Но вышло даже лучше. Парень сам проявил родовую силу, спасаясь от избиения. Да еще очень удачно оказался в стенах интерната, жить в котором ему предстояло весь остаток своей жизни – до того момента, как организм войдет в идеальную форму.

Было бы так сладко натравить его на отца, взрастить его в ненависти к тем, кто предал его и забыл, к его роду, к его семье и клану... Или даже –

забрать его и женить на внучке, переложив месть собственному деду на правнуков. Но вдруг ведьма найдет брата? Так рисковать родом Наумов не мог.

И решил сделать тоньше, в традициях своей семьи и рода задумав месть гораздо изящнее, чем пошлое убийство и пытки.

Он возьмет сердце сына его врага. Пересадит себе его кожу и волосы, печень и легкие, заберет его глаза – такие же синие, как у отца! И в рождественскую ночь, на имперском балу в центральном дворце, глядя глазами сына врага в глаза врага, пожелает ему, чтобы мечты всегда сбывались.

Внутри у Наумова сладко задрожало от предвкушения.

– Г-господин... У меня есть новости для вас, г-господин.

Старик встрепнулся, дернувшись в мягком кресле, частью которого уже вполне мог считаться за последние годы, фокусируясь на замершей напротив фигуре.

– Письмо? – пошамкал глава губами, давя в душе недоброе предчувствие, зарожденное встревоженным видом слуги.

– Устное сообщение, господин. От господина Венцеславова, – согнулся тот в поклоне, пряча глаза.

– Не тяни. – Давя тревогу, Наумов отыскал рукой ручку трости и крепко сжал костяной набалдашник.

– Господин Венцеславов сожалеет, но срочные дела вынуждают его покинуть страну на неопределенный срок.

– Что?! – заревело раненым зверем под сводом старого дома.

– Господин Венцеславов рекомендует восьмой канал, – задрожав голосом, продолжил слуга, – и советует обратить внимание на курорты Китая. Это все, господин, дословно.

– Помоги встать, – дернулся Наумов, опираясь на трость.

На вершине подъема тело согнул резкий кашель, на минуту заменив все мысли болью и попыткой не упасть. Та дрянь, что летала тридцать лет назад над родовыми кварталами, оказалась вовсе не углем, а кремниевой пылью, надежно застрявшей в легких. Даже сейчас слюна выйдет с кровью расцарапанных бронхов, а на целителей денег давным-давно нет. Ничего, скоро у него будут новые легкие...

– Вот же тварь! – Тут же вспомнился сбежавший хирург. – Феня, включи восьмой канал. Да оставь ты меня, не свалюсь... – но для верности все же расставил пошире ноги и оперся двумя руками на трость.

Восьмой канал крутил мыльную оперу. Смесь облегчения, недоумения и злости поднялась наружу и выразилась в крепком слове.

– Новости через три минуты, господин, – испортил все слуга, получив яростный взгляд вместо благодарности.

Никогда еще коротенькая заставка новостной передачи не вызывала столь яркие чувства. И тревога, и тоскливое ожидание – но в то же время надежда, что все обернется пустяком вроде слета медиков, из-за которого хирург отбыл за рубеж, или же иной причины, столь же наивной и желанной.

Первые секунды новостного выпуска ударили так, что мир легонько качнулся перед глазами.

«Мы продолжаем передавать последние новости из Верхнего Новгорода, – вещала диктор траурным голосом, сцепив пальцы в замок и участливо глядя с экрана. – Напомним, что сегодня утром в здании детского интерната произошел взрыв бытового газа. К счастью, большинство детей находилось в это время на улице, однако без жертв трагедия не обошлась. По последним данным, из-под завала извлечены тела десятка детей и сотрудницы учреждения. Число погибших уточняется».

Картинка показала крупным планом бетонные руины с ремешком зеленого браслета, ярким пятном выделяющимся на сером фоне.

«На место уже прибыло Око государево...»

– Выключи! Выключи немедленно! – задрожав голосом, прокричал старик.

– Как прикажете, – дернулся слуга, нажав кнопку пульта.

– Что делать, что делать, что делать... – бормотал он себе под нос, не зная, куда девать взгляд.

– Позвольте спросить... погиб близкий человек? – участливо поинтересовался слуга.

Но до разума в полной панике и раздрае донесся совсем другой смысл.

– Не твоё дело! – Вместе с криком взлетела трость, ударив слугу по лицу. – Не твоё дело! – Снова взлетела и опустилась тяжелая палка, попав по затылку согнувшегося от боли мужчины. И вновь ударила по завалившемуся на бок телу. – Не смей лезть не в своё дело! – орал он, не замечая слюны, протянувшейся из уголка рта.

Наумов не замечал, что тело уже не шевелится под ударами, что конец трости уже окрасился в темно-алый.

«Око государево... око государево... Зачем они там? Не их дело. Не должно быть. Почему сейчас?!» – вспышками пронзали голову мысли, не давая осознать содеянное и прекратить.

Трость с треском преломилась посередине, уводя тело вперед, роняя

на паркет рядом с телом слуги.

Резкая боль от падения и вспышка в локте неудачно подвернутой под тело руки позволили разуму очнуться. Перед глазами была ровная гладь пола – до самой стены.

– Феня, помоги подняться, – выдохнул со стоном боли Наумов. – Феня! Бездельник, я кому сказал!

Его слуга был рядом, но никак не мог помочь господину. От тела Фени беззвучно расходилась лужа крови, пока не замерла одним краем у камзола господина. Наумов пошевелился, тихо матеря нерасторопного дурня, но вспышка боли не дала подняться. Рука зашарила по сторонам, по привычке пытаясь нащупать спасительную трость, но наткнулась на нечто вязкое и теплое.

– Феня, прости... – повинился он дрожащей окровавленной ладони перед своими глазами.

Разум старика не выдержал и сменил реальность сбывшегося кошмара на сон.

Пробуждение вышло болезненным: «Все-таки возраст...» – подумал Наумов, принимая заботливо поданный сосуд с жидкостью и тут же его ополовинив. Незнакомый вкус, но пересохшее за ночь горло с благодарностью приняло жидкость.

– До дна, – подсказал незнакомый голос.

– Вы кто? – раскрыл глаза Наумов, последовав совету. – Что вы смеете делать в моем доме?! – Справедливое возмущение, голосом хриплым и неуверенным.

– Тащи его на выход, – грубо отозвался еще один незнакомец, и за его ногу уцепилась чья-то рука, резко дернув в сторону двери.

– Я вас всех закопаю, – полыхнула злость, призывая силу.

И тут же тело свело нестерпимой болью, невозможной, от которой хотелось рвать живот ногтями, чтобы выцарапать источник муки, полыхающий чуть ниже солнечного сплетения.

– Блокиратор активируется при обращении к дару, – прорвался до разума уставший голос. – Не трогайте силу – и боль уйдет.

– Дурень, да на руки его бери, а не тащи за ногу!

– Да он весь в крови!

– Засохла – не видишь, что ли, тетеря?

– Отставить разговоры, – вмешался усталый голос. – Майор, неси его к выходу.

Тело тут же подхватили снизу.

– Кто вы такие? – задал он вопрос непрозрачному шлему перед

глазами. – Полиция?

– Око государево.

– Я не подвластен его суду, – захрипел Наумов. – Согласно уложений, я не слуга твоему императору.

– Подождите с вопросами до выхода, – вмешался главный, открывая перед ними дверь.

– Слышите? – не сдавался Наумов, пытаясь удержать голову над рукой имперского слуги. – Вы не имеете права врываться в мой дом. Дайте телефон! Верните мне мой телефон!

Солнечный свет ослепил глаза, привыкшие к полумраку коридоров и лестниц, так что камеры и журналистов рядом с ними он увидел только после того, как его поставили на ноги и удалось проморгаться.

– Не имеете права! – сорвался голос, возмущенный очередным кощунством по отношению к его привилегиям.

– Готовы? – спросил старший толпу и получил сноп фотоспышек в ответ.

– Не имеете права! – орал Наумов, не понимая, как эти люди без рода и племени смеют так нагло на него таращиться.

– Именем императора, за преступление особой тяжести и покушение на собственность и интересы престола род Наумовых предается забвению на территории Империи. Потомки ныне вольны получить иную фамилию, до получения оной зовутся Ванькиными.

– Не имеете права! – попытался докричаться до небес старик, чуть не рухнув на траву.

– Я слышал, – отозвался один из конвоиров.

– Я видел, – гулко произнес тот, кто поддержал старика под руку.

– Я свидетельствую, – голосом поставил точку четвертый, и последний, в группе.

– Именем императора, за покушение на убийство, Ванькин Александр Михайлович приговаривается к смерти через повешение.

– Я слышал.

– Я видел.

– Я свидетельствую.

– Приговор исполнить немедленно.

Бывшего Наумова резко потащили к ближайшему тополю, не обращая внимания на попытки вырваться и крики о правах и невинности. Осознав, что все тщетно, старик поймал объектив ближайшей камеры, с силой дернулся, дав себе секунду на последнее слово.

– Я его убил, ты слышишь? – совсем другим тоном заявил глава

мертвого рода в равнодушный объектив. – Я убил твоего сына! За всех наших, слышишь!

Окончание фразы вышло смазанным, так как сильный рывок буквально в одно движение перенес его к разлапистому тополию возле дома. Памятное по детству, оно дарило отдохновение и тень в жару, прятало в своей кроне нашкодившего наследника. Слезы сами появились на лице, туманя зрение.

Обернул толстую ветвь конец петли, зацепило подбородок шершавой веревкой, и мир резко дернулся вниз, не давая вздохнуть и вскрикнуть.

– Все, завершили. Камеры выключить, пленки и карты памяти все до единой – к досмотру. Утаите – повешу рядом.

– Спасибо, господин генерал. Можно личный вопрос?

– Дозволяю.

– Его обязательно было вешать? Как же суд и следствие?

– Как вы собираетесь держать одаренного в тюрьме?

– Но у вас же есть соответствующий персонал?

– У них есть работа важнее, чем охранять убийц.

– Еще раз спасибо.

– А у вас не найдется чего-нибудь поесть? Жрать хочется невозможно... – донеслось до тускнеющего разума.

Тело сняли через пару минут, под любопытствующими взглядами зевак, скопившихся посмотреть на чужое горе. Вжикнул замок на черном пакете, скрипнули колеса каталки, лязгнула сцепка механизма труповозки, принимая скорбный груз, и длинный черный автомобиль выкатился на улицы города, выруливая к окраинам – туда, где коптил небо пеплом городской крематорий. Правда, отчего-то машина не стала заворачивать вправо, к грязно-серым бетонным плитам заграждения, а развернулась на очередном кольце и выехала за город. Через десяток минут перед черным капотом со звуком хорошо смазанного механизма раскрылись автоматические ворота высотой в четыре метра, чтобы закрыться в ту же секунду, как машина заехала внутрь обширного двора, с десятком безликихзданий из белого кирпича, соединенных меж собой переходами на уровне второго этажа.

На этот раз тележку выкатили гораздо бережнее. Черный мешок разрезали вдоль, этим же ножом располосовали сюртук, брюки, рубашку и белье, освобождая жилистое тело от одежды. Бледного старика переложили на медицинскую каталку, над головой тут же развернули переносной тент, закрывая солидный прямоугольник от мира, загудел

компрессор, нагнетая внутрь прохладу фильтрованного воздуха. Завертелся хоровод из нескольких медиков, в деловой обстановке, перекидываясь короткими фразами облепивших тело датчиками, подсоединяя к монструозному аппарату в виде десятка белоснежных коробов с зелеными экранами, нагроможденных друг на друга, а все вместе – на передвижную платформу с роликами. Но чем-то не понравилась людям в белоснежных халатах ленивая синусоида на экранах. Последовали уколы, протянулась к руке нитка капельницы, стегануло ударом тока от двух плоских кругов, и графики, к удовлетворению всех, кто стоял на ногах, начали радовать резкими пиками, ритмичными, вполне здоровыми. Старший группы повел рукой на уровне плеча, обозначая круг, и первым покинул импровизированный шатер. За ним потянулись все остальные, уступая дорогу двум суровым мужчинам в черной форме, с силуэтом полуприкрытого глаза на воротнике мундира.

– Добро пожаловать, – потрепали старика по щеке, заставив того дернуться и недоуменно открыть глаза.

– Это ад?

– Чистилище, – поправили его и легонько отодвинули тент, показав катафалк, все еще стоявший подле. – Но рейс на ад все еще доступен.

– Я думал – всё... – Старик осторожно потянулся к фиолетовому синяку, опоясавшему шею.

– Нет. Всё – это когда ломаются позвонки. – Мужчина в мундире резко согнул ладонь, изображая. – Однако наш специалист услышал кое-что интересное и решил вас всего лишь немножко придушить. Он ошибся?

– Нет! Нет! Я все расскажу! – заерзал повешенный, вовсе не стесняясь наготы. – Но вы должны гарантировать безопасность моих родичей.

Было видно, что говорить ему дается с большим трудом и болью, но в глазах светилось дикое упрямство пополам с обреченностью.

– Длань императора защитит остатки вашего рода, если то, что вы расскажете, заинтересует нашего господина. Слово.

– Я свидетельствую, – пробасил второй, до того молчавший. – Итак?

– Они создают пророка.

Глава 19

День рождения

Грозовая линия на горизонте, казавшаяся крошечной и неопасной, на второй день обернулась беспросветным штормом, стегавшим по большим стеклам междугородного автобуса тяжелыми оплеухами ливня. Мимо проносились темные силуэты построек, смазанные из-за наплывов воды, еле видимые в желтом свете придорожных фонарей. Изредка небо озарялось вспышкой далекой молнии, давая рассмотреть очередной безымянный поселок по левую сторону от дороги. На секунду все вокруг становилось невероятно четким, хотя и черно-белым – удавалось различить здания сельских церквушек, угловатые паруса мельниц и гладь озер в провалах холмов, пока темнота не забирала мир обратно. Приходил гром, заставляя старое стекло дрожать от страха. И так – целую ночь.

Еще одна ночь без сна на очередном маршруте, следующем в город, который мне не нужен. Как, впрочем, и то местечко, из которого я выехал. Вторые сутки я петлял из стороны в сторону, пытаюсь убежать непонятно от чего. Не от друзей же? Но и врагов у меня вроде как больше не было – для них я мертв. Тем не менее что-то внутри требовало менять города, покупать билеты почти не глядя, лишь бы они проходили через пару-тройку поселений с собственными автостанциями. Иногда я менял направление, пользуясь попутными машинами, выкидывал купленные билеты и шел пешком до следующей остановки. Несколько раз менял одежду и даже, как в хорошем детективе, прикупил темные очки – от которых, к сожалению, пришлось избавиться из-за непогоды.

Этот рейс должен был стать последним на пути к железнодорожной ветке и бетонной площадке возле рельс, у которых литерный поезд, проезжающий мимо раз в сутки, стоит ровно пять минут – так написано в интернете. Но он же стал самым выматывающим – автобус оказался очень стар, бил по спине жестким сиденьем и кружил голову духотой и влажностью – из-под резиновой прокладки просачивалась вода, скапливаясь крупными каплями и стекая возле сиденья.

В салоне гуляли блики крохотного цветного телевизора, еле слышным бормотанием разбавлявшим шум дождя, мерное дыхание спящих пассажиров и бодрствующего двигателя. Из людей не спали только трое: водитель, я и специалист, рекомендованный дядей Колей, – он сидел рядом

с обманчиво-сонным видом, прикрыв глаза. Я как-то проверял, попытавшись коснуться его носа – точно не спит, а еще больно кусается.

Специалиста звали Валентином, был он на два десятка лет старше меня, и с первого же момента невзлюбил обращение «дядя Валя», попросив называть его Волком – и я даже знаю почему. Я нанял его, чтобы он берег мой сон, но скорее я сторожил его тревожную дремоту несколько раз в сутки. Зато Валентин покупал билеты, вежливо уточняя в маленькие окошки касс: «Для меня и сына», – ходил со мной по магазинам и договаривался с таксистами. А еще он не задавал ни единого вопроса, был молчалив и скоро стал восприниматься как очень нужный, незаменимый механизм. Я даже перестал говорить «мы», планируя следующий ход, заменяя простым «я». Мой охранник стал частью путешествия, а не компаньоном.

Где-то полтора десятилетия назад, когда меня еще не было на свете, дядя Валя служил под началом дяди Коли и был единственным, кто приехал к бывшему командиру проведать, когда с дядькой случилась большая беда. Добросердечность и верность, впрочем, не помешали ему взять за три дня такую сумму, которую мой цех зарабатывал за три месяца, обменяв несколько пачек денег на листок гербовой бумаги – с его и моей подписью. Договор обещал, что о совместном путешествии никто не узнает, а моя жизнь останется при мне, как и содержимое моих карманов.

– Кто обеспечит выполнение договора? – спрашивал я два дня назад на парковке возле вокзала в нагретом солнцем салоне «Волги».

Мы разместились на заднем сиденье – я и дядя Коля. Семен вежливо оставил нас наедине, сообщив, что собирается посмотреть двигатель, и для надежности отгородился широким капотом. Валентин скучал рядом с ним, что-то подсказывая уверенным, тихим голосом.

– Никто, – честно ответил Николай, отгибая уголок плотного прямоугольника бумаги. – Если он захочет от тебя избавиться, никто не найдет и следа.

– Тогда какой в этом смысл? – указал я на договор в его руке.

– Заплатить налоги, – пожал он плечом, затем поднял голову и посмотрел мне в глаза. – Иногда надо просто верить в людей, позволить им показать, что они достойны уважения.

Я слышал в его словах укор, напоминание о наполовину сгоревшем здании за спиной, и отвел взгляд.

– Вы верили в меня?

– Я продолжаю в тебя верить, – коснулась моего плеча рука, – даже

сейчас. И ты, пожалуйста, верь в своих друзей. Не пугай их, как Толика, не отгоняй плохим словом.

– Он начал приворовывать, имея достаточно средств.

– Он чуть не сбежал из города, – осторожно добавил он.

– Мог бы просто извиниться, – пожал я плечами.

– После всего, что я слышал о тебе и интернате, мне понятен его страх.

– Что вы слышали? – без особого интереса спросил, рассматривая суету возле перрона.

– Ты заставлял платить за право жить, – сказал Николай.

– Неправда. Я предлагал интересный и веселый день за небольшую плату.

– А те, кто не платил?

– Жили, как и раньше. Только вскоре они считали свою обычную жизнь наказанием. – Я развернулся к дядьке, излагая без всякого чувства вины.

– Тем не менее тебя боятся даже друзья.

– Я этого не хотел.

– Неужели тебе не интересно, почему так вышло?

– Нет.

После короткого ответа лицо дядьки стало очень тревожным, он отчего-то потрогал мой лоб и даже слегка потряс за плечо.

– Максим, тебе действительно все равно?

Я посмотрел на свою руку, повернул вверх запястьем и, как и полтора года назад, не обнаружил возле кожи ни единой звездочки. Исчезли, пропали, а вместе с ними – словно выгорело все внутри. Или выгорело раньше? Уже не важно. Там, под нагаром от поступков, которые не хотел, но совершал, под пеплом ожиданий, не переживших чужое равнодушие, жило понимание, что лучше не делать, не касаться, не трогать, чтобы не разочароваться вновь.

– У него есть работа, вы станете отцом, а я извинюсь за чужую ошибку. Все будет хорошо.

– Забудь временно о Толике, – беспокойно пробормотал дядька. – Скажи, твое любопытство – куда оно ушло?

– Оно осталось при мне, – с удивлением посмотрел я на него.

– Так, подожди. Вон, видишь, стоит Валентин. У него татуировка на груди, вершина которой краешком выходит на шею.

И действительно, если присмотреться, можно заметить небольшой флажок на мачте, видимо, корабля, слегка показывающийся из отворота футболки.

– Что это должно значить?

– Почему ты не бежишь к нему, смотреть, какова татуировка целиком?! – словно от боли, простонал дядя Коля, запустив руку в собственные волосы.

– Наверное, корабль, – пожал я плечами, равнодушно глянув на футболку, скрывающую узор.

– Очень плохо, – тихо добавил он. – Но, надеюсь, пока не поздно. Попробуй сходить в зоопарк или цирк.

– Вот уж нет, – прикрыл я глаза.

– В театр? На детское представление! Там весело и очень интересно.

– Дядя Коля, я организовывал приезд театров несколько раз, – терпеливо отозвался, не открывая глаз.

– Бывают разные театры, и если тебе не понравился...

– Первый из них собрался уехать сразу же, как узнал, что не будет телевидения. Я выгреб почти все свои деньги, чтобы они остались хотя бы на десять минут. Всем очень понравилось. Вторая команда приехала пьяной и затребовала место для ночлега, третья...

– Тогда кино, а?

– Зачем? – глянул в его сторону, чуть приподняв веки.

– Чтобы вернуть тебе тебя, – с неприкрытой заботой смотрел на меня добрый прищур серых глаз. – Ты должен научиться быть любопытным снова! Хотя бы попробуй мороженое в других городах!

– Состав один, наше все равно самое вкусное.

– А вдруг где-то есть вкуснее? – подначил он, подмигнув. – Ведь в другом месте и вода – другая. А сахар, а? Вдруг кто-то использует индийский тростниковый сахар? Ты ведь такое точно не пробовал! Пойми, одаренному нельзя идти против собственной сути, это гибель души. Ты должен быть любопытным! Ты даже не видишь, как изменился. Я думал, ты просто устал...

– Я очень устал, – согласно качнул головой, вновь закрыв глаза. – Но я выплыву, и все снова станет хорошо...

С тех пор я не спал вторые сутки.

Это давалось легко – стоило пропустить через тело силу, и усталость уступала, прячась возле затылка ноющей болью, терпимой и привычной. Не в первый раз, в самом деле – дела не хотели двигаться вперед, пока я спал, а планы так и вовсе норовили рухнуть, стоило дать себе пару часов отдыха. За всем нужен присмотр, особенно в эти странные дни, когда прошлое уже ушло, а будущее еще не наступило.

Утро порадовало лучами солнца, все-таки пробившимися сквозь

серую пелену неба, а ближе к полудню налетел сильный ветер, утащивший грозовые облака на восток. Так что с автобуса мы сошли снова в лето, а не в раннюю весну. Только расплывающаяся под каждым шагом земля напоминала о непогоде, но тут вмешался дядя Валя, своей силой проторив нам удобный путь – метр шириной, без единой травинки и капли воды.

– Это сложно? – ковырнул я твердый грунт острым мыском ботинка. Поверхность приятно пружинила под ногами.

– Кому как, – пожал он плечами, с видимым удовольствием вступая на ровную поверхность.

– И что надо делать? – не успокоился я и лег прямо на землю, пробуя поцарапать ее, чуть шершавую, и даже одолеть ее питьевой водой из бутылки.

– Долго учиться, – решил он ускользнуть от ответа.

– А если самую суть? – Тропинка на вкус оказалась точь-в-точь как нос у кота.

– Надо пропустить силу, направив клином, и поддерживать...

– Вот так?

– М-мать! – прыгнул он прямо в кусты.

– Где? – завертел я головой и никого не заметил. – А там что? – обратился я к поломанному кусту шиповника.

– Сейчас выберусь – расскажу, – рассерженно запыхтело в ответ.

Резко захотелось кушать. Тревожный признак.

– У нас договор! – деловым тоном напомнил я, переползая на всякий случай к веткам на противоположной стороне тропинки.

– Пункт шесть-двенадцать, нападение нанимателя на защитника. – Из кустов показались ноги, а затем и весь дядька целиком.

– Я его вычеркнул, он мне сразу не понравился.

– Нельзя вычеркивать предложения с бланка! – Валентин оглянулся, явно пытаясь меня отыскать. – Ладно, проехали. Вылезай.

– Не хочу.

– Почему это еще? – нахмурился он.

– Тут крыжовник.

– Тогда двигайся, я к тебе, – закричал дядька по-старчески, отряхнул брюки и полез на мой голос. – Кстати, не думал о военной службе?

– Думал, конечно, – протянул я ему горсть ягод в знак примирения и помог разместиться на расстеленном на земле пиджаке – все равно уже выкидывать; брюки-то уцелели, а верх весь намок и испачкался.

– У нас здорово, и ребята интересные.

– Буду делать свою военную службу – найму, – согласился я, лопая

кисло-сладкие желтоватые плоды.

– А? – захлопал дядька глазами, не донеся ягоду до рта.

– Будешь мне служить?

– Я имел в виду, ты к нам...

– Неинтересно, – хлопнул я по колену и принялся подниматься.

Все-таки много такой ягоды не съесть.

– У нас и платят хорошо, – чуть тише протянул дядька, словно не услышав мои слова.

– Пока что я плачу тебе, – напомнил ему и первым пошел по заколдованной дорожке, – к тому же я своих не бросаю.

К бетонной площадке я успел вовремя, оставив себе даже два десятка минут, чтобы привести одежду в порядок, а то, что выглядело плохо, – свернуть в рулон.

Прибытие огромного стального змея, выскользнувшего под грозное шипение из-за дальнего лесочка, невольно заставило окутаться силой и всерьез насторожиться. Одно дело – на видео или картинках, а другое – когда даже земля трясется под ногами, а путь огромной машины проходит прямо сквозь тебя.

– Зачем тебе защитник? – Валентин попытался продавить рукой невидимую пленку над моей кожей, но ожидаемо не преуспел.

Говорил он задумчиво, скорее спрашивая себя, а не надеясь на мой ответ.

– Чтобы я никого не убил.

Лязг металлических сцепок железнодорожного состава подвел черту под правдивым ответом, в который он вряд ли поверил.

Железная ящерица прокатилась еще на два десятка метров, пока не остановилась, устало выдохнув белым паром. Вслед за ним отдохнуть от поездки решило еще два десятка человек, своей суетой и сигаретным дымом быстро сделавших площадку тесной и неудобной, а когда через толпу пожелали пройти две бабки с огромными баулами, то еще и скандальной.

– Я договорюсь... – Валентин шагнул вперед, заприметив в проеме входа белую блузку проводницы.

Их беседа завершилась лукавыми улыбками, тремя купюрами, переданными под неслышный, на ушко, шепот симпатичной девушке и пустым купе на четыре места, в который обещали никого не подселять до самого конца маршрута. А чуть позже – нас даже угостили вкусным чаем, а лично меня потрепали по голове.

– Можно поинтересоваться, куда мы едем? – отставив кружку

в сторону, выжидательно посмотрел дядя Волк.

Я старательно пережевывал печенку, оттого не мог ответить сразу, но дядька понял по-своему.

– Это не обязательно, – приподнял он ладони перед собой, – но мне было бы проще подготовиться.

– Там ничего особенного, – качнул я кружкой и запил обжигающим напитком сухость во рту. – Мы едем на войну.

– Мой контракт не предусматривает... – напрягся Валентин.

– На самом деле война уже окончилась, – поспешил я уточнить. – Где-то три дня назад... – я глянул на календарь возле выхода и поправился: – Уже четыре. Но дату завершения объявят только на следующей неделе.

Во всяком случае, так написано в интернете.

– Прости, я лезу не в свое дело, но зачем тебе туда? – пытаюсь понять, он чуть наклонился над столом, буравя взглядом.

Почему дружелюбие считают слабостью и желают додавить, навязав свою волю?

– На первый раз прощаю.

Валентин еще некоторое время пытался рассмотреть что-то на дне моих глаз, но в итоге расслабленно отклонился назад, сложив руки на груди.

– Как скажешь, наниматель.

– Так и будет, – поддакнул, передвигая печенье к себе поближе.

Интересно, но прямо сейчас в стране идет шестьдесят одна война. Когда я прочитал об этом, то долго и тревожно вглядывался в горизонт, ожидая увидеть пламя пожаров – потому что три из них вроде как шли совсем рядом. Чуть позже разобрался, что войны – они очень разные, и большая их часть выглядит как недовольное сопение равных соперников после сильной драки – вроде как и обида осталась, и явного победителя нет, и все еще есть за что бить противнику морду, но памятна боль от ударов и ноют фингалы, синяки, отговаривая от новой потасовки. Иногда такие войны идут десятилетиями и очень редко оборачиваются новой схваткой.

Настоящих войн гораздо меньше – около десятка. Где-то там горят дома и кварталы, а весь мир просто ждет и смотрит, кто победит, вместо того чтобы разнять и помирить. Это называется «традиции».

Может, не мирят еще и оттого, что активная война длится очень коротко, завершаясь либо миром, либо переходя в тихое противостояние зализывающих раны дворовых котов.

Моя война из тех, в которых есть победитель и проигравший. А то

место, в которое мне предстоит попасть, – город, который должен отойти победителю. И еду я туда потому, что победителю не нужны жители в нем – они служили его врагу, платили ему налоги и должны уйти. Куда – неведомо, но срок им дан от вчерашней даты до завтрашней. И это тоже написано в интернете – если знать, где искать.

Меня ждет целая река людей, беспокойная и тревожная, каплей которой предстоит стать. Вряд ли кого удивит подросток без документов в месте, которое еще пахнет пожарами, в компании таких же горемык. Там будет мое новое рождение.

К вечеру дядя Волк успокоился и перестал сверлить меня задумчивым взглядом в те моменты, когда думал, что я его не вижу. А после нового визита проводницы и тихого перешептывания за дверьми купе и вовсе заулыбался, мечтательно поглядывая на часы.

– Отлучусь на пару часов? – просительно глянул Валентин, дождался легкого кивка и с довольным видом устремился на выход.

– Не налегай на сладкое, – проводил я дядьку, неловко споткнувшегося при этих словах.

По разбитой колее промзоны пробирался черный минивэн, откатываясь в сторону и замирая при виде летящих навстречу грузовиков. Изображение прикрытого глаза на его кузове выглядело совсем негрозным в окружении глухих бетонных ограждений и крашеной ржавчины заборов – оно словно щурилось от едкой пыли, столбом поднимавшейся за встречными машинами. Да и место это будто бы совсем не боялось государевых гостей, что изрядно бесило стажера Липатова, выражавшего свои чувства тихими матерками, в очередной раз выкручивая руль, чтобы увернуться от летящей в лоб фуры.

– Я говорил – там знак, – меланхолично напомнил наставник, не отрывая взгляд от раскрытой папки с протоколами допросов.

– Кто мы, а кто они, – зло проскрипел Липатов, продолжая бороться с течением.

– Какая разница, если они весят на двадцать тонн больше? Там, где оба игнорируют закон, выигрывает тот, кто раздавит помеху и поедет дальше.

– Их же тогда повесят? – недоверчиво глянул на шефа стажер.

– Может быть. Если найдут, – пожал тот плечами. – Поэтому прижмись к обочине и тихонько двигай вон к тем воротам.

Промзона пахла мазутом, сожженной травой и сладостями – в зависимости от того, откуда дул ветер. Небольшой участок за добротным четырехметровым ограждением из сваренных меж собой миллиметровых

листов стали, с колючей проволокой поверху, как раз был источником приятного ванильного аромата или же стоял у него на пути.

– Хозяева! – застучал кулаком Липатов, тщетно пытаясь найти щель в ограждении, чтобы заглянуть внутрь.

Через некоторое время неслышно скользнула в сторону заслонка, открывая прямоугольник внутреннего двора – точнее, его отражение в зеркале, выставленном под углом. На гостей глянули спокойные серые глаза, обрамленные сеточкой морщин.

– Николай Иванович Росков? – скорее утвердительно произнес старший, сверяясь с доске в папке. – Полковник особой службы Сергеев. Мы по поводу пожара.

– Мои дети все рассказали.

– Вы не могли быть так любезны дать разрешение на повторную беседу? У нас новые обстоятельства дела.

– Нет, – качнуло отражение головой, – они сильно переживают. Не хочу напоминать о трагедии.

– Буквально полчаса, не больше, – продолжал настаивать Сергеев. – Беседу проведет специалист-психолог. Нам необходима ваша помощь, Николай Иванович.

Скверное настроение и показное унижение начальства перед каким-то рядовым торгашом буквально взбеленили Липатова, подвигнув на резкий шаг вперед, во время которого он успел выхватить металлическую бляху Службы из нагрудного кармана и табельный пистолет.

– Видишь знак? – прижал он первое вторым к окошку.

– Вижу, – собеседник по ту сторону согласно прикрыл глаза. – Теперь внимательно посмотри над воротами.

Липатов некоторое время пытался сломать волю противника взглядом, но, не заметив и тени страха в ответ, все-таки отступил на два шага назад и запрокинул голову вверх.

У самой кромки ограды обнаружилась закрепленная хомутами деревянная дощечка – потемневшая от возраста, растрескавшаяся от дождей и жары, с затейливым, хоть и грубоватым узором, где-то определенно виденным ранее. Только где?

– Всего доброго, – лязгнула заслонка.

– Липатов, ты не сдашь, – убежденно произнес Сергеев, с громким хлопком закрывая папку.

– А что я?!

– Видишь число насечек на нижней кромке герба? Он служил у «Древичей» двадцать лет. Какого хрена ты вылез?! – Сплюнув на дорогу,

полковник развернулся к машине.

– И что, он теперь может держать нас на улице и сметь нам отказывать? – набычился Липатов, стоя возле раскрытой двери машины.

– Живо за руль. – Полковник пресек лишние разговоры на улице и продолжил только после того, как мигнула зеленая лампочка самоизоляции. – Мы закон, а не власть. Хочешь власти – возвращайся в полицию.

– Наши вчера аристократа повесили – и ничего, висит себе, права не качает, – ворчал стажер, выруливая в поток.

– От него отказались свои же, мы исполняли чужой приговор, – выдохнул полковник, успокаиваясь. – Видишь, как хорошо едем? А все почему? Мы двигаемся попутно. И служим мы так же! Пока наши интересы не пересекаются с владельцами больших тяжелых фур, все идет замечательно. И ты даже можешь попросить их водителей сделать так, как тебе нужно.

– Унижаться каждый раз?

– Нам почетно помогать, – со снисхождением посмотрел старший на стажера. – Они сами будут рады, из уважения к нашему господину или ненависти к конкурентам. Всего одно условие – прояви учтивость.

– И что теперь делать? – загрустил Липатов, к радости полковника осознав свою вину.

– Попросим нашего воеводу попросить конунга этого уважаемого человека попросить своих детей ответить на наши вопросы, – пожал тот плечами.

– Долго, – понурился стажер.

– Я тебе больше скажу – после того, что ты сделал, еще и бесполезно.

Глава 20

Насекомые и тапки

Мы вошли в город с северо-востока, через старое городское кладбище. Единственная дорога в это место выходила на трассу до блокпостов и крупной надписи «Багиево», здесь же она и заканчивалась, не соединяя молодой лес, разросшийся на месте заброшенного захоронения, с пригородом – мешал овраг в два десятка метров глубиной. Да и не жил тут никто. Оттого и новые хозяева города никак не озаботились закрыть тут движение с этого направления – груз тут все равно не провезти, да и людям пройти ой как непросто. Если бы не дядькины умения – так и застряли бы в болотистой низине, у берега мутноватой речки, проходящей по самому дну расщелины. А с его помощью прошли словно по ступенькам. Под конец все-таки пришлось карабкаться, цепляясь за корни кустов и траву – дядя Волк посоветовал завершить «лестницу» пораньше, чтобы ее не было видно издалека. Только кто должен был увидеть, непонятно – словно вымерло все вокруг. Даже на той стороне оврага жизни было больше – пели птицы, глянула издалека умная мордочка лисы.

«Неужели все уже покинули город? – екнуло под сердцем. – Да нет, не должно бы, – успокоил сам себя, вспомнив суету в городе, из которого мы прибыли, забитые до отказа вокзалы с отбывающими людьми, череду автобусов, скорбно плетущихся по дороге длинной колонной. Не могло оно все кончиться так внезапно для города, насчитывающего две сотни тысяч жителей.

Мы двигались по краю дороги, забитой обломками рухнувшего дома. Не могу представить, что должно было сделаться с массивным камнем первого этажа разрушенного строения, чтобы все его остальные этажи превратились в оплавленный щебень, местами покрытый желтой глазурью стекол и черной – металла.

– Ты слишком уверенно выглядишь для погорельца.

Так получалось, что я шел на два шага впереди, выбирая нам путь на каждом повороте – карту я выучил на совесть, так что ориентировался легко. А вот дядька путался без уличных табличек и указателей – на разрушенных домах как-то их и нет...

– Разве я не должен знать город, в котором живу?

– Дело не в этом. Твое выражение лица... Слишком спокойное.

– Считаете?

Я глянул в уцелевшую витрину дома, внимательно оценил образ, придуманный на прошлой остановке. Тапочки, надетые после покорения оврага, но уже достаточно грязные от путешествия по разрушенным улицам. Шорты – я их и не переодевал, так что некогда бежевые, сейчас они раскрашены листвой и землей. Рубашка с короткими рукавами без карманов – серая от пыли, белая только с изнанки. Красная бабочка – бессменная, идеальная, хоть и самая старая из всего комплекта.

По легенде, я вышел из дома, когда все случилось, а очнулся уже в развалинах, с болью в голове и раскачивающимся миром перед глазами. В карманах шорт только карта памяти – память о прошлом, без имен и дат, еще немного денег. На рубашке карманов нет и вовсе – некуда класть документы, все осталось там, где и сгорело. Лицо усталое, чуть осунувшееся за три дня без сна и нормальной еды. Только глаза действительно все выдают – равнодушные ко всему.

– Подержите, – приняв решение, я снял с себя бабочку и передал дядьке.

Прикрыл глаза и представил, будто бабочка потерялась в дороге, исчезла на длинном пути. Быть может, зацепилась за острую ветку? Осталась на дне оврага, в песке, под мутным стеклом воды? Из глубины души пришла тревога, накатило маятное чувство тоски и паники, желание бежать обратно и искать, а вместе с ними – безнадежность понимания, что все потеряно.

– Вот, другое дело... – прорвался до паникующего сознания довольный голос.

Я вновь открыл глаза и сам не узнал того, кто стоял в отражении – и одежда та же, но вид... Так выглядел Толик в свой первый день в интернате.

– Ты уже придумал, где живешь? Улицу, дом, соседей, друзей, школу, учителей?

– Дом по улице Ямаша-мурзы, мы прошли его десять минут назад. Помните, еще вывеска ресторана лежала на полу, в крошке стекла, пришлось обходить?

– Помню, – кивнул Валентин.

– Я с семьей приехал из Верхнего Новгорода, снимали здесь квартиру. В том доме много кто сдает жилье. Друзьями пока не обзавелся, в школу мне только в сентябре надо. Гулял один, успел оббежать половину города, но хорошо знаю только свой квартал. Семью я позаимствую у хорошего знакомого, его отец и мама погибли в автокатастрофе, он много о них

рассказывал. О бывшей школе и друзьях – тоже.

– Сойдет, – согласился дядька. – Кто тогда я?

– Попутчик.

– Вот так, без истории? – глянул он искоса.

– А вы расскажете мне о себе? – полюбопытствовал я, надеясь на историю жизни.

– Вряд ли, – обескуражил Валентин.

– Значит, мы просто идем вместе, пока вам не надо будет по своим делам, а мне – по моим.

– Что с договором? – похлопал он рукой по правому карману.

– Будут спрашивать – покажете.

– Да кто тут будет спрашивать?

– А вон стекла на солнце мигнули, – указал я подбородком на полуразрушенную высотку с будто бы откушенным боком. – Под самой крышей. Окон там нет, так что бинокль, наверное.

– Ждем гостей, – подобрался Валентин и одним широким шагом опередил меня, закрывая от высотки телом.

Через разбитое витражное окно первого этажа небоскреба выскользнула тройка человекоподобных созданий в грязно-серой броне. Высокие, в два моих роста, они походили на кузнечиков угловатыми сочленениями ног, вывернутых назад, овалом грудной пластины и узкими разрезами красных глаз. Только оружие в их руках напоминало о людях – винтовка не несла в себе ничего чужеродного, разве что была огромной, под стать владельцам. Несмотря на все это, гости почти не создавали шума, шагая со звуком удара газеты по шустрому комару – словно парили, а земли касались, чтобы направить свое движение.

– Не шевелись, говорить буду я, – отчетливо произнес Валентин, замерев у правого плеча. – Этим соврать не получится.

Двое остановились в пяти метрах от нас – справа и слева, направив стволы винтовок в землю, третий замер в тридцати шагах, рисуя красным огоньком лазерного прицела восьмерки возле наших ног.

– Сержант Тетерин, патруль внутренних войск, – прогудело справа словно в водосточную трубу. – Наблюдаем за передачей города. Среди вас есть раненые?

– Нет, – ответил дядя.

– На вас совершались нападения? Вы были свидетелями преступлений, насилия, мародерства?

– Нет.

– У вас есть заявление, требующее немедленного рассмотрения?

– Есть. Вы жук или другое насекомое? – поинтересовался я, глядя снизу вверх, – даже на таком расстоянии приходилось задирать голову.

– Максим! – шикнул Валентин.

– Я человек, – показалось, со смешком ответил монстр.

Щелкнул механизм на голове существа, отстегивая верхнюю часть, и мне улыбнулся усталый мужчина, сильно загорелый и почти без волос. Выходило, что он вроде как сидит в этом механизме, словно на кресле, и как-то управляет всей этой машиной. Тоже такую хочу.

Его напарник тоже решил нам улыбнуться – его маска открылась следом, показывая перебитый нос и усталый взгляд.

– Ух ты! – восхитился я конструкцией и вышагнул вперед, но плечо вовремя удержал дядя, показав подбородком на последнего в группе, целившегося теперь в меня – огонек прицела на мгновение ослепил, когда я дернулся любопытствовать, а теперь алой каплей поселился у меня на груди.

– Не надо подходить, – чуть строже попросил мужчина. – Это ваш сын?

– Наниматель. – Валентин чуть наклонил голову, напряженно отслеживая реакцию на свои слова.

– Вот как... – задумчиво протянул сержант, глядя только на меня.

– Документы в правом кармане, – озвучил дядя и только затем не торопясь полез выуживать прямоугольники бумаг.

Он раскрывал каждый документ перед собой, перелистывал страницы и заменял следующим, пока не дошел до прямоугольника договора на гербовом листе.

– Он под моей защитой, – подытожил Валентин, складывая все обратно.

– А у парня наверняка документов нет, – задумчиво кивнул своим мыслям сержант.

– Пожар виноват.

– Понятно. Семеныч, тут выживший из старых хозяев, – полуобернулся он к третьему патрульному.

Яркий огонек прицела пропал с моей груди.

– Боюсь, вы неверно нас поняли, – полуобернулся ко мне Валентин, продолжая обращаться к солдатам. – Мы не имеем отношения к этому городу и конфликту.

– Не наше дело, – отмахнулся Тетерин. – Император против лишней крови, но это не наш город, поэтому обеспечить вашу безопасность мы не можем.

Доспех щелкнул, окончательно раскрываясь – теперь стали видны руки сержанта, что-то нащупывающего в нагрудном кармане.

– Вот документы, – перекинул он связку в сторону Валентина, а тот успел ловко подхватить на лету. – Найдены у погибших жителей, но пока не внесены в общую базу. У вас будет два дня.

– Господин сержант, вы не за тех нас приняли, – терпеливо повторил дядя Волк.

– Древич, я стараюсь тебе помочь, – с легким раздражением отреагировал солдат. – Не рассказывай мне сказки про случайного парня на улице без родителей и с кучей денег.

– Но все примерно так и было, – пожал Валентин плечами.

– У пацана герб на обуви.

Мы чуть не столкнулись головами, одновременно опустив взгляды вниз – к моим симпатичным и очень удобным серым тапочкам, с затейливым рисунком алой и красной нитью поверх носка.

– И? – удивился я.

– А вот, – еще одно движение винтовки указало на покосившийся столб освещения, на вершине которого угадывался невероятно похожий узор, только проще и в одном цвете.

Хм...

– Максим?! – в ярости прошипел Валентин. – Ты где их взял?

– Так на вокзале парень продавал... – запустил я пятерню в волосы. – Дешево, и мой размер. Вот.

– Сэкономил! – рявкнул дядька, как будто это что-то плохое. Он бы на свой гонорар сначала посмотрел!

– Тут недоразумение, – повернул он голову к солдатам. – Мы их купили.

Солдат жизнерадостно гоготнул и повел стволом, показывая городские руины.

– Где?!

– На вокзале в Корноухово.

– А потом вернулись в них прогуляться? Не морочь мне голову! – хохотнула консервная банка. – Бери документы и иди до перекрестка, затем свернешь направо. Тебе надо на центральную улицу, потом через коллектор беженцев в здании вокзала. Там сейчас самый бардак. Дальше автобусом. Прорветесь – свечку мне поставишь. Всё.

Металлические доспехи вновь собрались в насекомоподобный монолит, скрывая своих хозяев под броней, как по команде развернулись и так же шустро унеслись обратно к высоте.

Валентин обернулся и резким движением обозначил подзатыльник, задержав ладонь в каком-то сантиметре, – но аж ветром обдало и глаза прикрылись.

– Чтобы выбросил тапки ко всем демонам! – выдохнул дядька, принимаясь ожесточенно перебирать пластиковые карточки с фотографиями.

– Вот еще – выкидывать! Они денег стоят... – пробурчал я, пытаюсь содрать картину с носка. Да и не босиком же ходить...

Герб оказался вышит на ткани, а не на отдельной подложке, и поддаваться не хотел. Разве что по ниточкам распарывать – чем я и занимался, подцепляя ногтем петли.

– На пустом месте... что ты за человек такой! – продолжал возмущаться Валентин, тасуя пластик.

– Император! – важно ответил я.

На этот раз подзатыльник почувствовался в полной мере.

– На, эти вроде похожи на тебя, – сверху слетели три прямоугольника и рассыпались аккурат перед лицом.

– Евгений Иванов, Роман Пантелеев и Максим Федотов, – прочитал я фамилии.

Глянул фото – действительно, есть что-то общее, только им всем больше четырнадцати, а Федотову и вовсе семнадцать. А еще на каждой карточке тот самый герб, что я несколько минут спарывал с обуви. Помню, у дядьки документы были совсем с другой картиной, а у одного из сторожей-клиентов – и вовсе с имперским двухглавым орлом. Но все остальное то же самое – имя, дата и место рождения, фотография, сочетание непонятных букв у правой каймы, удобный и прочный пластик. Если бы не обещание сержанта, что через два дня эти карточки заблокируют, можно было бы уже возвращаться домой.

– А можно все взять?

– Да забирай, – махнул Валентин рукой, с тоской глядя на разрушенный город. – Нам долго до цели?

– Два поворота, вы же слышали, – отряхнул я тапки и выпрямился, пряча документы по карманам. – А за кого они нас приняли?

– Тенишевы, старые хозяева города, – зашагал вперед дядя Волк. – Почти всех убили, но кто-то выжил. Их тоже стараются найти и убить.

– Зачем? Ведь город уже достался победителям... – не понял я такой жестокости.

– У аристократов не принято оставлять своих врагов живыми. Тогда никто не ударит в спину через несколько лет, – меланхолично ответил

Валентин.

– Но я ведь – не они?

– Само собой. Не переживай, за два поворота ничего плохого не может случиться.

– Ага.

Глава 21

Чувство собственности

Ближе к центру исчезли всякие следы войны, словно победитель берег для себя красивые пятиэтажки с зелеными скатными крышами и рядами зеленых насаждений под окнами. Только следы не смытой с асфальта извести, натасканной сотнями ног, напоминали, что совсем рядом лежат в руинах целые кварталы.

А еще я впервые увидел местных жителей – хотел было поздороваться, но супружеская пара, обвешанная сумками, предпочла перейти на другую сторону улицы, а догнать их не позволил Валентин. Хотя чем ближе мы подходили к вокзалу, тем быстрее увеличивалось число возможных собеседников, только к ним не решился подходить уже я сам – люди старались держаться большими группами и с угрозой поглядывали на тех, кто хотел к ним приблизиться.

– Почему они не на машинах? – поинтересовался я у дяди, заметив баулы в руках каждого, кто неторопливо шел по широкому проспекту. Даже дети волочили на себе тяжелые ранцы – беззвучно, не жалуясь и не плача.

– Вся их собственность теперь принадлежит победителям, – равнодушно ответил Валентин. – Проигравшим оставили свободу и то, что они могут унести в руках.

– Но они ведь не воевали?

– Кто-то должен оплатить войну, – пожал он плечами.

То-то так много брошенных автомобилей встретилося по дороге... И дома выглядят совсем не заброшенными, даже занавески на месте.

– Я бы сжег, чтобы не досталось врагу, – процедил сквозь сжатые зубы.

– За порчу имущества полагается виселица. За этим внимательно следят.

– Кто? – покрутил я головой, никого не заметив.

– Спутники, – указал Валентин взглядом на небо. – Еще дроны, иногда личное присутствие. Нам повезло зайти в город с разрушенной части, через пост внутренних войск. Руины никому не нужны.

Разговор сам собой угас, сменившись общим траурным маршем постоянно растущей толпы, вышагивающей размеренно, никуда не торопясь. Оставалось только и делать, что крутить головой по сторонам.

– Максим! – спохватился Валентин, пытаясь зацепить за плечо.

– Я сейчас, – увернувшись, пообещал ему, с любопытством присматриваясь к интересной сценке возле парковки симпатичного трехэтажного дома.

Вцепившись сбоку в бампер и часть капота белоснежного внедорожника, упрямо пыхтел парень лет шести на вид, всем своим видом показывая, что отпустить он пятитонную машину не собирается, несмотря на уговоры и увещевания чуть полноватого мужчины, безнадежно призывающего Федора отпустить джип.

Так-то парня давно бы оторвали и даже унесли, но обе руки родителя уже были заняты двумя испуганными девчонками, вряд ли старше мальчишки. Их, конечно, можно было бы поставить на землю или перевесить на одно плечо, и мужчина при мне дважды попытался это сделать, но оба раза прекращал под звуки начинающейся девичьей истерики – те ни в какую не желали отпустить отца. В общем, патовая ситуация, и кое-кто это отлично понимал, судя по его скорбному виду. А тут я!

– Вам нужна помощь? – кашлянул я в ладошку, обозначив себя.

На меня глянули с подозрением две пары глаз и еще одна – полная надежды.

– Мой сын, Федор, – засмутился мужчина, указав подбородком в сторону машины. – Вы ведь понимаете, этот стресс, переживания, нервное напряжение и...

– Помочь оторвать? – деловито уточнил я.

– Да, – с облегчением выдохнул мужчина. – Только нежнее, я вас прошу.

– Спокойно, я профессионал, – потер я руки, прицениваясь к фронту работ. – Помню, отрывал как-то собаку от колбасы, так электрик почти не пострадал.

– К-какой электрик?

– Он ел колбасу, – уточнил я.

Федор тут же расставил ноги чуть шире и до побелевших ладоней вцепился в добротный металл ободов. Ну-ну.

– Максим! – настиг меня недовольный Валентин, так что пришлось резко перейти к первой фазе – переговоры! С Лайкой, кстати, не сработало.

– Привет, меня зовут Максим, – дружелюбно представился, присаживаясь рядом с Федором.

Тот еще сильнее запыхтел и демонстративно отвернул голову.

– Хорошая машина, – похвалил, ничуть не обманывая. – Большая,

красивая. Можно погладить?

Федор чуть скосил на меня взгляд, буравя подозрительным взглядом.

– Ну, нельзя так нельзя, – примирительно поднял я руки. – А ты почему ее держишь?

– Моя машина! – категорично буркнул Федор, вжимаясь в ее поверхность. – Мне ее мама подарила.

– Ясно; то есть ты не хочешь, чтобы у тебя ее забрали, верно?

– Ну, – шмыгнул Федор, все еще недоверчиво глядя на меня.

– И пока ты ее держишь, никто не сможет ее забрать, – улыбнулся я, с пониманием озвучив его желание. – Молодец! Только вот вдруг, пока ты держишь машину, украдут папу и сестренку?

Федор нервно заерзал, стараясь не отпустить машину и посмотреть назад. Его отец предусмотрительно отступил ему за спину, так что вскоре парень все-таки убрал одну руку, чтобы оглянуться.

– Вон и дядька какой-то подозрительный рядом уже стоит. Вдруг заберет их себе? Что тебе дороже, а?

Стремительным движением Федор врезался в ноги отцу, вцепился в них руками и тревожно глянул на Валентина.

– Я же говорил, – поднялся я, небрежным жестом отряхнул руки и с чувством превосходства глянул на мужчину. Тот, правда, смотрел на своего малыша, так что для полного удовлетворения я скорчил рожицу девочкам на его плечах. – Всего наилучшего!

Люблю делать хорошие дела!

– Эмм, молодой человек... – затравленно прозвучало из-за спины.

– Что опять?

Отец семейства перевел взгляд со своих ног на меня и с еще большей паникой, чем раньше, громко прошептал:

– Я не могу идти!

Хватка у Федора оказалась на редкость добротной, так что зафиксировал он отца надежно – точно никто не украдет.

– Хм...

– Спасите! – покачнулся после очередного движения мужчина и чуть не завалился на бок.

– Ладно, – вздохнул я, возвращаясь к непутевой семье. – Федор! Тебе же так ничего не видно.

Федор глянул на меня, ожидая новых указаний. Толковый парень!

– Тебе нужна высота!

Тело стремительно поползло вверх.

– Федор, стоять! – озвучила конструкция и тревожно пошатнулась,

готовясь снова паниковать, так как по бокам заревели девочки, совершенно не желая делиться полезным пространством на плечах.

– Хм, а как вы раньше перемещались? – зачесал я подбородок, рассматривая причудливую конструкцию из четырех тел, одно из которых продолжало покорять высоту.

– У нас была мама, – пропыхтел отец семейства. – То есть у нас есть мама, но она уехала вперед, поэтому я тут – вот так... один. Да сделайте что-нибудь!

Это Федор решил зацепиться за что-нибудь, например, за отцово ухо.

– Федор! Там неудобно смотреть. Слазь, у нас есть высота повыше, – оценивающе глянул я на дядьку.

– Я на это не подписывался, – ужаснулся Валентин, постыдно прячась за мою спину. А еще охранник!

– Ладно, карабкайся на меня, – великодушно разрешил, приседая рядом.

Федор тут же забрался на мои плечи, поерзал и уцепился за волосы.

– Волосы не дергать! И ногами не дрыгать! – сразу разочаровался я в своем добродушии.

Все-таки хорошие дела – это не мое.

– Да не дергай ты ногами! – снял я с него кеды и протянул вверх. – Вот, держи оружие. Увидишь врага – бей ботинком по голове.

Тут же раздался глухой звук меткого выстрела.

– Эй! – возмутился Валентин.

– Федор, это дядя Волк.

Второй ботинок впечатался в лоб дядьки.

– Но он хороший дядя Волк, – глянул я вверх, в серьезные глаза Федора. – Его бить не надо. Он с нами. Валентин, верните кеды.

– Не-а.

– Он больше не будет.

– А если он по патрульному кедом саданет? – разумно предположил Валентин.

– И верно. Федор, будешь подавать сигнал об опасности. Увидишь опасность...

– Бей его по голове! – буркнул дядя.

– Отставить. Увидишь – читай стихи, тогда никто не догадается, что ты подаешь сигнал. Все понял?

Федор серьезно кивнул.

– М-может, мы теперь пойдем? – заметил мужчина, со странным взглядом слушая наш диалог.

– Ага. Меня, кстати, Максимом зовут. Это Валентин, у меня на шее Федор, а вас как зовут?

– Михаил Александрович. А это Катя и Тоня, – обозначил он девчонок, приподнимая то одно, то другое плечо.

– Тогда – в путь!

– У нас еще сумки, – замялся Михаил, глядя на джип. – Нет-нет, я сам понесу! Просто если вы бы могли помочь их достать...

– Валентин?

– Сделаю, – без охоты произнес дядька, под руководством отца семейства разгрузив багажник машины.

Четыре солидных баула разместились в руках дяди Волка.

– Мне руки нужны свободными, как я работать буду... – буркнул он, взвесив поклажу и игнорируя слова и без того перегруженного Михаила.

– Меняемся? – кивнул я на Федора.

– Ладно, скину на землю, если что, – тут же снял он все возражения и двинулся впереди нас.

– А это ваш отец? – почему-то обратился ко мне Михаил Александрович.

– Наемный охранник, – не стал я обманывать.

Все равно Валентин скоро повернет обратно и покинет город так же, как мы в него вошли. Мне совсем не нужно, чтобы он узнал мое новое имя.

– А где ваши родители? Простите за бестактность. – Мужчина постарался опередить меня и заглянуть в глаза.

– Сирота.

– Простите... – замялся отец семейства и чуть приотстал.

– Вы в этом не виноваты, – хмыкнул я, продолжая разглядывать пеструю толпу.

Постепенно вся улица тонким ручьем вливалась в гигантскую площадь перед пятиэтажным зданием – в настоящий людской океан, с людскими вихрями и рифами палаток, течениями людей, подхватывающих вновь прибывших, и отдельных омутов без всякого движения.

– «Я покидаю город, как Тезей – свой Лабиринт, оставив Минотавра», – продекламировал над головой тонкий голос Федора.

– Это что? – вздрогнул я.

– Это Бродский, – подсказал Михаил Александрович из-за спины.

– Это к нам приближается местный патруль, – расшифровал сигнал тревоги Валентин, указав подбородком на троих мужчин с автоматами, в серой форме с белоснежным кантом на рукаве.

– Да вроде не к нам, а ко всем, – озвучил я свои наблюдения, заметив,

как отряд останавливает каждую группу, внимательно смотрит на лица, сверяясь с распечаткой на руках, и идет дальше.

– Максим, а если... – отчего-то напрягся Валентин. – Не все солдаты верны присяге; ты понимаешь, о чем я? Они могли поделиться заблуждениями...

Позади так кстати затих Михаил, дав обдумать вполне понятный намек – Тетерин или его подчиненные могли отдать информацию о найденных местным хозяевам.

– Господа, мы вынуждены вас покинуть, – принял я решение, сняв Федора с шеи. – Всем удачи!

Может, мы зря беспокоимся. Но если нет, то вмешивать хороших людей не надо. Их слишком мало, этих хороших людей.

Михаил отчего-то приобрел очень грустный вид, глядя на приближающийся патруль. Видимо, тоже все понял не так. И девчонки еще сильнее обняли папу. А Федор вцепился мне в ноги, не желая отпустить.

– Что опять? – посмотрел я на парня сверху вниз.

Федор шмыгнул первыми слезами и еще крепче прижался к ногам. А хватка – как капкан: Лайке – учиться и учиться.

– Максим? – поторопил Валентин.

– Сможешь пошуметь где-то в стороне, а потом уйти? – уточнил я, не отводя взгляда от Федора.

Отцепить бы я его смог, но только сильно обидев. А если для выполнения какой-то цели надо кого-то обидеть, то уж лучше кого-то другого, а не тех, кто тебе доверяет.

– Могу, но обратно не вернусь, – спокойно ответил он, явно не сомневаясь, что такая задача ему по силам.

– Тогда наш контракт исполнен. Стой!

Валентин замер на полдвижении, вопросительно приподняв бровь.

– Покажи татуировку под майкой. Пожалуйста, – чуть замялся я.

Ведь любопытно же!

Дядя Волк хмыкнул, обернулся к патрулю спиной и на мгновение обнажил странный узор, по которому текла река, а на реке той была скала, а из скалы проросло огромное дерево, в своей кроне хранившее корабль с наполненными ветром парусами.

– Удачи, – заправил он футболку и ловко скрылся в толпе.

– Ничего себе! – ахнул Михаил.

– Да, красиво, – поддержал я.

– Три рисунка над рекой, паруса раскрыты... – продолжил отец

семейства, отчего-то странно поглядывая на меня. – Это ж сколько денег стоил найм?

– Три тонны мороженого.

– Ч-что?.. – растерянно уточнил он.

Я бы повторил, но тут что-то громко жахнуло, да так, что уши заложило до низкого звона и подкашивающихся коленей, но Федор не дал упасть.

– Вперед! – подхватил я Федора на руки, взял половину сумок, убедился, что Михаил следует за нами, и быстро двинулся по краю улицы на площадь.

А крепкий он все-таки человек – остальных неслабо так приложило, да и стекла в паре ближних домов начисто выбило. А затем такой крик поднялся! Хотя все вроде целы и невредимы, только перепугались страшно. Тем не менее патрулю пришлось стрелять в воздух, чтобы толпа успокоилась, ну а мы уже были у главного здания и даже проскочили мимо очереди, мудро выбрав открытое окно вместо двери с ломящейся внутрь толпой.

Глава 22

Фамилия

На прямоугольнике с картой этажа, украшенной алой надписью «План эвакуации», разбегались от многочисленных кабинетов и залов десятки стрелочек, стараясь покинуть здание через шесть входов-выходов, по два на каждую сторону с фасадов дома и по одному с торцов. Мы стояли в нескольких шагах от главного входа, а выйти должны были с бокового торца, к огороженной автобусной стоянке. Только вот все получалось совсем не так просто, как на трехцветной схеме.

– Максим, нам сюда, – окликнул Михаил, указывая на конец очереди, уходящей отчего-то на второй этаж, а затем и на третий, вновь спускаясь вниз по лестнице в дальнем крыле.

Людская цепочка опутывала здание, продеваясь сквозь лестничные пролеты и коридоры, медленно, небольшим шагом раз в каждые пять минут, двигаясь вперед.

Я уже успел пробежаться до второго этажа, посмотрел на перегороженные столами «лишние» коридоры с вооруженными людьми на стульях рядом, услышал много новых стихотворений от Федора, которому понравилось быстро и удобно передвигаться на мне, и много неприятных слов от людей, злых не по своей воле – мне бы тоже не понравилось стоять несколько часов, прислоняясь к холодным желтым стенам. Потому я смотрел на схему, выискивая короткий путь.

– Максим? – спросил терпеливо ждавший Михаил Александрович.

– Спустимся через эту дверь в убежище, – провел я ногтем по обозначению возле двери в двух поворотах от нас. – Такая же дверь есть в другом крыле, значит, между ними должен быть коридор, – провел я воображаемую прямую от значка к значку. – По нему выйдем к техническим помещениям. Это совсем рядом с кабинетами регистрации, но с другой стороны.

– Может, в очереди постоим?

– Федор хочет кушать, – категорично отказал я.

Сверху согласно угукнули.

– Мы тоже! – пискнула Тоня.

– Возможно, но вы хотя бы не жуετε мои волосы, – буркнул я, постаравшись одарить Федора укоризненным взглядом. – В общем, идем

за мной.

Дверь в убежище обнаружилась на своем месте, в небольшом закутке за общим залом, и оказалась надежно заперта – зато и солдата рядом не обнаружилось.

– Закрыто, ключа нет. Вернемся? – с надеждой спросил Михаил.

– Да не особо и закрыта, – влил я Силу к рукам и неторопливо надавил ладонью возле верхней петли, постепенно усиливая нажим под печальный стон дерева и металла.

– Ведь кто-нибудь услышит! – запаниковал отец Федора, оглядываясь.

– Тоня, Катя, поплачьте немного, – попросил я девчонок, увидел непонимание в глазенках, обреченно выдохнул и обратился к единственному толковому человеку в семействе: – Федор, кусай их!

Коридор тут же наполнился девичьим плачем, за которым звук выламываемых петель совсем терялся. Я давил, пока что-то на той стороне не лязгнуло, а верхний край не отошел от косяка на десяток сантиметров. Еще одно нажатие – теперь уже с известной силой и скоростью – и дверь звучно накренилась, открывая проход в прохладный и сырой коридор, уходящий ниже, таинственный и темный. Даже девчонки прекратили плакать и с интересом, замешенным на опаске, смотрели в темный провал задверья.

Михаил Александрович помог аккуратно отодвинуть створку, а затем поставить ее на место, когда мы очутились внутри.

– Темно, – чуть дрогнувшим голосом озвучил Федор.

– Хм... – повозил я ладонью по стене, надеясь нащупать выключатель в крошечной тьме.

Рядом приготовились плакать мелкие.

– Вернемся? – чуть грустно повторил Михаил.

Неужели ему не интересно, что там дальше? Какие тайны хранит сырое подземелье, как долго тут не было людей, что они оставили за собой, какие ходы тянутся из этого места и куда они ведут... Страшновато, конечно, до мурашек на спине, но ведь очень любопытно!

В темноте что-то отчетливо мигнуло, совсем рядом. И чувство теплого покалывания – такое знакомое и забытое, казалось, навсегда...

– Вы это видели? – дернулся дядя Миша рядом. – Там, в темноте!

Шею сдавили ноги Федора – он тоже заметил.

– Не там, – с улыбкой произнес я, поднося сжатую ладонь к лицу. – Здесь.

С невероятной надеждой, интересом, тоской и желанием новой встречи раскрывал я ладонь. А когда раскрыл – темнота озарилась

крохотной искоркой, медленно плывущей над рукой.

– Что это? – будто стараясь не спугнуть, тихонько шепнул Михаил.

И даже Федор, согнувшийся до касания своим подбородком моего лба, старался сопеть совсем тихо.

– Душа, – негромко ответил я, вливая свое Любопытство широкой рекой, искренне боясь, что сейчас этот маленький огонек вновь исчезнет из моей жизни.

Серые коридоры озарились теплым светом маленького ручного солнца.

– Какая яркая! – восхитился Федор.

– А это не опасно?

– Опасно остаться без нее, – вспомнил я последние два года. – Идем, – и первым зашагал по спуску вниз, освещая нам всем дорогу.

Просторный коридор несколько раз свернул под прямым углом, постоянно снижаясь, пока не вывел в широкий зал с десятком ответвлений. Если бы не считал повороты – совсем бы потерялся, и крупные надписи «Убежище» с последующим номером никак бы не подсказали, куда идти дальше. Кроме пустых помещений с массивными скамейками возле стен нам совсем ничего не попадалось – наверное, если кто тут и обитал, или просто оставил что-то интересное, то в других местах. Хотя иногда казалось, что на границе света и тени что-то есть, – по крайней мере, девчонки постоянно кого-то наблюдали и пищали в плечи отцу. Но я больше доверял Федору – за весь путь он только единожды процитировал Байрона, да и то причиной оказался пожарный щит, сверкнувший металлом подвешенного ведра.

Поднимались мы по такому же коридору, стараясь соблюдать тишину – в этой части здания все помещения занимали новые хозяева города, шум толпы долетал слабо, и любые звуки из-за закрытой двери могли заинтересовать охрану. Дверь выламывать не пришлось – с внутренней стороны она открывалась без ключа. Разве что дважды хрустнул механизм и скрипнула петля, но, к счастью, за те пять минут, пока мы ожидали неприятностей, стоя по эту сторону убежища, ничего не случилось.

– Идем, – махнул я рукой и, подавая пример, спокойно вышел за поворот.

– То, что мы делаем, очень опасно, – все-таки выговорил мне Михаил, перед тем как шагнуть вперед.

Будто не верил, что это все происходит с ним и достаточно просто идти следом, чтобы приключение продолжалось.

– В худшем случае нас выставят обратно, – пожал я плечами, вовсе не тревожась и не переживая – восторг новой встречи с личным чудом

переполнял сердце, окрылял, подначивал улыбаться и научить Федора нормальным стихам – веселым и солнечным. Бояться и переживать совсем не хотелось.

Я не бежал от людей и не пытался скрыться, наоборот, тут же подошел к идущей по своим делам женщине и вежливо поинтересовался:

– Я потерял документы, вы не подскажете...

– Поворот, второй кабинет по правую руку, – мазнула она взглядом и прошла мимо, не задерживаясь.

Я только и успел запомнить имя-отчество на прямоугольной карточке, закрепленной на ее груди, их же повторил постовому за очередным столом возле поворота.

– Нас направила сюда Татьяна Петровна, – ответил я кристально чистую правду на грозный вопрос: «Стой, куда?»

– Проходите. – Напряжение пропало с лица солдата, и его внимание вновь возвратилось к небольшой газетке на столе.

По правую руку оказался просторный кабинет с тремя дамами за небольшими, в школьную парту размером, столами, занятыми прямоугольниками мониторов. Зато на полу небольшими башенками громоздились бумаги – их производил порывающий принтер в тот же стол размером, обитающий у окна. Казалось, тронь хотя бы одну стопочку – и рухнут все остальные, завалив весь кабинет бело-черными лепестками. Так что к ближайшему столу идти приходилось очень осторожно – потому как на мое покашливание не обернулся никто. Михаил разумно остался возле двери, явно не доверяя небольшим коридорчикам между стопками и собственной грации с габаритными сумками. Федора тоже пришлось сгрузить.

– Здравствуйте!

Женщина лет сорока на вид отбила новую канонаду на клавиатуре.

– Меня направила Татьяна Петровна, – произнес я волшебную фразу.

На меня внимательно посмотрели усталые омуты серых глаз.

– Я документы потерял, – улыбнулся ослепительной улыбкой.

– Любой документ с указанием имени, фотографией и печатью, – холодно озвучил равнодушный голос. – Банковские карты, свидетельство о рождении?

– Ничего нет, – оптимистично продолжал я улыбаться.

– Ходатайство родителей, свидетельство трех полных граждан?

– Эмм... – невольно занервничал я.

В самом деле, кто сказал, что тут все будет так просто? Скорее, я сам себе это придумал, а теперь стою, не зная, что делать. Почему-то

показалось, что упрашивать эти серые глаза совершенно без толку.

– Максим, да что ты молчишь? – Рядом неожиданно оказался Михаил, суетливо доставая из кармана портмоне с документами. – Здравствуйте, красавицы, это мой сын. Вот мой паспорт. Мне надо написать заявление? – Выжидательно замер он, выудив откуда-то солидную металлическую ручку.

– Ваш сын? – протянула женщина.

– Мой брат! – ткнулся в ногу Федор, крепко прижимаясь и с вызовом глядя на тетеньку.

– Брат! – обняли девчонки с другой стороны.

– Понятно, – хмыкнула дама, дважды кликнула по экрану и скосила взгляд на паспорт Михаила. – Получается, Самойлов Максим Михайлович?

– Да, – подтвердил я пересохшим горлом под дикий стук взволнованного сердца.

– Дата рождения, возраст, место рождения.

– Десятое апреля, – выручил меня Михаил.

Я отчего-то не мог сказать и слова, путаясь – говорить ли первое января, в которое все в интернате справляли единый день рождения на всех – и на наступивший год тоже. Или сказать про июнь, дата которого отражена в моем досье, оставленном в сейфе директрисы.

– Подданство?

– Имперское.

– Не желаете оформить под нашим гербом? Будут льготы и трудоустройство. Нет? – без особого желания подытожила она, отсылая документ на печать.

Принтер вжикнул новой бумагой – не пластиком, а листом гербового листка, с моим именем и новой фамилией. Звучно бряцнула печать, украшая гербом подножие документа, вжикнул росчерк черной перьевой ручки, отрисовывая подпись дамы.

– Временное удостоверение. В имперской канцелярии поменяют на основной документ и примут у вас присягу.

– Спасибо... – выдохнул я, обращаясь ко всем сразу.

Даже даму проняло – уголки губ слегка поднялись в ответной улыбке.

– Нам дальше – на автобус?

– Купить билеты можно в шестом кабинете, – тут же похолодела женщина, возвращаясь к дробному перестуку по клавишам.

– Всего доброго!

За дверью Федор по-хозяйски завладел моей рукой, обняв ее двумя своими, и гордо вышагивал рядом, с вызовом глядя на всех, кто проходил мимо.

– Один билет – десять тысяч, – пробубнил мужчина за основательной металлической стойкой, скрытой толстым стеклом с металлическим ящиком в углублении под рамой.

Ящик тут же скрипнул, сдвинувшись к нам и предлагая внести деньги.

– Сколько?! – возмутился даже вечно спокойный Михаил.

– Вы можете взять кредит, образцы документов – на стойке информации, или внести стоимость ценными предметами, – явно в сотый раз за день произнес человек, внимательно глядя на нас – не только на Михаила, но и на девочек на его плечах, на Федора и меня.

– Но это же грабеж!

– Вы можете не покупать билеты. Через две недели карантин завершится.

– И как нам жить эти две недели?! В городе все закрыто!

– Вы можете заказать деньги у родственников: телефоны – у стены, – указал он подбородком в другую сторону длинного зала, с тремя автоматами, уже занятыми небольшой очередью – хмурой и кипящей от гнева.

Всего в зале было десятков окошек, и, судя по тому, что рядом явно возмущались чужой жадности, цена была одна на всех. Невероятная цена.

– Детям есть скидки? – явно подозревая ответ, уточнил Михаил.

– Нет. С вас пятьдесят тысяч рублей. Оплачивайте или не задерживайте очередь. – Он демонстративно повернулся назад, к скамейке с вооруженными солдатами, внимательно наблюдавшими за легальным грабежом.

– Мы хотим идти пешком!

– Пеший проход через блокпосты запрещен на время карантина.

Михаил всплеснул руками, слегка беспомощно глядя на меня.

– И ничего нельзя сделать? – скептически уточнил я, с подозрением уловив излишнюю разговорчивость служащего.

Ведь не прогоняет... А через два окошка кассы молодая пара, явно не выглядящая богачами, с улыбкой подписывает какие-то бумаги. Так с деньгами не расстаются!

– Для сменивших подданство билеты бесплатны, выдаются подъемные с рассрочкой на двадцать лет и гарантируется трудоустройство, – разразился служащий мурлыкающей речью.

– Пожизненное трудоустройство, – с ожесточением поправил его Михаил, доставая кошелек. – Мы заплатим.

Захрустели банкноты, перемещаясь в несколько столбиков. Затем вновь собрались в одну пачку и вновь были пересчитаны. И снова.

– Не хватает немного, – буркнул Михаил, ни на кого не глядя.

– Я могу подождать в городе, – подал я голос.

В самом деле, пройду обратным путем, а там – через лесок и в Корноухово.

– Нет, сын! – категорично ответил он. – Вот, возьмите цепочку.

К деньгам, закинутым в ящик, добавилась толстая желтая цепь, снятая с шеи и освобожденная от крестика – его Михаил положил в нагрудный карман.

– Сорок две тысячи. – Озвучил служащий, пересчитав бумажки и равнодушно скинув их куда-то возле ног. – Цепочка – на пятьсот.

– Ей цена десять тысяч! Это ювелирное изделие!

– Тут мы определяем цены, – построжел мужчина.

– Но у нас больше ничего нет!

– Серьги у девочек, обручальное кольцо, крест, – перечислил он, вызывая у меня ненависть своим равнодушием и деловитостью.

– Тоня, Катя... – надломленным голосом произнес Михаил, – доченьки, я вам новые подарю.

Под тихие слезы красивые сережки с алыми камешками и кольцо бряцнули в ящик и были так же сметены куда-то под стол.

– Ваши билеты. Следующий! – крикнул служащий поверх наших голов.

Тут же встал солдат, аккуратно оттесняя нас от стойки в сторону выхода на автобусную станцию.

– Грабеж... – в ярости шипел рядом Михаил, совсем растеряв свой привычный вежливый и учтивый вид. – Я бы их... попадись они мне...

– Полностью согласен, – хмуро кивнул я, совсем не радуясь серым прямоугольникам билетов и завершению пути.

За такие деньги можно купить автобус, а не пять мест на него.

Автобусная площадка кипела грустной, но оптимистичной суетой – кто-то потерял деньги, кто-то осознал, что потерял свободу, но предчувствие, что скоро самое плохое останется позади, бодрило и рисовало робкие улыбки на хмурых лицах.

– Ваши места тридцать шесть – тридцать восемь, автобус шестнадцать. – Солдат у входа в обычный междугородный автобус пропустил вперед Михаила и девчонок и тут же поставил ладонь перед моей грудью. – Места один – два, автобус семнадцать. Отправление через час.

– Пропустите, это мои дети! – возмутился отец с верхних ступенек.

– Не положено, – сухо ответил солдат.

– Да как вы не понимаете – они же маленькие! – запаниковал Михаил, намереваясь заблокировать двери.

– Автобус едет от станции до станции, ничего с ними не будет! – гаркнул билетер, отгораживаясь прикладом. – Дождешься на станции, не держи машину!

– Мы доедем, – оптимистично улыбнулся я через окно.

– Мы доедем, пап! – пискнул Федор, держа меня за руку.

Дверь с шипением закрылась, рыкнул мотор, набирая обороты. На наших глазах автобус развернулся и бодро покатил за ворота.

– Все будет хорошо... пап, – добавил я, с трудом выговорив необычное слово. – Пойдем, не будем стоять на дороге.

– Что будем делать? – дернул меня за руку Федор.

Я положил сумки на траву у бордюра, взгромоздил сверху брата.

– Ты будешь охранять наши сумки, – бодро ответил я ему.

– А ты?

– А я отойду ненадолго, но обязательно вернусь! Тайное дело, – подмигнул и легонько щелкнул его по носу.

– Какое? – фыркнул он, улыбаясь.

– Открою тебе небольшой секрет. Я немного император. И мне надо кое-кому объяснить, что у семьи императора воровать нельзя.

Глава 23

Во славу императора

Маленькие детали легко напоминают целое – мельком увиденные кадры нарисуют образ просмотренного фильма, обрывки мелодии из пролетевшей мимо машины соберутся в песню. Однажды увиденное вспомнится с трудом, но то, что запало в душу, всплывет перед глазами без труда.

Товары без чеков, продажа без кассы, наглость и власть. Я знаю название картины, собранной из этих фраз. Она называется «Хозяева далеко и ничего не узнают».

Дядя Коля многое рассказывал про аристократов, еще что-то прочитал я сам. В этих историях не было, чтобы высокородные нарушали свое слово. Не в их сути идти против данного обещания. Проигравшие получили свободу, хотя могли стать рабами. Им оставили деньги, хотя могли бы выдворить без гроша. Победитель проявил милосердие. А какая-то крыса в этом здании решила наплевать на слово хозяина и набить себе карман.

Несмотря на гнев, туманящий разум, я должен был признать, что все у нее отлично получится. Большинство людей уже уехало, и вряд ли с них брали хоть какую-то плату, значит, все заявления о баснословных ценах воспримут как вранье единиц против правды тысяч. Даже журналисты вряд ли отнесутся всерьез к этой истории, но если и поверят, то остерегутся действовать против сильного рода, имея на руках только слова. А какие могут быть доказательства? На билетах нет цены, а в кредитных договорах речь только о том, что кто-то занял десять тысяч рублей... И, видимо, не хочет отдавать, пытаясь оболгать честнейших людей.

В мире взрослых много подлости и обмана. Но я к нему хорошо подготовился.

Кажется, я хотел тихо и мирно пройти этот город, став новым человеком. Даже сейчас могу это сделать – достаточно потерпеть полчаса, сесть в автобус и прибыть на станцию. Но в этом случае этот самый новый «я» получится дрянным человечком. И уж точно не станет императором.

Я не мог иначе. Не мог обрести семью и тут же стать виновником ее нищеты. Ведь если бы не я, то у отца осталось бы несколько тысяч и цепочка, у сестренки – их украшения. Наверное, они мне простят, но я буду помнить каждый момент, когда придется продавать вещи и ютиться

по крошечным комнаткам впятером. Поэтому я пойду и верну то, что принадлежит моей семье по праву.

Здание вокзала одарило прохладой, ощутимой после уличной жары – солнце к обеду палило нещадно, а разогретый асфальт только добавлял градусов, поджаривая снизу. Сделав шаг внутрь, привалился к углу за дверью, внимательно оглядывая коридор и планируя следующий шаг.

Во мне не было страха – в самом деле, зачем бояться крысу? Это она должна бояться, опасаясь света и шума – огласки и гнева тех, кто ее сюда поставил и чью репутацию она портит. Тем более я не один – звезда на руке мигнула живым светом и вновь скрылась в закрытой ладони.

Вызвать пожар, дожждаться рева сирены и сработавшей системы пожаротушения, заливающей все вокруг, использовать дар. Под искусственным дождем, разрезаемым электрическими всполохами насквозь, пройти по телам врагов. Добраться до захоронки местной крысы – судя по наглости владельца, она должна быть весьма неплоха. Забрать себе все, заставить выживших перекидать добычу в автобус, покинуть город. Такие деньги оправдают риск, а на территории империи достаточно княжеств, где очень не любят местных хозяев.

Встряхнул головой и попрощался с этой идеей – яркой и безрассудной. Я ведь теперь не один, чтобы драться без оглядки. У меня теперь есть семья, и я за них в ответе. Поэтому надо действовать вежливо, стараясь не накликать беду на тех, кто принял меня к себе и поделился своей фамилией.

К тому же в мире взрослых все гораздо сложнее, чем в маленьком мирке интерната, где каждый отвечал за свои поступки сам и с каждого можно было взыскать по его вине. В этом мире так не получится, тут даже у крысы есть хозяин – вон его герб полощется на флагштоке у входа, если глянуть в окно. И хозяин уж точно не будет рад, если ценного питомца покалечат. Мне тоже не понравилось бы, если кто-то пнул Лайку, даже если она десять раз виновата, – потому что наказывать ее имею право только я.

План выстроился сам, собравшись стройной цепочкой мыслей и действий, предположений и старого опыта.

Я устроился в неприметном уголке коридора, за массивной кадкой с папоротником, терпеливо запоминая, куда идут люди с бейджиками на груди и что у них в руках. Через пару минут стало ясно местоположение кухни – батончики и газировка появлялись из левого коридора, перемещаясь в руках служащих к рабочим местам. Чуть прошел дальше, остановившись при виде нового поста с вооруженным человеком. Его просто так уже не пройти, вряд ли на внутреннюю кухню пустят

посторонних. Значит, надо переключить внимание охраны на что-то более интересное, чем безлюдный коридор.

Металлическую створку электрического щитка я заметил заранее, зацепившись взглядом за знакомую молнию и предостережение, выведенное желтым трафаретом. На ней не было замка, только хитрая застёжка, которую требовалось поднять и повернуть – после чего становился доступен ровный ряд черных переключателей, с номерами кабинетов, выведенными на приклеенных желтоватых бумажках рядышком. Последовательно пощелкав каждым из них, я дождался панического вопля, полного скорби и потерянных данных, совсем рядом с нужным коридором.

– Техника – она такая, да, – поцокал я сочувственно.

Даже головой покачал, сопереживая – сколько несохраненных игр в свое время было потеряно!

Этот переключатель я назад не вернул, оставив совсем маленький зазор между рабочим положением, и с чувством выполненного долга перешел в другую часть коридора, чтобы нужный мне проход остался между мной и «выбитым» переключателем.

Расчет оправдался полностью – на отчаянные крики тут же прибыл солдат, ему же достались уговоры все исправить. Так что пока мужчина, перекинув автомат за плечо и отгородившись створкой, чесал затылок, глядя внутрь щитка, я спокойно прошел дальше, двигаясь на запах свежей выпечки и ароматного кофе.

Всем известно, что отличает повара от обычного человека – белоснежный халат и безграничное доверие к его обладателю. Все-таки из его рук берут еду. Мне нужна была маскировка и повод поговорить со здешним начальником, и я не видел возможности лучше, чем стать на пару минут тем, кто его кормит.

Вывеска «Кафетерий» рядом с открытой дверью явно осталась с тех времен, когда здание украшали совсем другие флаги. Как, впрочем, и обстановка просторного зала с двумя десятками круглых столиков, из которых занято было всего два. У витрины с холодильными установками, закрывшись от мира высокой стойкой и прямоугольником распечатанного меню, вдетого между двух прозрачных стекол, скучал продавец, вдумчиво изучая что-то на своем телефоне. Я не стал его тревожить и спокойно прошел направо, к двери рядом с окошком для выдачи. Меня никто не окликнул, хотя дверь скрипнула довольно громко, причем дважды – вряд ли тут ждали чужих, и если кто-то спокойно идет во внутренние помещения, то наверняка имеет на это право.

Смежное помещение заливало светом из четырех огромных окон без занавесок. Громко шумела вода, поливая посуду в железных раковинах, дрожали старыми подшипниками массивные агрегаты, шипели кастрюли на огромных плитах, и вокруг всего этого несуетливо прохаживались три женщины в белоснежных халатах и косынках, проверяя готовность блюд, сверяясь с большими часами у противоположной стены и мнением габаритного мужчины, нависавшего над тройкой небольших кастрюлек у отдельной плиты. Он-то мне и нужен – явно тут самый главный. Ведь каждый знает – чем больше пузо, тем важнее человек.

– Тебе чего, мальчик? – недовольно покосился он на меня, перемешивая что-то вкусное в маленькой кастрюльке.

– Твоему начальнику нужна еда, – надавил я своей волей и чуть наклонил голову.

– Не готово, – поджал он губы и, к своей беде, зацепился за мой взгляд.

– Передай ему питьевую воду, – повелительно прозвучало в комнате, перекрывая звуки огня и воды, металла и собственных мыслей.

Под шелест шагов других поваров, спешивших отгородиться широким столом от осязаемой, хоть и не понятой разумом опасности, я ожидал, пока мой талант возьмет верх над характером нестарого, а оттого опытного и сильного соперника. В моем голосе не было волшебства.

Как-то я попросил понаблюдать за моими переговорами Олега – один из поставщиков хотел за молоко больше прежнего да еще подговаривал остальных не отдавать дешевле установленной цены. Ушел он, к слову, потеряв пять процентов к прежнему ценнику.

А уже после Олег, захлебываясь словами, с полным восторга взглядом описывал, как двигалось мое тело, как пытался мой собеседник следовать за моими движениями, повторяя их, но я тут же ломал его попытки, угловатым движением искажая отраженную картину. В эти секунды он терялся, неловко застывая, его плечи опадали, глаза становились на крупницу бессмысленнее. Следовала новая попытка повторить жест – и я продолжал изматывать волю, совсем незаметно перемещая плечи, меняя опорную ногу. Пока тот, от которого мне что-то было нужно, не стоял с пустым взглядом, слегка покачиваясь из стороны в сторону. В этом наваждении я мог требовать что угодно и наверняка бы получил – разумеется, до того момента, как разум собеседника не прояснится и появятся логичные вопросы к себе и ко мне. Поэтому я старался не просить слишком много, забирая ровно столько, чтобы мой партнер ограничился тихим матерным словом да махнул рукой, с опаской посмотрев назад.

– Воды... – повторил за мной повар.

– Ты хочешь дать мне питьевую воду для своего начальника, – подсказал я ему.

– Конечно, вот... – Движениями, далекими от плавности, прошагал он к угловому шкафу и выудил оттуда упаковку минеральной воды.

Не останавливаясь, подтянул вторую и нацелился на третью.

– Достаточно. Встань. Куда я должен ее отнести?

– Валентину Андреевичу... – безэмоциональной куклой поведал он.

– Как я должен туда пройти?

– Выйти, направо, до конца коридора, показать пропуск, лифт на четвертый этаж... – прошамкал главный повар под настороженными взглядами своих подчиненных.

Как бы с ними не было проблем... Впрочем, успею.

– Дай мне халат. Постарайся найти моего размера, – расправил я плечи и поднял руки, чтобы продемонстрировать свои габариты.

Мужчина зашагал к шкафу возле входа, почти не глядя выдернул вешалку с белоснежным халатом из ряда таких же, с прикрепленным бейджиком «Александр». Поварской колпак выудил я сам, выбрав самый большой, и, слегка расправив, нацепил так, чтобы чуть прикрыть глаза и лицо для тех, кто будет смотреть сверху.

– Дай мне пропуск.

Из широкого кармана появилась бронзовая бляха с гербовым узором и перекочевала в мою руку, а затем и в нагрудный кармашек надетого халата.

– И котлету.

– Н-но у нас нет...

– Очень жаль. Но да ладно. Чувствуй себя хорошо, не тревожься и гордись собой.

– Мне хорошо, – воспрянул мужчина, робко улыбнувшись.

– Продолжайте работу! – в последний раз надавил я голосом и покинул кухню под рык главного повара, требовавшего то же самое.

Две упаковки «Эвиана» слегка оттягивали руки, так что, добравшись до очередного поста возле лифта, скинул я свою поклажу с видимым удовольствием.

– Куда? – грозно произнес солдат, окидывая меня подозрительным взглядом.

– Вот, несу на четвертый, – указал я одной рукой на упаковки, одновременно выуживая пропуск, – жарко ведь.

И тут же неприятно заныло в животе – а вдруг они просто заберут воду

и отнесут сами? А вдруг они знают Александра, а я уж точно совсем не он?

– А шеф что? – чуть расслабился солдат.

– Готовит еще, – пожав плечами, ответил я чистую правду, тихонько выдыхая отпустившее напряжение – вроде обойдется.

– Заходи, – хлопнул он по кнопке вызова и тут же рывкнул без всякого перехода: – И не смей ставить воду господина на пол, выпорю!

– Как скажете, – хмыкнул, вновь поднимая упаковки над полом.

Только после того как двери захлопнулись, а пол слегка ударил по ногам, обозначая движение лифта, я выдохнул в полную силу. И тут же с силой вдохнул, быстро прокачивая воздух через легкие, до легкого головокружения и легкости мыслей. Так что на четвертый вышагнул вновь, сияя улыбкой и любопытством, – интересно ведь, где и как обитает местный главный злодей.

Возле лифта оказался еще один пост, внимательно оглядевший пропуск и поинтересовавшийся здоровьем главного повара. Но, в отличие от солдат на первом этаже, эти не постеснялись ограбить своего господина на три бутылки, опустошив вполовину одну из пачек. И даже посмеивались, когда я робко просил все вернуть обратно. Еще три бутылки забрали солдаты возле массивной двери с золоченой табличкой «Директор вокзала», но это вроде как в порядке вещей – не две же упаковки пить начальнику и не ему самому бегать и заботиться о жажде своих слуг. Так что, выходит, со второй упаковкой я угадал.

В кабинет босса меня пускать не хотели, но тут уже я сам прорвался за створку, гневно заявив, что это единственный способ спасти остаток доверенного груза. И меня даже поймали за колпак, который так и остался во вражьих руках, когда дверь вновь захлопнулась – шуметь при господине поостереглись, тихонько пообещав плетей. Ну-ну.

Большой кабинет с единственным столом, окруженным грубо сколоченными полками с десятками мониторов, придвинутых вплотную друг к другу, выглядел временным пристанищем, но никак не местом, где нынешний хозяин собрался остаться надолго. Мягкие ковры почти не просматривались под нагромождением аппаратуры и электрических кабелей, часть которых бесхитростно выходили на улицу прямо через окно. Декоративный камин у стены слева оказался завален сумками, часть из которых была раскрыта, демонстрируя одежду – белье и аккуратно свернутые рубашки. Более-менее можно было пройти непосредственно рядом со столом и у барной стойки возле левой от стола стены.

– Ты кто? – окликнул строгий голос из-за стойки с мониторами, в щель между двумя из них глянул нахмурившийся глаз.

– Воду принес, – обняв пачку так, чтобы было видно мои руки, успокоил я местного хозяина.

– Кидай у барной стойки, – потерял он интерес, продолжив деловито щелкать по клавиатуре.

– Ага, – улыбнулся я ему и еще немного приблизился к своей цели.

Со звучным хрустом полиэтилен упаковки был разорван, а бутылки разложены в ряд – медленно, чтобы привлеченный звуком босс вновь потерял ко мне интерес. Тихонько выудил алую бабочку из кармана шорт, приладил под воротник рубашки и внимательно оглядел в зеркале барной стойки – нормально, можно работать.

Забрав с собой одну бутылку и прозрачный бокал, я не спеша направился к столу, с интересом оглядывая главного крыса – теперь этому ничего не мешало, полки с мониторами не перекрывали обзор. И на главного крыса он совсем не был похож – так же, как и на злодея или грабителя. Обычный парень лет двадцати, ужасно усталый, с серыми от недосыпа глазами – почти как у меня, если не посплю еще денька два-три. Закатав рукава некогда белоснежной рубашки, сосредоточенно набивает какой-то текст на экране ноутбука, то и дело поглядывая на один из экранов с черно-белой картинкой. Пригляделся: на каждом мониторе – часть внутри здания или площади перед ним. Иногда картинка движется, словно камера закреплена на низко летящей птице, а порой на ней нет ничего, кроме мерцания белого шума. И ни одного изображения стопок с деньгами или небрежно сваленных в кучу сокровищ. Даже в кабинете я не заметил ни единой купюры. Впрочем, это не отменяет преступления против меня и моей семьи.

– Я же сказал... – раздраженно произнес Валентин Андреевич, заметив меня рядом с собой.

Но я уже аккуратно наполнял бокал, поставив его на стол. Виновато пожал плечами и подвинул сосуд парню.

– А теперь – вон, – недовольно буркнул он, соизволив мельком глянуть на воду и вновь вернувшись к тексту.

– Мог бы и спасибо сказать, – посетовал я, перемещая огонек звезды в правую ладонь.

– Что? – дернулся тот в начальственном рыке, но был слегка придавлен мною за шею левой рукой, с одновременным выплеском Любопытства.

– Вежливость, Валентин, – повторил я, еще одним всполохом своего дара препятствуя его попытке вызвать силу, – а еще честность и благородство.

В моей правой руке вспыхнула звездочка и, сопровождаемая ладонью,

проплыла к бокалу с водой. А затем медленно погрузилась в середину бокала, расцвечивая стекло красивыми всполохами. Звезде все равно, где обитать, – она хоть и дальняя родственница моему дару, но некогда спокойно прошла через мое тело.

Парень затравленно сжался в кресле, глядя то на меня, то на бокал.

– Ч-что тебе нужно? – выдавил он из себя, получив новый разряд за подозрительное движение руками под столом.

– Пей, не стесняйся, – дружелюбно предложил я.

– Я н-не буду это пить! – громко возмутился босс.

– Тогда я просто тебя убью, – улыбнулся я в ответ, поднося бокал к его губам. – Ну же, не заставляй меня выбить тебе зубы этим замечательным стеклом. Ам?

Немного уговоров и электричества – и глоток со звездочкой легко проскочил внутрь организма.

– Вот видишь, ничего страшного, – похлопал я его по щеке освободившейся от бокала рукой. – Не делай резких движений, и звезда не сожжет твои внутренности. Потом я ее уберу, не переживай.

Левой рукой, по-прежнему лежащей на его шее, «настроился» на расстояние до звездочки – в самом деле, мне совсем не хотелось делать больно этому человеку, но мне нужна была гарантия его разумного поведения.

– И что я должен сделать? – задыхал он громко.

– Мне нужна связь с твоим хозяином, – сохраняя спокойствие, сообщил ему условия, кивнув в сторону экрана.

Сотовой связи в городе не было, аппараты в общем зале контролировались – наверняка как и звонки по ним. У рядового персонала вряд ли был выход на тех, кто имел право принимать решения, зато у хозяина кабинета определенно имелась связь – вон светится зеленым в правом нижнем углу монитора знакомая пиктограмма.

– У меня нет хозяина!

– Это ты так думаешь, – хмыкнул я. – Покажи контакт-лист.

Чуть дрожащей рукой, пару раз скривившись от боли в желудке, парень вывел на экран окно интернет-телефона.

Солидный список, большая часть которого была оформлена в едином стиле – фамилия, имя, отчество, без единого комментария или фотографии. Даже если брать только тех, чья фамилия также являлась именем клана-победителя, выбор из двенадцати позиций мог обернуться звонками к совершенно посторонним людям, потерей времени и угрозой провала.

– Шестая строчка сверху, – сделал я свой выбор. – Там, где написано:

«Папа».

– М-может, не надо? – робко уточнил грозный босс целого вокзала.

Перехватив мышку, я уверенно клацнул на вызов и принялся терпеливо считать трели звонка.

– Валик, я сильно занят, – пробурчали с экрана одновременно с появлением картинки на экране – за широким столом сидел крепкий мужчина, терпеливо вчитываясь в один из десятка подшитых листков в папке перед собой. За его спиной виднелся уголок камина, заставленный небольшими статуэтками, а с другой стороны – столик с тремя старомодными телефонами без диска.

– Здравствуйте, уважаемый, – успел я произнести раньше, чем сын этого уважаемого человека произнесет глупости про нападение и захват.

Мужчина на экране дернулся от незнакомого голоса и соизволил посмотреть в глазок видеокамеры.

– Приношу извинения, что вынужден вас отвлечь от важных дел, – продолжил я. – К сожалению, дело не требует отлагательств. Я и моя семья, покидая этот чудесный город, были вынуждены заплатить десять тысяч рублей за билет. Когда у нас не хватило денег, ваши любезные слуги согласились забрать наше золото в качестве оплаты, оставив без средств к существованию. То же самое постигло остальных беженцев, и все они теперь думают, что слово вашего клана, гарантирующее сохранность ручной клади, ничего не значит.

Мужчина с экрана внимательно выслушал мои слова, хмурясь от предложения к предложению. Под конец лицо его обрело гневный румянец, а ладони сжались в кулаки. Наверное, заметил мою руку на шее своего сына – не мудрено не заметить – и разозлился. Видимо, честь в этом мире не так важна, как рассказывал дядя Коля...

– Валентин, это правда? – вкрадчиво спросили с той стороны.

– Н-не совсем... То есть... – дернулся в моих руках парень.

– В-Валентин!.. – прошипел он королевской коброй, придвигаясь к экрану и сметая папку с бумагами в сторону. – Ты ч-што себе позволяешь?

– П-папа, я просто... – зачастил парень.

– Не смей перебивать отца! – гаркнуло с экрана так, что колонки засвистели. – Да как ты посмел, гаденыш-ш?

– Я отвечу сам! – гордо выпрямился Валентин, да так, что пришлось удерживать его за шею, чтобы звезда внутри него не поранила желудок.

– Спрашивать станут со всей нашей семьи!!! С тебя, с меня, с твоей матери и твоих братьев!!! – Аккуратная стопка бумаг разлетелась

от гневного удара. – Молись, чтобы старшие не узнали раньше, чем я все исправлю! Я немедленно вылетаю к тебе, – собрался мужчина, умудрившись за какое-то мгновение полностью отринуть все эмоции, превратившись в безэмоциональную статую самого себя. Только сбившийся воротник рубашки выдавал недавнюю бурю.

– К-хм, – обратил я на себя внимание. – Если все это оказалось прискорбной ошибкой...

– Не сомневайтесь, так и есть! Мм, юноша?.. Вы не могли бы озвучить свое имя, чтобы я мог принести извинения по всей форме? И мне не совсем удобно разговаривать с вашим халатом, рукой и изящной бабочкой.

– Меня зовут Максим, и мне будет достаточно, если моей семье вернут то, что было взято из-за... ошибки. К сожалению, я не могу передвинуться, чтобы попасть в кадр, иначе ваш сын умрет, – добавил я печали в голос.

– Эмм, разумеется, вам все вернут... – Монолитная маска дрогнула, выдавая тревогу за сына. – Прошу не наказывать Валентина слишком сильно, он в первый раз на таком посту.

– Папа! – дернулся парень, и его вновь пришлось крепко удерживать за шею.

– Молчи! – строго одернул его отец.

– Я пришел не за его жизнью, но не отказался бы от сувенира. Это будет честно, как вы считаете?

– Но должны быть определенные рамки... – как-то замялся мужчина, не отрываясь глядя куда-то на шею своего сына.

– О, они будут соблюдены, – с готовностью поддержал я. – Я возьму то, что вряд ли нужно вашему сыну.

– Подождите! – засуетился отец парня. – Забирайте что хотите, но не убивайте его!

Хм. Я с удивлением оглядел раскрывшиеся от ужаса глаза Валентина, мою руку на его шее, и сопоставил с реакцией его отца. Они что, решили, что мне нужна его голова на память?

– Сын, ты слышал? – Андрей принял мое молчание за раздумья или приглашение к торгу. – Ты отдашь ему все, что он запросит!

– Мне бы не помешали гарантии безопасности для меня и моей семьи, – добавил я. – Не хотелось бы кого-то убивать и омрачать день еще сильнее.

– Считайте, что они у вас есть, – уверенно кивнули с экрана. – Валентин, ты все понял?

– Да, отец, – шепнул парень.

– Жди, я скоро буду, – пригрозил его отец напоследок.

Экран отразил табличку завершения вызова.

– Вот и поговорили, – с удовольствием подытожил я. – Сейчас расслабься, я заберу звездочку обратно.

Изъять звезду из организма не составило труда – всего-то уменьшить ее размер, забрав себе все Любопытство, и провести через кожу – почти не больно, судя по легкой судороге Валентина.

– Идем, я тороплюсь, – озвучил я, с удовольствием отпивая из открытой бутылки. – Меня ждут через полчаса, так что нужно успеть до этого времени.

– Учти, ценности никто не пересчитывал, я не знаю, сколько там, – потухшим голосом уточнил парень. – Что тебя интересует в первую очередь?

Я прислушался к своим мыслям и, к удивлению, не обнаружил на первом плане ни денег, ни драгоценностей. Там было совсем иное.

– Справедливость.

Скинув халат и оставив значок-пропуск на столе, я попросил Валентина пройти со мной в зал с кассами. Охрана возле дверей если и дернулась при моем виде, то тут же затихла от повелительного жеста босса, так что до нужного помещения добрались без всяких проблем, и уже совсем скоро наблюдали скорбную очередь, окутанную облаком безнадежности и растерянности.

– Распорядись приготовить деньги и коробки с ювелиркой, мне нужно найти украшения сестер, – попросил я его, а сам двинулся к кассе, где выворачивали карманы супругам с маленькой дочерью.

– Ничего не надо, – вмешался я в их разговор. – Билеты бесплатны, заберите ваши деньги.

– Эй, ты! – возмутился кассир, оглядываясь на солдата.

– Не препятствовать, – начальственным голосом Валентин пресек любые возражения. – И да, с этого момента билеты бесплатны. Тем, кто уже купил, все вернуть. Я... приношу извинения. – Последние слова дались ему с трудом, словно он все еще считал, что делал все правильно.

Впрочем, без разницы, что он там думает, – отец ему наверняка объяснит, что такое хорошо, а что плохо.

– Что надо сказать? – вновь повернулся я к семейной паре.

– С-спасибо? – робко улыбнулась женщина.

– Слава императору, – веско поправил я ее.

– Живо несите деньги! – сорвался на истерику голос главного за моей спиной.

Глава 24

Цветной мир

К деньгам все-таки пришлось идти самим. Когда из дальнего кабинета, подгоняемые начальственным рыком, вышагнули слуги, прижимая к груди картонные коробки с рассыпающимися на ходу купюрами, и попросили десяток свободных рук себе в помощь, я слегка удивился. А когда нам уточнили, что даже так придется кружить между хранилищем и этой комнатой около часа, то проняло даже Валентина – оказывается, он и не представлял, какой объем могут занять купюры, ежеминутно собираемые с людского ручейка. В итоге коробки понесли обратно, а мы, захватив Федора (он знал, как выглядели украшения), направились следом – техническим коридором до просторного тупика перед массивной железной дверью.

– Остальные не так защищены, – отчего-то смутился служка, бряцая связкой с ключами.

Помещение без окон, подсвеченное длинным рядом тусклых желтых ламп, совсем недавно было тюрьмой на три камеры, отделенных от импровизированного коридора толстыми прутьями, – на вокзале наверняка хватало нарушителей порядка, и где-то их требовалось держать. Само собой, людей внутри не было, двери стояли распахнутыми настежь, подпертые знакомыми коробками. Впрочем, коробок хватало по всему полу – кроме тех участков, где купюры попросту сгружали в общую кучу высотой мне по пояс.

Пахло сыростью, деревом и растерянностью – моей, Федора и Валика.

– Сгниют, – первым подал я голос, укоризненно посмотрев на хранителя закровов.

Тот выглядел соответственно помещению – и не кладовщиком, а тюремщиком. Начисто лысый, слегка сутулый старичок, поглядывающий на нас с Федором крайне подозрительно.

– О, ни в коем случае! Мы устраиваем проветривания! – возмутился он.

– Надо граблями ворошить. Поверь, я как-то хранил около миллиона мелкими купюрами – иначе или сгниют, или мыши погрызут, – припомнил я опыт с «импами» и «орами».

– Так это... краска токсичная, – слегка неуверенно оправдался мужик.

– Так им не есть, им вредить, – не согласился, слегка пнув коробку возле подозрительно влажной стены. – А тут будет плесень.

– Н-да, – озвучил растерянно Валентин.

– Сей же момент исправим! – преданно глядя на босса, пообещал слуга.

– Да я сам позабочусь, – успокоил я хранителя, чем ввел в легкий ступор.

– Господин? – обратился тот к Валику.

– Он заберет все, что захочет. Не препятствуй и помоги, – вновь отыграл босса парень, отойдя от легкого изумления.

– Но как же! – возмутился старик, будто родное собрались отнять.

– А ювелирными изделиями займется мой коллега, – указал я на Федора.

– Но это ведь клановая собственность! – затрясся кладовщик.

– Густав, повешу, – лениво пригрозил Валентин.

– Сей же момент все сделаем, – тут же бросился в другую крайность слуга, пряча взгляд. – Куда грузить?

– Н-да, такое на руках не унесешь, – почесал я затылок. – Федор, что скажешь?

– С-сим-сим, откройся! – все еще в прострации, тихо произнес брат.

– Это до сокровищ, а что делают после того, как найдут?

– Убивают друг друга, чтобы себе больше досталось, – выдал Федор, продолжая разглядывать богатства.

– А ты опасный тип, – уважительно похлопал я его по плечу. – Только это ведь потом все придется одному тащить.

– Вот-вот, а старый дядя Густав поможет! – залебезил старик перед мальцом.

И даже Валентин как-то странно посмотрел на Федора.

– А убить можно и потом, – с оптимизмом подытожил я, собрав все взгляды на себе, – кроме детей и женщин, разумеется, – поправился чуть смущенно.

– И стариков? – робко подал голос хранитель.

– Так ты забираешь или нет? – проявил нетерпение Валентин. Что-то ему наше общество разонравилось.

– Само собой. Федор, просмотри коробки с ювелиркой, постарайся найти папины вещи и украшения сестер.

– Ага! – Брат с энтузиазмом направился к ближайшей упаковке и, чуть поднатужившись, разорвал крепления, высыпав поток золота и серебра на бетонный пол.

– Горжусь тобой, – одобрил я маневр и вновь прикинул объем работ. – А мне нужна тележка. Лучше несколько и столько же людей.

– Будет сделано! – зашепшил старик, стараясь покинуть хранилище.

– Кстати, ты же не думаешь, что дверь меня остановит? – поймав его взгляд, уточнил я.

– Да я и не мыслил ничего такого, – вздрогнув, проблеял Густав, забежав зрачками.

– Значит, старики выживут, – потерял я к нему интерес.

– У тебя есть машина? – сухо поинтересовался Валик.

– Есть! – громко заявил Федор, тут же вытянувшись в полный рост.

В его руках тут же появился выуженный из кармана ключ – с брелоком, украшенным трехлучевой звездой. Точь-в-точь такой же, как и значок на белоснежной машине, оставленной в городе. Вообще, я планировал взять автобус и забить его деньгами под крышу... Но не смог противиться яркому огню счастья и надежды, сияющему в глазах Федора. А деньги – это всего-то раскрашенные бумажки, на которые уж точно не купишь радость вечно угрюмому брату.

– У нас есть машина. Большой красивый джип, эдак тонн на пять. Примерно мне по плечи, радиаторная решетка прямая такая, а еще значок с кругом и тремя лучами из центра и там...

– Стоп-стоп-стоп, – замахал руками Валентин, – мне это зачем знать?

– Как зачем? Распорядись найти к ней большой прицеп, – делано удивился я. – И собирайся, мы сходим за машиной в город.

– Отправлю людей, привезут, – попытался отбрезаться от участия парень.

– Идем. Заодно посмотришь, что ты тут натворил, – приказал я. – Федор, ты с нами?

– Нет, я буду искать. – Передав мне ключи, Федор с азартом принялся раскурочивать новую коробку.

– Как хочешь. Валентин, если с ним хоть что-то...

– Да понял я, – поморщился парень, вышел вперед меня и пролаял приказания солидной толпе слуг и солдат, успевшей скопиться в коридоре.

– Может, я слугу с тобой отправлю? С пропуском – тебя пустят. – В очередной раз захотел увильнуть Валентин, стоя возле вокзальной двери.

– Ты лучше любого пропуска, – подтолкнул я его, выпуская в полуденный зной.

Охрану не брали – у меня ее просто не было, а мой сопровождающий довольно едко выразился о талантах своей свиты и их успехах по его защите. Неловкие лепетания начальника охраны про какой-то «особый

случай» Валентин предпочел не услышать.

Вдвоем идти оказалось гораздо проще – площадь была забита довольно плотно, и большому отряду пришлось бы растаскивать в сторону палатки, чтобы узкая тропка меж людских пятен стала дорогой для отряда.

– И что ты мне хотел показать? – не выдержал молчания Валентин. – Да, людям трудно, но порядок поддерживается. Вот там находятся полевая кухня и резервуары с водой. Рядом выдача палаток. В самом конце, отсюда не видно, санитарный блок. Я все контролирую!

– Через десяток черно-белых мониторов, – кивнул я, не поворачиваясь.

– Все отлично работает, – буркнул он.

– Работало. Первые два дня, – поправил его. – Деньги начали собирать вчера, верно?

– Ну... – настороженно покосился Валик.

– Очередь замедлилась раз в десять, потому как теперь надо подписывать бумаги. Люди скапливаются на площади быстрее, чем отбывают на автобусах.

– Тут еще есть место.

– Да, но каждые четыре часа ожидания ты должен всех накормить еще раз, если не хочешь голодного бунта. А еще принюхайся: чувствуешь?

– Что? – хмуро спросил Валентин.

– Пот, грязь, жара. Хочешь эпидемию? – недобро посмотрел в ответ. – А ведь еще не все уезжают, заложив себя или вывернув карманы. Самые гордые возвращаются обратно, не желая жить в нищете, чтобы дожидаться завершения карантина.

– А ты святой, да?! – сорвался на крик Валентин. – Чем ты лучше?! Пришел и силой забрал все себе!

– Я не забираю себе, – терпеливо произнес, не повышая голос. – Я забираю у тебя. Возвращать чужое – не то же самое, что отдавать свое. Ощути это и сделай выводы.

– Да что ты понимаешь... плевать я хотел на эти деньги! У меня был план! – взвился парень.

– О, вот как? – усмехнулся, подначивая.

– Да! Все на благо клана! – упрямо давил свою линию парень. – И не во вред людям, а во благо! Думаешь, там, за городом, их ожидает что-то хорошее?! Их господин мертв! Все, нет защиты! Их обманет первый встречный, и ничего за это ему не будет!

– И ты решил сделать это первым?

– Нет! Нет! Я взял приоритет долга. Теперь клан – главный заемщик, и если кто-то посмеет обдурить этих людей, – провел он рукой вокруг, –

наш клан выступит в их защиту под предлогом защиты инвестиции. Никто не смеет тронуть наше! Никто!

– Да ну, – усмехнулся я.

– Да ты вообще псих ненормальный, – буркнул Валентин, успокаиваясь. – Откуда только взялся...

– А вот как думаешь – я забрал все из твоего живота или что-то оставил? – задумчиво произнес я в ответ.

– Ладно, ладно. Извини, – спохватился парень.

– На первый раз... Так рабы тебе зачем?

– Это не рабы! – замотал он головой. – Нам нужны специалисты на севере. Хорошая оплата, жилье, там интересно! Но не нужны вахтовики, сложное оборудование. Учить чужих дорого. Свои в холод не хотят... Вот.

– Должников, получается, тоже под герб будешь загонять, – понял я.

– Тех, кто не сможет платить, – неохотно подтвердил босс. – А кто справится – тот толковый, с ними тоже будем работать, присматриваться и предлагать контракты.

– После того как вы их убивали?

– Все, кто воевал, уже умерли, – жестко ответил Валентин. – А эти просто не хотят платить налоги. Герб будет жив еще поколение, и эти двадцать пять лет они якобы служат своему господину, не выплачивая никому ни гроша.

– Ты невысокого мнения о людях.

– Не в этом дело. Ладно, они не хотят к нам, не любят, это объяснимо. Не идут к другим семьям, потому что боятся оказаться на самой низкой ступени иерархии, и правильно боятся. Но почему они не взяли герб императора, скажи мне? Нет урона чести, если господин мертв, уйти к союзникам или императору! – попытался опередить меня Валентин, чтобы заглянуть в глаза. – Потому что налоги, Максим!

– Я думаю, что герб – это семья, – подумав, озвучил я свои мысли. – У этих людей теперь неполная семья, но это не значит, что они не смогут защитить друг друга.

– Против аристократа? – фыркнул Валентин.

– А ты чувствуешь себя бессмертным? – покосился на него.

– Ну... нет, – неохотно буркнул парень. – Как будто ты бессмертный!..

– Все дело в том, что твой аристократ смертен один раз. А остатки даже этого клана имеют тысячи жизней. Я бы на месте аристократа не связывался.

– Думаешь? – задумчиво пожевал губу Валентин и углубился в собственные мысли.

Я почти прозевал, как от тени палатки отделилась небольшая фигурка и выступила прямо под ноги – еле удержал Валентина, в задумчивости чуть не сшибшего неожиданную преграду.

– Дяденьки, у вас есть вода? – пискнуло тонким голосом.

Владельцем голоса оказалась совсем мелкая особа, одетая в длинную футболку с чужого плеча – для нее она смотрелась платьем, если бы не широкие плечи, свисающие вроде рукавов.

– В конце площади, белая палатка, – на автомате ответил Валентин, оправляя помятую мною рубашку.

– Там до-орого, – грустно протянула девочка.

– Там бесплатно! – нахмурился он.

– А я то, что бесплатно, уже выпила, – вздохнула мелкая. – Нету, да? – И, еще раз оглядев нас и разочарованно хмыкнув, вновь юркнула в тени.

– Там все бесплатно! – раздраженно рыкнул Валентин, но девочка даже не повернулась на его голос. – В любых количествах!

– Если боссу можно, то почему нельзя слугам? – похлопал я его по плечу и обошел сбоку, продолжая движение.

– Пов-вешу... – заскрипел он зубами, глядя на тот край площади, где высились белоснежные купола палаток с гербом его клана. – Мне срочно нужно туда.

– Успеешь. Сначала мои дела, потом перевешай хоть всех слуг.

– Ты не понял, я обязан немедленно вмешаться!

– Ты уже опаздываешь, а я могу успеть, – пожал я плечами, не собираясь отпускать его от себя.

Людей, конечно, жалко, но если я отпущу от себя Валентина, то меня и Федора наверняка попытаются убить. Традиции заложников чтут и даже изучают среди высокородных – дядя Коля рассказывал, пытаюсь передать то небольшое, что знал о жизни аристократов.

– Но ведь люди... – замер на месте парень, явно намереваясь уйти наводить порядок.

– Ты смотрел на них целый день и ничего не замечал, – чуть устало вздохнул, утирая рукой пот со лба. – А здесь ты потому, что я тебя вытащил. Это моя заслуга, благодаря которой ты еще можешь все исправить до приезда твоего отца. Ты мне должен, Валентин. И ты никуда не пойдешь, пока я не отпущу.

Валентин некоторое время порывался сказать что-то, но в итоге слегка сгорбил и зашагал рядом.

– Лучше подумай, что будет, если у таких крох, как та девчонка, случится солнечный удар. «Скорая» тут не проедет.

– Я все исправлю, – сухо ответил Валентин, надолго замолчав.

Мы пересекли границу площади, пройдя сквозь охранный периметр, и, заметно ускорившись благодаря хорошей дороге, зашагали туда, где я впервые встретил свою новую семью.

Машина оказалась там же, где и оставили, – воровать ее тут попросту бессмысленно. Мягко моргнули фары, приветствуя нажатие на брелок сигнализации, еле слышно щелкнули засовами двери, а двигатель мягко замурчал, стоило вставить ключ в прорезь замка.

– Поворачивай направо, от площади. С другой стороны есть отдельный въезд для транспорта, нас пропустят, – подал голос Валентин, откинувшись на сиденье.

По пустынным дорогам ехать было одно удовольствие, да еще под дуновение кондиционера – словом, на вокзальной площадке мы оказались за каких-то три минуты, в десяток раз быстрее, чем пешим путем.

На площадке нас уже ждали – в хорошем смысле этого слова. Под зорким взглядом Федора, примостившегося на большом мешке, слуги и солдаты громоздили основательные кули, свитые из толстой пленки, в бежевый прицеп с серым тентом. Рядом ту самую пленку резали канцелярским ножом на прямоугольники, закидывали посерединке купюры и пеленали, скрепляя края строительным степлером, – затем очередная упаковка отправлялась под тент.

– Толково работают, – похвалил я, выбираясь из кабины.

Валентин только кисло покосился и предпочел промолчать, без особого удовольствия наблюдая, как пакуются деньги.

– Больше места нет, господин! – словно из-под земли нарисовался хранитель, подобострастно кланяясь Валентину и умудряясь в поклоне зло зыркнуть в мою сторону.

– Закидывайте в машину, – распорядился я, очередным щелчком по кнопке брелока открыв заднюю дверь. – В салон тоже можно, на задние сиденья.

И, потеряв к оживившимся слугам интерес, подошел к Федору.

– Нашел? – ответил я улыбкой на его безмерно счастливое – при виде меня и машины – выражение лица.

– Ага, – похлопал он по мешку под собой.

– А это точно все папино? – скептически поднял я бровь, пытаясь прикинуть, как две сережки и цепочка с кольцом могли занять такой объем.

– Точно! – Федор уверенно развернул рукав мешка и продемонстрировал тыльную часть выхваченного колье. – Вот его

клеймо!

– Эмм... Клеймо? – Мои брови поползли вверх.

– Ага! Папа ювелир! И это все – папино! Он делал, – непреклонно доложил мне Федор, укладывая ожерелье обратно и хозяйственно усаживаясь сверху – чтобы не украли.

– Ну, ты сам все слышал, – покосился я на Валентина, – наше это. И, Федор, слазь с добра, дай людям его в машину закинуть, – одновременно я махнул двум солдатам, указав на груз.

– А я ведь распорядился его найти, – с сожалением протянул местный босс и поджал губы, явно разглядев знак, выбитый в металле, – хороший мастер. Так ты, получается, Самойлова старший сын? Но... в досье только трое детей, и только один парень! – вскинулся он.

– А теперь они в моей семье.

– А... понятно. Все самое лучшее себе забрал, – буркнул Валик, с тоской посмотрев на Федора, деловито контролирующего погрузку – и не абы куда, а на заднее сиденье, и чтобы ремешком пристегнули.

– Зато тебе достались мудрые советы, – приободрил его, похлопав по спине.

– Ну-ну. – Валентин совсем скис.

– То есть еще один тебе не нужен? – остановился я возле водительской двери, ожидая, пока прицеп крепят к машине.

Федор уже занял место на переднем сиденье и нетерпеливо смотрел на меня.

– Говори... – вздохнул местный босс.

– Даже два. – Замок прицепа наконец-то щелкнул, и я занял место водителя. – Предупреди пост о нас, и он останется целым.

– А второй? – подошел к окошку парень.

– Приготовь мягкий и широкий ремень.

– Зачем? – нахмурился Валентин.

– Когда приедет отец, будет не так больно.

Кажется, он что-то ответил, но все звуки потонули в искреннем вопле радости Федора – мы ехали домой, где бы этот дом теперь ни находился.

Глава 25

Сокровища и герой

Охранные посты мы пролетели, почти не снижая скорости, – издали мигали фарами, и металлические преграды тут же растаскивали в разные стороны, иногда успевая в последний момент. Всего их было три – один на центральной улице, второй на выезде из города и третий возле таблички с перечеркнутой надписью «Багиево». Город закончился, а вместе с ним и новообретенные княжеские владения.

– А нас не накажут? – с тревогой спросил Федор, глядя на стрелку спидометра, упирившуюся в цифру сто пятьдесят.

– Некому.

Хорошая дорога позволяла ехать быстро, а вырубленный на поворотах лес не мешал обзору и не грозил вылетевшей навстречу машиной.

– А за деньги? – чуть замаявшись, все-таки спросил он.

– Понимаешь, какое тут дело... – Я покосился на соседа, решая, поймет ли он. Вроде должен. – Кажется, меня приняли за кого-то другого.

– А за кого тебя приняли?

– За очень зубастого и злого серого волка, – попытался описать я свои ощущения. – Который берет все, что захочет. И никого и ничего не боится.

– Ну, это ведь ты и есть? – чуть подумав, произнес брат. – Только ты не злой!

– Может быть, – улыбнулся я ему и вновь посмотрел на дорогу, – но злой серый волк страшен не столько своими зубами, сколько большими и жуткими клыками своей родни.

– Я умею кусаться! – цокнул эмалью Федор.

– Уже оценил, – успокоил его новой улыбкой. – Если все сложится хорошо, о нас постараются забыть. Тем более сейчас у них совсем другие проблемы.

– А если не забудут? – встревожился брат.

– Тогда я придумаю им проблемы поинтереснее. – Чуть снизив скорость, я принялся внимательно оглядываться по сторонам. – Видишь впереди справа просвет в деревьях?

– Ага, – вытянувшись вверх, ответил Федор.

– Машина заедет, как считаешь?

– Должна, – важно ответил парень. – Но мы ведь ее тут не оставим,

верно? – слегка встревожился он.

– Нет, конечно, – успокоил я брата, выруливая на грунтовку.

По стеклам и бокам машины застучали ветки деревьев, яркий свет полудня приглушило до приятного лесного сумрака. Позади скрипел прицеп, цепляясь за кустарник на частых поворотах, – дорога вилась вглубь леса, к неведомой цели. Кажется, ее и на карте не было – я изучал район возле города, когда готовился к поездке.

Заехав на полкилометра вглубь, остановились возле подходящего места – тут дорога делала крюк, огибая глубокий овраг с мелким ручьем на дне. От оврага дорогу отделяла молодая поросль деревьев, не дававшая земле осыпаться вниз, но постепенно проигрывая схватку глубине – торчали корни деревьев из склона, да и сами они не отличались здоровьем и высотой. Но приятную тень деревья давали, – а также заслоняли подножие оврага от случайного взгляда.

– Приехали, – бодро сообщил я Федору, выбираясь из машины.

– Что мы тут будем делать? – поинтересовался брат, отмахиваясь от налетевшей мошкары и подходя ближе.

– Ты когда-нибудь прятал сокровища? – спросил я, внимательно оглядывая подножие оврага.

Чуть дальше был отличный пятачок – достаточно высокий, чтобы не попала вода в разлив, с горбом песчаной скалы, нависавшей над ним. Удачно.

– Ну, я хомячка закапывал...

– Нет, сокровища – это нечто очень ценное, – присел я рядом.

– Хомяк был очень ценен для сестер!

– Вы его не живым хоть закапывали? – с подозрением уточнил я.

– Не, его Альда пожевала, а потом ко мне принесла. Только ты никому не говори! – спохватился Федор и опасливо поглядел по сторонам.

– Ладно-ладно, – поднял я руки, улыбаясь. – Мы с тобой будем прятать настоящие сокровища.

– Чтобы вернуться за ними потом? – робко уточнил брат.

– Нет, чтобы их нашел настоящий герой, как в сказках.

– Н-но... зачем нам отдавать ему наши сокровища?

– Потому что они нам не нужны, – мягко произнес я. – Мы возьмем из этой кучи пятьдесят тысяч, а остальное оставим здесь.

– Как – не нужны?! Очень нужны! – возмутился брат, топнув ножкой.

– Хорошо – на что ты их хочешь потратить?

– Я... я хочу фломастеры! И пластилин! – выдвинул список требований Федор.

– Вот, возьми. – Я протянул ему мелкую купюру. – Этого хватит и на то и на другое. Еще что-нибудь?

– Не, – потерял интерес Федор, деловито запрятывая бумажку в карман.

– Для этой суммы должны быть подходящие мечты, – махнул я рукой в сторону кузова, – иначе деньги разбалуют и отучат работать, рассорят и привлекут несчастья. Папиных денег нам хватит и на жилье, и на еду, и на время, чтобы найти хорошую работу. Зачем нам что-то еще?

– Тогда зачем мы их взяли?

– Потому что злой серый волк обязан был взять все, – вздохнул я. – Взяли бы меньше – это посчитали бы слабостью и попытались нас убить.

– Ясно... А тот, кто все найдет... ему ведь деньги тоже навредят?

– Нет, на то он и настоящий герой, – потрепал я брата по волосам.

– А ты уже прятал сокровища?

– Конечно, – согласно кивнул, поднимаясь на ноги.

– И их нашли?

– Ну... сначала нашли трубы водоканала, – припомнил я, как искали на территории приюта запрятанную упаковку печенья. – А потом приехал экскаватор и все закопал. А потом оказалось, что первым клад нашла Лайка и ни с кем не поделилась...

Федор скептически смотрел снизу вверх.

– Зато я приобрел опыт! – тут же поправился я. – И теперь знаю, что прятать надо хорошо. За работу!

Общими усилиями мы скинули полиэтиленовые упаковки на выбранную площадку – Федор сбрасывал их из кузова, а я уже метко перекидывал на край оврага. Деньги – груз не тяжелый, но объемный, так что под конец пришлось спускаться вниз, чтобы перераспределить все в единую гору и основательно подпереть со стороны ручья стволом упавшего дерева. Примерно через десяток минут пришло время для финальной операции – после десятка ударов ногой песчаный выступ над площадкой обрушился вниз, своей массой скрыв под собой сокровища. Получилось очень даже добротно – выступ мог обвалиться и сам, да и все наши следы остались там, под завалом.

– Поехали, найдем полянку для разворота, – похлопал я Федора по плечу и первым направился к машине.

– А если герой не найдет сокровища? – тоже оценил наши усилия брат, продолжая смотреть на огромную кучу песка.

– Мы ему обязательно подскажем.

Подходящее место для поворота обнаружилось через две сотни

метров – дорога выходила на прогалину, достаточно широкую, чтобы вместить и машину, и прицеп. Так что вскоре мы вновь проделали тот же самый путь, но задом наперед, и через пару минут выбирались с грунтовки на трассу. Возле дороги сделали короткую остановку, чтобы стряхнуть с машины сбитую с деревьев листву.

От города до ближайшего населенного пункта было минут двадцать, но ту фору, которая точно была у резвого и стремительного джипа против автобуса, мы уже истратили своей остановкой. Представляю, какие чувства будут у Михаила, когда двери автобуса откроются, а нас не будет внутри. Поэтому я вновь прибавил скорость, стараясь попасть в тот интервал времени, когда недоумение отца еще не перерастет в желание сделать какую-нибудь глупость – например, поехать обратно. Вот же Валентин обрадуется... Оставалась надежда, что рейс задержат – люди наверняка захотят вернуть свои деньги или расторгнуть контракты.

– Поесть бы, – Федор голодным взглядом проводил красочно расцвеченную витрину придорожного кафе, – а?

– Там замок был на двери. Думаю, на этой дороге все закрыто, – отрицательно мотнул я головой, но, поймав на себе жалобный взгляд, все-таки согласился: – Сейчас будет съезд на имперский тракт, постараемся что-нибудь перехватить.

Вряд ли это займет больше пяти минут – нам только купить, заодно и для остальных наберем. А поесть можно и на ходу.

Вскоре мы притормаживали возле целого комплекса строений с собственным мотелем, заправкой, блоком автомойки, обширной парковкой и отдельным зданием с различными магазинами – от запчастей до продуктов. Шумное место, живущее под рев огромных фур, нетерпеливые сигналы машин и постоянный гул тракта.

– Подождешь? – скорее попросил я, чем спросил.

– Может, я с тобой?

– А если драгоценности украдут? – использовал я коварный прием.

На заднем сиденье тут же нарисовалась мелкая панда, вцепившаяся в мешок с драгоценностями всеми конечностями. Теперь точно не потеряется, а с улицы его все равно не видно – тонировка.

– Я быстро, – пообещал брату и активировал замки через брелок.

И, чтобы не обманывать, быстрым шагом понесся к магазину, внимательно изучая вывески над отдельными входами. Наверное, если Федор наблюдал за мной, то слегка удивился маршруту – продуктовый магазин был слева, а я продолжал двигаться к правому краю. Раз уж остановились, то почему бы не совместить два очень важных дела –

и лучше бы начать с того, что требует свободных рук.

Нужная дверь оказалась третьей с краю – под незатейливым щитом с полуистершимся изображением сотового телефона, мелкими миниатюрами с логотипами операторов и обещанием пополнить счет телефона под разумный процент. Внутри небольшого кабинета скучал молодой парень, разглядывая что-то на экране своего компьютера – на меня он глянул мельком, оценив платежеспособность парня в шортах и рубашке. Ну и зря – у меня же бабочка.

На стойку весомо легла стопка купюр, звучно прижатая ладонью. Продавец вздрогнул, возмущенно приподнял взгляд и тут же прикипел всеми чувствами к номиналу купюр.

– Вот этот телефон, – ткнул я в витрину с одной из топовых моделей, выводя парня из оцепенения. – Сим-карту с межгородом.

– Разумеется! – расцвел продавец желтой улыбкой. – У нас есть отличные предложения с безлимитными эсэмэс! Можно ваш паспорт?

– Оформишь на себя, – прижал его голосом и своей волей. – Документы не трогай, заполнишь потом. Пятьдесят рублей забереешь себе, остальное кинешь на баланс. Сейчас достань мне трубку и обеспечь связь.

– Я сейчас! – Улыбка потрескалась, рассыпавшись недоуменной и бояливой гримасой.

Парень быстро засуетился, отыскал связку ключей и с третьего раза подобрал нужный к витринному замку. Черный аппарат уложили на стойку, рядом плюхнулся оранжевый комплект с сим-картой, тут же распотрошенный и деловито – сказывался навык – установленный в телефон. Мелодично пропела мелодия заставки, мелькнул логотип производителя, тут же сменившись заставкой с часами. Если свериться с большим циферблатом над стойкой – на все ушло минуты три.

– Деньги сейчас положу на счет. – Продавец утащил стопку купюр под стол, шустро ими зашелестел, пересчитывая, и довольно хмыкнул.

– Долго? – вновь надавил я волей, не давая расслабиться.

– Пополнение моментальное! – обнадежил он, защелкав пальцами по клавиатуре.

Тренькнул звук эсэмэски.

– Я же говорил! – победно произнес продавец. – Подберем чехол и пленку на экран?..

Но еще раньше я вышел из двери, на ходу набирая накрепко заученный номер.

– Толик, привет.

– Максим? – с удивлением произнесли на том конце трубки.

– Ага. Бери «Газельку» – и давай на седьмой километр трассы А297. Через сорок метров от столбика – грунтовка с северной части. Проедешь до крутого поворота, слева будет овраг и свежая осыпь. Все запомнил?

– Запомнил. Максим, а что там? – с легкой опаской спросил Толик.

– Там будет мое доверие. Откопай его.

Нажав кнопку отбоя, выключил аппарат. Чуть постоял на месте, прислушиваясь к шепоту трассы – будто она могла подсказать, правильно ли я сделал. Ведь одних моих друзей деньги уже испортили, превратив во врагов... А он уже один раз оступился... Но ведь настоящие герои тоже могут ошибаться? А Толик – он настоящий герой. Он заслуживает, чтобы ему снова поверили.

Рейс в продуктовый обернулся заполненной корзиной быстрой еды – соки, йогурты, плитки шоколада, упаковка воды, мюсли и наборы одноразовой посуды. Взвесив в руках два пакета, перегрузил все на тележку с колесиками и бодро покатил к машине.

Человек-панда продолжал защищать мешок с драгоценностями.

– Все, я вернулся, а значит, бояться некого, – бодро отчитался я, закидывая пакеты на переднее сиденье. – Налетай.

Чтобы налететь, Федору все-таки пришлось отцепиться от доверенного мешка и перебраться обратно. Рядом тут же зашуршали фольгой упаковки.

– Сначала – йогурт! – строго воспрепятствовал я поеданию шоколадки, утащив прямо из пасти голодного создания.

Звучно – вхолостую – лязгнули челюсти, донесся жалобный вой, но я был непреклонен.

– Пей пока, сейчас прицеп отцеплю, – спохватился, не желая тащить и дальше пустую, а значит, и не нужную более конструкцию.

– Готов?

Федор согласно кивнул, закрывая бутылку и укладывая обратно в сумку возле ног.

– Десять минут, нормально, – успокоил я себя, делая в воображаемом графике новую временную отметку. – Пока не сильно опаздываем.

– Может, я папе позвоню?

– Точно! – хлопнул я по рулю и потянулся за трубкой, но Федор выудил из карманов скромненький аппаратик.

– А-а... – удивленно протянул я.

– Раньше не работал: папа сказал выключить, чтобы батарейка не садилась.

– Все к лучшему, – уже спокойно выдохнул, снижая скорость.

Рядом обрадованно заговорил Федор, докладывая, что с нами все хорошо, и скоро мы приедем, и всех-всех удивим, и вообще Максим очень хороший. Даже на душе потеплело. Кажется, о завершении вызова попросил сам Михаил, не выдержав потока счастливого стрекота, – но главное, о нас не будут переживать. Теперь все будет хорошо.

Неожиданно последний из группы трех черных джипов, летящих по встречной полосе, резко затормозил и начал крутой разворот. Следом закрипели шинами по асфальту две другие машины, юзом вписываясь в широкую дугу поворота.

– Федор, крепко цепляйся за ремень. – Недоброе предчувствие толкнулось в районе живота, заставляя вжимать педаль газа в пол.

Позади тоже добавили скорости – еще несколько секунд назад они смотрелись крошечными точками, неуклюже виляя по дороге после резкой смены направления, но сейчас расстояние явно сократилось. Успеем добраться до города? Я с тревогой посмотрел на посмурневшего Федора, внимательно наблюдавшего за погоней в правое зеркало. А если они станут стрелять?

Приняв решение, после очередного поворота пересек встречную и прижался к обочине с другой стороны дороги. Так себе маневр – преследователи хоть и проскочили мимо, но быстро разобрались и вновь разворачивались в пятистах метрах от нас.

– Ты ведь сможешь нас защитить? – с надеждой спросил Федор, до белых пальцев сжимая ремешок.

Раскрыв ладонь, я поднял на ней ярко сияющую звездочку и, одновременно любуясь ею, прислушался к себе.

– Смогу ли? А мне и самому любопытно, – подмигнул брату.

Глава 26

Пока длится секунда

Мелко подрагивала секундная стрелка, не в силах преодолеть тяжелый металлический штырь, воткнутый прямо в циферблат массивных напольных часов. Там, внутри корпуса из красного дерева, под напором тугой пружины еле заметно дрожал весь механизм, ожидая нового такта маленькой шестеренки. Но его не происходило – оттого замерла минутная стрелка и уснула часовая.

Когда-то прадед прадеда хозяина этого места, разозлившись на слуг, подтаскивающих новые проблемы раньше, чем успевал разобраться со старыми, постановил времени остановиться, а когда оно не послушалось, впервые остановил механизм своей рукой и, как полагается легендарным родичам, в единую секунду разрешил все трудности.

Хотя, поговаривают, попросту метнул кинжал в часы, желая хотя бы на минуту отдохнуть от дел. Еще говорят, что метнул не в часы, а в вороватого управляющего, а тот увернулся. Но в красивых историях про предков и традиции мало места для вороватых управляющих и много для пафоса и красивых свершений.

Проблем с тех пор вряд ли стало меньше. Вот и сейчас, через две сотни лет от зарождения традиции, на уголке стола замерла объемная папка с шелковым тиснением – желтая, а значит требующая оперативного рассмотрения. Но время замерло, так зачем торопиться?

Замерло оно у всех – хитрый механизм приостанавливал отсчет времени всех часов во дворце – дед прадеда хозяина этого места высоко оценил отцову задумку, а также был достаточно талантлив для ее осуществления. А с некоторых пор пауза коснулась и электроники – собственные производства легко обеспечили соблюдение традиции в телефонах и наручных часах, обеспечивая вневременное целого дворца. Иначе какая это традиция, если ее позволено нарушать?

Увы, скоро часы пойдут снова, продолжая отсчитывать секунды, минуты и часы, синхронизируясь с мировым временем после того, как механизм будет запущен. Ну а пока времени нет. Проблемы замерли у границы будущего, не в силах скользнуть в настоящее.

В душе князя царило удивительное состояние внутренней тишины,

которое совсем не хотелось терять, особенно после тяжелого и выматывающего дела. Правда, непосвященным оно наверняка покажется пустячным и несерьезным, но каждый, кто хоть раз делал подарки любимой дочери, знает, какой это тяжелый труд. Ведь за волной радости от встречи, за вихрем счастья от коробок с подарками наступает время примерки всего надаренного и демонстрации нарядов любимому отцу – и попробуй только увильнуть!

Правда, на втором часу князь увильнуть все же попытался, сославшись на крайне важные клановые дела, не требующие отлагательств, а верный Амир тут же уложил желтую папку на стол, с видом таинственным и хмурым. Не помогло – Ксения прибегла к механизму остановки времени, впервые за последние три десятилетия. В прошлый раз вроде как была очередная война...

В общем, наряды все-таки досмотрели, а князь дал себе страшную клятву не дарить больше трех платьев за раз. Дочь скрылась обсуждать подарки с подругой, ее отец встал запустить время снова... А потом подумал и решил побаловать себя еще десятком минут отпуска, на пару с верным другом. Разговаривать о серьезных вещах не хотелось вовсе. Разве о чем-нибудь приятном.

– Как успехи моей дочери? – еще раз полюбовавшись на клин в часовом циферблате, поинтересовался князь.

– Весьма, – качнул головой Амир, с удовольствием откинувшись на спинку кресла. – Легко учить, когда ученик знает, что должно привести к ошибке, а что будет правильным.

– Как это выглядит? – заинтересовался князь.

– Стоит, прикрыв глаза. Иногда около часа, иногда за целый день не совершив ни единой попытки. Но затем – все с первого раза.

– Это, разумеется, хорошо, – медленно произнес мужчина во главе стола, – однако тело не будет поспевать за разумом.

– Зато ее палата в медблоке пуста, к счастью, – пожал плечами Амир, – ошибка на ранге «учитель» слишком дорого обходится.

– На каком ранге?! – не веря, переспросил князь, не пытаясь задавить эмоции гордости и счастья.

– А ты думал! – довольно хмыкнул названный брат. – До «ветерана» я все эти ведьмовские штучки запрещал. Там если и сломается, то рука какая-нибудь или нога... – фыркнул Амир небрежно. – Целителям дела на пару дней. Ой, да не сверли меня гневным взглядом! Боль надо ощутить до того, как приносить ее кому-то еще.

– Она все-таки девчонка мелкая, – проворчал князь, будто самого

в детстве не тащили беспамятным с полигона.

– Вы там у себя уже решите – оружие она или девчонка, – посмурнел Амир. – Если оружие – то оно должно уметь себя защитить. Или умереть до того, как попасть в чужие руки. Если твоя дочь – то какого, извини меня, беса...

– Все, успокоились, – примирительно поднял руки князь. – А ее подруга? Тай... как ее там?

– Тай Лин, – побуравив друга взглядом, все-таки успокоился названный брат. – Великолепный потенциал. А с Ксюшиными советами так вообще... Мы, выходит, учим ее вместе. Твоя дочь останавливает ее, когда она намеревается совершить глупость и снести половину полигона вместе с нами.

– Выяснили, откуда нам такое чудо?

Рейс в Китай оказался на диво удачен, хотя и не принес богатых трофеев или политических обещаний. Всего один ребенок – сверстница дочери, та самая увиденная ею в пророчестве. Но зато потенциал девчонки окупал все неудобства – уж слишком была редка сильная кровь, очень неохотно отпускали из семей генетически ценный материал, планируя браки и семьи на столетия вперед, чтобы не выродиться.

Разумеется, планам мешали войны, политические союзы и опала, кровь могла разбавиться браками с неодаренными, дар запросто исчезал и появлялся через поколения. Некоторые ветки браковались вчистую, а за наследниками уничтоженных семей охотились, желая получить их Силу Крови... Но это все – удел евгеников клана, скучная и черствая работа по сводничеству, о которой старались не вспоминать. Потому что как-то неприятно осознавать, что любимая супруга, случайно встреченная, обретенная и хранимая, – результат работы целого отдела, трудящегося над тем, чтобы записи столетней давности о сватовстве превратились в настоящую любовь, потому как эмоциональная привязка благотворно влияла на потенциал силы потомства. Это уже потом, когда надо будет превратить «любимую» жену в просто «первую», упертому мужу продемонстрируют не особо приятную правду в фотографиях и видеозаписях... В общем, не любят генетиков.

Но князь – это не такая должность, когда можно что-то не любить. Поэтому трофей крайне удачен и уже записан за таким же малолеткой, бегущим на соседнем полигоне. Лет через шесть у них состоится большой и красивый роман с кучей детишек... В принципе князю этого достаточно, а детали про историю жизни найденьша – не столь важны. Материалы наверняка давным-давно подготовлены, но если лидер целого

клана решит узнать всё-всё, то попросту окажется погребен под валом пустяков. Оттого частенько информация лежит до того, как ею поинтересуются.

Однако есть разница между потенциалом человека и реализованными возможностями. И если девочка обуздала свою силу, то это уже не просто будущая родственница, а часть кланового арсенала. О своем оружии надо знать все.

– Стандартная грызня за власть. В лучших традициях китайских княжеств – взрослых под нож, детей в загоны для рабов. Девчонке с нами сильно повезло.

– И нам – с ней, – согласно качнул головой князь.

– Кстати, недавно дальние родственники объявились. Двоюродные дядья по материнской линии – уж не знаю, как это одним словом назвать. Предлагают выкуп, солидный.

– Свежая кровь дороже, – отмахнулся старший. – Они хоть ладят?

– А сейчас покажу, – чему-то ухмыльнулся Амир, активируя экран в плоскости стола.

На ожившей всеми цветами плоскости отражался общий зал, в центре которого, перед огромным зеркалом Ксения сооружала своей подруге новую прическу – ну примерно так же, как делают это любимой кукле. Симпатичная китаянка же робко улыбалась отражению – причем смотрела не на себя, а на Ксюшу.

– Ладят, – сделал вывод князь.

– О! – воскликнул Амир, заметив в кадре старого слугу. – Вот ты где!

– Слушай, не трогай заслуженного человека... – поморщился князь.

– Не-не, я слово дал его на пенсию спроводить, – засуетился Амир. – Я побежал, хорошо?

И тут же устремился в дверь.

Через некоторое время на экране показался быстро ковыляющий к выходу старичок, а через минуты три – бегущий за ним Амир. Князь с легким любопытством пощелкал по экрану, сменяя камеры и наблюдая за погоней. Вот время между мельканиями сократилось до двух минут... А тут всего три комнаты и один переход... Хм, а теперь зачем-то на первый этаж, а потом по соседнему пролету на третий и снова на второй... Увы, еще пять минут – и по устоявшейся традиции граница между женской и общей половиной разлучила их...

– Немного не успел, – прокомментировал князь обескураженность брата, замершего на пороге, и погасил экран. – Ладно, еще пять минут – и за работу.

– Как же он надоед! – В детскую комнату ввалился старик, тут же закрыл дверь и привалился к створке всем телом.

Быстрое дыхание выдавало нелегкую для почтенного возраста дистанцию, а легкая бледность на лице – опасную близость преследователя.

– Признался бы, кто ты есть на самом деле, – спокойным голосом ответила Ксюша, внимательно изучая что-то на двух огромных экранах, закрепленных на стене.

Если бы князь мог заглянуть к дочери в комнату, то наверняка сильно удивился – в первую очередь тому, что совсем недавно видел Ксению в другом месте, за совершенно иным занятием. Хотя, если задуматься, погоня шла по всему пространству дворца, дважды опоясав все этажи, так что время было... Что вовсе не объясняет содержимое экранов, заключенных в зеленые рамки со стилизованным орнаментом кланового герба.

– Смерти моей хочешь! – возмутился на предложение дед. – Они же как дятлы все мозги выключают, – сложив пальцы клювом, старик несколько раз тюкнул себя в висок. – Дедушка, а помоги! Дедушка, а дай! Дедушка, а сделай! – передразнил он. – Даже в смерти нет покоя – ходят на могилу и жалуются! А если бы я не поставил там микрофоны, что бы они тогда делали?!

– Помощь не была бы лишней. – Мельком глянув, Ксюша поприветствовала деда улыбкой и вновь вернулась к сосредоточенному клацанию по клавишам.

– Мне есть кому помогать, – проворчал дед, присаживаясь рядом с внучкой. – Это что, клановый интранет?

– Ага, – коротко ответила Ксюша, продолжая удалять файлы из внутреннего хранилища клана.

– Откуда доступ?

– На бумажке у папы, под клавиатурой, – отмахнулась девочка.

– Что?! – в голос возмутился старик.

– А клавиатура – во внутреннем хранилище клана, под защитой гвардии.

– Все равно как-то неправильно, – для вида, уже успокаиваясь, проворчал дед, внимательно изучая названия удаляемой информации. – А чем тебе не понравились суточные отчеты нашего нового города?

– Да вот. – Ксения щелкнула клавишами, и правый экран сменился спутниковым изображением края города и массива леса, рассеянного

широкой дорогой.

Если приглядеться – обычная дорожная жизнь, без пробок и ремонтов.

– Все равно не понимаю. Ты уж пожалей старого, зрение совсем подводит, – усмехнувшись, произнес дедушка.

Как будто у *такого* человека могут быть проблемы со здоровьем...

– Вон, видишь, серебристая коробочка едет? Вот. Там едет человек, который спас наше имя. А навстречу ему, на сорок сантиметров по экрану выше, едут три черных джипа, наших, клановых. Они его искали, проскочили мимо, сейчас назад возвращаются. Через шесть минут увидят и попытаются убить.

– Стоп, дай мне тридцать секунд, – напрягся дед, щелкнул по выступу на своем обручальном кольце и отчетливо произнес: – Оперативный отчет по Багиево.

– Я все удалила.

– Это тебе так кажется. – Кольцо оказалось прижато к уху, но на выслушивание доклада, перемежаемое сухими уточнениями, понадобилось в шесть раз больше времени. – Так, ясно, – встряхнулся старик, – пришел, натворил справедливость, ограбил, уехал. Бывает.

– Но он нам помог? – осторожно уточнила внучка.

– Есть такое, – не стал отрицать мужчина, – но ты зря его хочешь защитить, удаляя эти бумажки. Этот человек покусился на жизнь твоего брата, такое не должно остаться неотомщенным.

– Он не хотел его убить...

– Не имеет значения. Преступник вероломно проник в кабинет и взял нашу кровь в заложники, – строго качнул головой дед.

– Но ведь никто не пострадал.

– Но пострадает, – поучительно произнес старик. – Глава охраны, допустивший убийцу до господина, потерял честь. Он уже мертв, хоть и дышит. Чем больше ответственности и награды, тем строже наказание – помнишь, я объяснял? А сейчас он, видимо, решил забрать с собой врага, – кивнул он на спутниковую онлайн-карту. – Так что оставь ты эти файлы в покое, милая.

– Там твой внук, – спокойно поведала Ксения.

– Я знаю. Вернее, Валентин мне внучатый племянник, а тебе – троюродный брат. Поэтому мы должны ответить.

– Нет, там другой внук. В белой машине.

– Максим? – после некоторой паузы, с оторопью произнес дед.

– Ага, – кивнула Ксюша, все это время продолжая старательно «тереть» файлы – система требовала подтвердить удаление каждого, пугая

безвозвратностью потери, так что приходилось методично щелкать по клавишам вместо куда более удобного: «Выделить все» – «Удалить».

– Он у был Валентина? – словно не веря, переспросил старик.

– Как понимаешь, знакомство было сложным, – вздохнула Ксюша и бросила внимательный взгляд на спутниковую карту, – и теперь начальник охраны Валентина хочет его убить.

– Да как он посмел покуситься на мою кровь! – взъярился дед, с ненавистью глядя на три черных прямоугольника, неуклонно приближавшихся к цели.

– Максим не знал, что это его родич. Так же, как не знали Валентин и его охрана... – с сожалением протянула Ксюша.

– Так, дай секунду. – Дед с силой потер виски, сосредотачиваясь.

– Дам целых две минуты пятнадцать секунд.

– Говорит координатор, – вновь зашептал в кольцо дед, – красный приоритет. Багиево, отряд гвардии вернуть в город.

– А я знаю, что тебе скажут, – хмыкнула Ксения.

Рядом нахмурился старик, внимательно выслушивая ответ.

– Что значит: «Нет возможности для отмены»? – прошипел он. – Как они смеют перечить мне?!

Экран пошел волнами, заискрила ткань портьер от выплескиваемой вовне мощи. Даже девочка поежилась от исходящей волны гнева разъяренного монстра в обличье сухонького старичка, столкнувшегося с самым страшным преступлением против его власти. Ведь нет злодеяния хуже, чем не-по-ви-но-ве-ние.

– Деда, еще немного, и мне придется врать про случайно устроенный мною пожар... – зажмурившись, с легкой дрожью в голосе произнесла Ксения.

– Прости, милая. – Силу тут же взяли в узду, оставив ярость во взгляде. – Все-все, этот гнев – он не для тебя, извини меня. Сейчас мы все исправим, не переживай. Давай выходи из системы.

– Совсем? – с еще непрошедшим испугом уточнила она.

– Совсем, – кивнул дед. – И дай-ка мне клавиатуру на минутку.

Старик с несвойственной для его возраста и поколения сноровкой вбил новый логин и пароль.

– А почему рамка красная? – удивилась Ксюша.

– А потому что пароли под клавиатурой – они для шпионов и предателей, – сухо ответил дед, продолжая колдовать над клавишами. – Я поднимаю пару вертолетов, у наших друзей в Казани как раз пара вертушек стоит... И давай перенастроим спутник и чуть приблизим

картинку, ничего же не видно...

Картинка справа резко обрела детализацию и будто прыгнула к поверхности – стали различимы верхушки деревьев, линии электропередачи вдоль дороги, а машины больше не выглядели крохотными жуками на огромном поле – теперь вполне различались модель и детали кузова. Взгляд небесного ока приклеился к крыше белого внедорожника, удерживая его на одной восьмой экрана в центре.

– Десять минут полетного времени, деда.

– Я знаю. Но вдруг он сможет потянуть время, съедет в сторону? Вдруг они захотят поиздеваться над моим внуком и дадут шанс мне его вытащить?! Никогда нельзя сдаваться! Никогда!

– Дед, это *твой* внук... – по-доброму сказала внучка и осторожно погладила деда по рукам.

– Да, и пока он мой внук, я буду его защищать...

– Дед. Это. *Твой*. Внук.

– И что?!

– Его просто так не убьешь, – уже вовсю улыбалась Ксения.

– Значит, вертолеты успеют! – упрямо произнес дед, продолжая отдавать команды.

– Не надо, пожалуйста. Он их сшибет.

– Я тебя не понимаю! А что мне делать?.. Кто... кто сшибет?! – недоуменно посмотрел на нее старик.

– Ты ведь мне доверяешь?

– Всегда.

– Все будет хорошо, – успокоила девочка старика, вновь погладив ему руку.

Тем не менее на экран они продолжали смотреть со всевозрастающим напряжением, мысленно отсчитывая секунды. Вот черные машины вошли в поворот, заметив жертву. Вот белая машина ускорила и резко вылетела на встречную полосу, прячась в кювете. Но маневр не укрылся от охотников... А жертва решила больше не бежать – от машины отделилась одинокая фигура – на экране не больше сантиметра – и зашагала навстречу врагам.

– Это что за ерунда?! – воскликнул дед, когда возле фигурки по кругу отчетливо пронеслась яркая искра. – Кто его учил?

– Семен, – довольно ответила Ксения.

– Какой Семен? Долгорукий, Орлов? Вяземские?! – заволновался он, кое-как удерживаясь, чтобы не взять внучку за плечи и легонько встряхнуть.

– Не, просто Семен, – приобняла она деда, – но он физике немного учил. А это – брат сам нашел.

Неведомое явление с каждой секундой сияло ярче, отражаясь на экране белоснежной точкой, двигаясь вокруг все быстрее и быстрее, чуть накрываясь и вновь выравниваясь, отрываясь от владельца на несколько метров и примыкая совсем близко к телу.

– То есть?.. Как нашел? – дернулся старик.

– А понятия не имею как, – отмахнулась она.

– А когда?

– Ну, после того, как убил своих похитителей, но до того, как он сшиб наш самолет. Вот в этом промежутке, – рассудительно и явно подтрунивая над дедом, заявила Ксения.

– Ты мне все обязательно расскажешь! – поставил он ультиматум таким тоном, что торговаться – себе хуже.

Шар между тем сравнялся размером с владельцем, но поведения не изменил, продолжая виться, как планета вокруг Солнца.

– Почему он не атакует? – нервничал дед. – Сейчас самое время, пока они в машине.

– А вдруг они пришли просто поговорить и не желают зла?

– Ошибка, – проскрипел старик зубами.

Вторя словам, от группы возле трех машин алым росчерком пронеслась огненная линия. И тут же врезалась в яростно сияющий шар, мгновенно окрасившийся алым и так же быстро вернувший прежний облик.

– Теперь ему понятно?!

Как оказалось – вполне. Ручное солнце резко увеличился в размере и вспыхнуло над головами. Закачались линии электропередачи – безмолвно, а если вспомнить их размер, то жутко. На фоне этого сияния несколько новых огненных вспышек совсем потерялись, пропадая в белоснежных росчерках, лепестками выстреливающих из крошечной звезды. По проводам меж тем прошли ало-синие всполохи разрядов, устремившиеся в яркое зарево – сначала короткими волнами, а затем единым потоком короткого замыкания, с сине-белыми дугами, прихотливо вившимися в центр притяжения, и паром на километровую длину. А затем такая же дуга выплеснулась на обидчиков, ударив на десяток метров левее, и медленно потянувшись к машинам, оставляя черный след пропадин из вскипевшего и сожженного асфальта.

– Уйдут же! – хлопнул себя по коленке дед.

– Да и пусть. У него там занятие поинтереснее. – Изыщный пальчик

ткнул в экран, где ярко-синее стило гигантской молнии завершило выписывать букву «М» и приступило к букве «А»...

После того как огромное число цифровых носителей выгорело в результате необъяснимого технического сбоя, механизм дворцовых часов вновь отсчитал новую секунду.

Глава 27

Путь

Вспышка молнии поставила жирную точку, рокотом сшибив новую порцию листвы с деревьев.

– Как думаешь, из космоса видно? – громко спросил я, оглядывая огромную надпись: «МАКСИМ – ИМПЕРАТОР».

Правда, буквы в центре слегка ужаты в ширину, чтобы уместиться в полотно трассы – однако водители по правую сторону были так любезны, что освободили дорогу. Хотя их отъезд больше напоминал панику – прямо как у солдат гвардии, удравших в лес при первом же сине-белом всполохе... Но о людях надо думать хорошо.

– Думаю, да, – с видом эксперта сообщил Федор с крыши нашей машины.

– Ты там как? Все нормально?

– Ага. Только страшно, – признался Федор, присаживаясь и обнимая колени руками.

– Мне тоже, – не стал скрывать; да и толку-то, если руки дрожат...

Хорошо им, этим солдатам. Раз – и в лес, только их и видели. А мне что делать, когда звезда над головой принялась тянуть энергию из линий электропередачи?!

Стонал металл конструкций, грозясь упасть прямо на голову, от проводов каскадами хлестал энергопоток, наполняя солнце над моей головой, – и я чувствовал, как становится тяжелее *нечто*, что я удерживал над собой. И ничего не мог поделать!

Семен наверняка бы смеялся от попытки измерить энергию в килограммах, но держал я над собой явно не меньше сотни, с кристальной ясностью осознавая – если бросить, то раздавит всех. Вот и терпел, воздев руки (так было чуточку легче), с любопытством высчитывая, сколько смогу продержаться – признаюсь, рухнул бы в самом скором времени. Но тут сами солдаты помогли, бросив огненным копьем.

Решение защититься было рефлекторным – прикрыть глаза и отвернуться. Но руки-то были заняты сияющей ношей, висевшей в десятке метров над головой! И когда правая рука дернулась закрыть лицо, оказалось, что вместе с ней из звезды вырвался сияющий всполох, буквально втянувший за собой темно-алый огонь вражеской атаки.

Заметив такое дело, принялся экспериментировать – любопытно же. Новую атаку отбил играючи, жестом «смахнув» с поверхности яркого шара лепесток и им укрывшись. А потом стало не до веселья – новую огненную ленту противник нацелил на джип с Федором.

Резко махнув рукой, словно копьем метнул в неприятеля, но вместо очередного лепестка из яростного горна энергии в асфальт возле машины иглой вонзился сине-белый разряд, в ослепляющем сиянии, под грозный рокот медленно выцарапывая линию к машинам неприятеля. Ребята оказались умными и дали деру. А я оказался наедине с огромным солнцем над головой, продолжавшим пить силу из электросетей. То еще ощущение – как будто приготовился к драке, выломал кусок забора, а твои соперники сбежали. И вот сейчас зайдет воспитатель, закономерно спросив – а что ты делаешь в коридоре с дубинкой в руках?

– Вернитесь! – жалобно кричал я в им спины, но солдаты только прибавили в скорости.

На них хотя бы можно было тратить всю эту мощь – и ноша над головой становилась ощутимо легче. Хм!

В общем, куда все потратить, я придумал – теперь на карте страны точно будет надпись, которой ей так не хватает. А потом и сети обесточили, так что ручное солнце начало стремительно терять массу, в том числе визуально. Но на надпись хватило и даже на точку после нее.

Так что это все на самом деле не я. Так электрикам и скажу. Я посмотрел на дымящиеся провода, неряшливо провисшие длинными волнами. Нет, лучше открытку отправлю. Хотя сначала хотел написать извинения прямо на асфальте, но потом подумал, что фраза в две строчки «Максим – император. Извините» будет смотреться как-то не очень.

– Давай собираться, – выдохнул я.

Сделал шаг вперед и рухнул от ослепляющей боли во всем теле – как будто сотни муравьев одновременно укусили каждую клетку.

– Максим! – крикнул Федор, слетая с машины. – Ай! Тут асфальт током бьется!

– Н-не подходи... – смог хрипло попросить я, вытянувшись во весь рост.

Боль, на удивление, прокатилась по телу и принялась медленно просачиваться через ладони, прижатые к земле. В лицо дохнуло расплавленным асфальтом, а пальцы ощутимо обожгло – еле успел поднять щит.

– Ты в дорогу руками падаешь! – паниковал брат.

– Сейчас, не подходи, – поддавшись интуиции, через подвиг вытащил

свое тело с дороги на траву и вновь рухнул – на этот раз и лицом тоже. Стало легче, особенно там, где тело прилегало к земле.

– Листья вянут... как осенью, – растерянно произнес Федор где-то рядом.

Я наконец-таки разорвал на груди рубашку, и стало совсем легко – будто сметаной провели по обожженному животу.

– У нас аптечка есть! В машине! Я принесу!

– Не надо, – уже спокойно произнес я, чувствуя, как восстанавливаюсь.

Появились силы думать. В первую очередь попытался потратить избыток, застрявший в теле, обратившись к своему дару. Дар пришел на службу, но не забрал ни грана боли – нечто, что мучило тело, было чужим и не годилось для использования.

Не знаю, сколько лежал, сначала разглядывая желто-черную травинку перед глазами, а потом – безоблачное небо. Уже зашумели машины на трассе, посчитав дорогу безопасной вновь, а я терпеливо дожидался, когда переизбыток силы даст мне возможность подняться на ноги. Рядом так же терпеливо ждал Федор, то и дело предлагая то бинты и йод, то йогурт и шоколадку, не зная, чем помочь.

– Мне нужно время, – отвечал я ему.

Только и его не было.

– Там наш автобус! – воскликнул Федор.

– Значит, время подниматься, – отжал я тело от земли и осторожно встал, стараясь до последнего не отпускать ладони от травы.

И действительно, мимо, переваливаясь по изрезанному асфальту, прошла колонна знакомых «Икарусов» с княжеским гербом у номера, аккуратно объехав брошенные на трассе джипы. Мне бы еще полежать, но мы обязаны быть вовремя, вместе со всеми. Так даже лучше, чем приехать первыми, не станем единственным источником новостей.

– Помочь? – переживая, спросил брат.

– Я сам. – Мотнув головой, скинул тапки и поднялся.

А что, вполне терпимо – теперь внутреннее напряжение, судорогой сводящее тело, уходило сквозь пятки.

– Поехали, – подмигнул я брату и пошел к машине.

От моего прикосновения джип возмущенно закричал сигнализацией и заморгал фарами.

– Приехали, – тоскливо констатировал я, глядя на свою руку.

– И что делать? – поднял на меня взгляд Федор.

– Ты поведешь, – почесав затылок, пришел я к единственному

решению.

– А мне разве можно? – недоверчиво уточнил брат.

Я снял с рубашки свою бабочку и перекинул ему в руки.

– Надень, с ней все можно.

На алый лепесток ткани посмотрели, как на нечто волшебное, и тут же нацепили на воротник.

– Ты водить-то умеешь? – спохватился я.

– Конечно, – поправляя бабочку, солидно, совсем другим голосом ответил Федор, – это же моя машина.

Общими усилиями устроили мне место из резиновых ковриков – кожаное кресло тлело от моего прикосновения. И рубашка с шортами тоже тлели, но тут ничего не поделать – резиновых костюмов не было. Зато нашлась лампочка! Не в плане одежды, но через нее тоже можно было сбрасывать избыток силы – потихоньку, тускловатым желтым светом. Притронешься рукой – будто ветер подул, коснешься языком – словно холодного кваса выпил. Блаженство!

– Помощь не нужна? – участливо спросили из приоткрытого окна притормозившей рядом машины.

– Нет, – опустив тонированные стекла, снизу вверх пискнул Федор.

Я приветливо мигнул лампочкой.

– Уй, ё! – И мужчина дал по газам.

– Это он чего? – повернулся ко мне брат.

– В мире полно странных людей, – вынув лампочку изо рта, поучительно поведал я. – Поехали.

С колонной нам очень повезло. Во-первых, они точно знали дорогу, и нам не пришлось плутать по старому, оттого очень запутанному городку. Во-вторых, Федору было удобно ориентироваться по верхнему краю кузова последнего автобуса – так не нужно было вытягивать шею, чтобы одновременно жать на педали и видеть дорогу. В-третьих, ехали мы достаточно медленно, чтобы последствия встречи с плохими людьми полностью выгорели в вольфрамовой дуге.

Правда, внутрь вокзала нас не пустили, грозным жестом регулировщика указав на знак «Общественный транспорт», так что пришлось выруливать на забитую парковку и кое-как пристраиваться возле ограды. Федор даже почти не поцарапал нам бампер, но вроде бетонная стена обиделась не сильно и с молчаливым укором приняла извинения, брошенные на бегу, – мы опаздывали. А поскольку ноги у меня длиннее, а Федору с высоты явно больше видно, то бежали в два яруса, каждый занимаясь своим делом – я расталкивал плотную толпу людей, а Федор

подсказывал, в какую сторону мне рациональней работать локтями.

– Может, позвоним? – заметив третий раз один и тот же киоск, спросил я небо.

– Точно! – На фоне неба появилась воодушевленная физиономия брата.

Федор выудил телефон из шорт и деловито набрал номер, коротко спросил, некоторое время послушал ту сторону и жестом военачальника указал на север.

– Туда!

– А почему туда? – резонно уточнил я, не отметив в том направлении ни одной надежной приметы.

– Папа там кричал, что загонит всех на север, если мы не найдемся, – с готовностью прояснил Федор.

Но тут телефон перезвонил сам, и оказалось, что на север пойдут другие люди, а нам надо к пожарной башне на востоке.

Через некоторое время меня сдавили так, что в глазах потемнело, – тут же охнули, извинились, накричали, снова извинились и обняли в три пары рук. Сообразив, что страдаю за двоих, сгрузил счастливого (пока еще) Федора на землю. Ему еще щеки тискали, так что я в принципе легко отделался.

– Вы где были?! – с напускной грозностью спросил отец.

– Да! – вторила Тоня, уперев руки в боки, а Катя попыталась пнуть меня по ноге.

– Нас на вокзал не пустили.

– Кто посмел?!

– Дорожный знак, – указал я виновника всех бед и показательно ткнул пальцем в сторону въезда.

– К-какой дорожный знак? – растерялся Михаил.

– На своих машинах проезд запрещен. А на парковке места нет.

– А еще я бампер поцарапал, – виновато выглянул из-за моей ноги изрядно потрепанный Федор.

– Какой еще бампер? – Отец повел круглыми глазами от меня к Федору и обратно.

– Нашей машины, – тихо пискнул брат, указав рукой на высокий силуэт джипа в самом конце парковки.

– А-а... – протянул Михаил совсем обескураженно.

– Компенсация, – веско заявил я.

– Серьезно? – с приятным удивлением вымолвил отец.

– И не только! – чутко поймав момент, когда ремень вновь скрылся

из ближайшего будущего, гордо выступил вперед Федор.

– Еще деньги вернули, – пояснил я, – и украшения.

– Наши! – веско добавил Федор, потянув отца за руку. – Я покажу!

– А как вы приехали, кто вас привез? – дал себя повести папа.

– Мы сами и приехали. – Подхватив на руки сестер, я зашагал рядом.

– Так вы маленькие! Вам нельзя за руль!

– С ней – можно. – Брат огладил алый шелк бабочки и загадочно добавил: – Артефакт!

– Дай! – потянулась Тоня к бабочке. – Мне! Мое!

Я предусмотрительно отступил на пару шагов в сторону.

– Да там руль и педали, чего сложного, – успокоил я отца, движением головы отцепляя Катину руку от своего уха. – Тем более мы медленно и за автобусом.

– Ну разве что так, – для порядка проворчал безмерно счастливый – по глазам видно – Михаил. – А я уже насчет транспорта договорился. Но так, конечно, лучше! Просто замечательно! Дети, забирайтесь в машину, сейчас я сумки только закину...

За две минуты, путем интриг и угроз, места были распределены. И это еще Федор не участвовал – он молча вцепился в мешок. После подкупа шоколадкой мне досталось то, что рядом с водителем, а сестры заняли второй ряд, с любопытством поглядывая на груз в руках брата.

– Сейчас предупредим моего знакомого, что едем своим ходом, и вперед! – бодро обозначил программу папа, заводя машину. – Федор, что у тебя там?

– Наше! – отозвался брат.

– Ладно, – видимо, привычно хмыкнул Михаил, выруливая с парковки.

– Дай посмотреть, – зашикали позади голоса сестер, перемежаемые упрямым пыхтением Федора.

Товарищ отца оказался хозяином микроавтобуса, в момент нашего прибытия деятельно обсуждавшим, как запихнуть двадцать человек с грузом в пространство не самой большой машины. Наше прибытие группа людей восприняла молчаливо, с характерным прищуром, от которого захотелось заблокировать двери и прибавить скорость.

– Армен, мы не поедem, – перегнувшись через меня, сообщил отец.

Толпа радостно взволновалась, но тут же оказалась заглушена зычным голосом, предлагавшим всем желающим четыре свободных места совсем недорого.

– А казался таким приличным человеком! – глядя на нас, сварливо крикнула дородная тетка из толпы.

– Так это компенсация, всем выдают, – виновато пояснил отец.

– Да? А разве не просто деньги возвращают? – Не веря, переспросила она, подходя ближе.

Со второго ряда раздался болезненный вопль и торжественный писк девчонок, на секунду отвлекший раздраженное внимание женщины. Но этой секунды хватило, чтобы у тетки блюдцами распахнулись глаза, а рот открылся так, что хоть поезд пускай. Чувствуя недоброе, обернулся и обомлел – Тоня с восхищением наматывала на руку солидную охапку цепочек, отнятую у вусмерть разобиженного брата.

– А-а-а... – сглотнув, протянула тетка, не в силах оторвать от драгоценностей замороженный взгляд.

– Компенсация, компенсация, – терпеливо повторил отец, поглядывая на стрелку бензобака. – Мы поедем, хорошо?

– Х-хорошо...

Машина шустро набрала скорость, но вопль: «Тамара, нас обманули! Хватай топор, там золото килограммами дают!» – я услышал отчетливо.

Вскоре мы снова были на трассе, но уже на другой, уходящей на восток страны – к городу, где у Михаила были друзья.

– Скоро все будет хорошо, – поймав мой взгляд в центральном зеркале, пообещал отец.

Я согласно прикрыл глаза, устроился поудобнее и уснул. Впервые за четыре дня.

Даже в самом роскошном дворце есть место крошечным комнаткам с узким окном, единственной кроватью и крашеными стенами. Все-таки сотня слуг на целое здание, и каждому нужно место для сна и отдыха. Некогда строители решили, что им, слугам, хватит и шести квадратных метров на каждого – почти столько же, сколько занимала малая гардеробная в помещениях для гостей. Время тогда такое было: если не общая комната на сорок лежанок в два яруса – то простолюдину уже роскошь.

Разумеется, во время нынешнее даже слугам старались угодить, отводя пустующие залы под жилье, благо детский дворец вечно пустовал, а мелких представителей благородной крови совершенно бестактно держали по четверо в одной комнате – так они меньше разрушали, аж в четыре раза. В общем, место было, слуги вовсю радовались удачным и уважаемым местам службы, порою и не зная, что официально приписаны к совершенно другим комнатам – все-таки хотя бы на бумаге должен был быть порядок.

Однако и тут не обошлось без исключения – один человек все-таки продолжал ночевать в крохотной комнатке. Но что взять со странного

старика, доживавшего свой разум и годы на службе? Может, он и стал слугой, когда такие покои были за радость... Только и этот жилец скоро покинет восточное крыло – и хранитель дворца сможет наконец-таки его опечатать. Самый верный дворцу человек решил завершить службу.

– Привет, – замерла на пороге маленькой комнатки Ксения.

Внутри почти не было места – кровать и тумбу занимали два раскрытых чемодана, а в небольшом проходе суеился сам хозяин комнаты.

– Да, привет, – слегка смутился дед и показал на разложенные вещи. – А я вот на пенсию собрался. Дал себя уговорить.

– Амир рад?

– Вот, смотри, сколько всего надарил, – усмехнувшись, показал он рукой вокруг. – У меня в жизни столько вещей не было. А еще вот, путевки, шесть штук, с полным проживанием, – потряс он охапкой цветастых бумажек из плотного картона, до того небрежно откинутых на край кровати, – до конца дней можно по миру кататься.

– Будешь присылать мне открытки? – чуть отстраненно, без радости и без печали, спросила внучка.

– Конечно! Из Парижа, из Мексики! – расцвел дед. – Марки будешь коллекционировать.

– А где ты их возьмешь в княжестве Шуйских? – Равнодушную маску сменила лукавая улыбка. – Максим ведь там.

– У нас что, мало людей в Париже? – заворчал старик, возвращаясь к чемоданам.

– А как же я? Мое обучение завершено?

– Нет... – Дед глубоко вздохнул и с виноватым выражением повернулся к любимице. – Прости... но я должен быть там.

– Он тебя не примет, – предупредила Ксения.

– Я найду слова.

– Не поможет, – легонько качнула та головой. – Не после того, как наш род бомбил город его семьи.

– Да еще семья эта! – разошелся старик, поджав губы. – Шли-шли и нашли... не бывает такого! Раз – и сразу в семью, ишь чего захотели. Думаешь, этот Самойлов – простой человек?! Ха! Таких шестеро на всю страну!

– Он нужен им, они нужны и дороги ему... – мягко протянула Ксения. – Тепло – за заботу, ответственность – за доверие.

– Мы его семья! – не сдержался дед.

– Мы – плохая семья.

– Может быть, – понурился он, присев на кровать. – Но я хочу все

исправить. Я должен.

Рядом тихонько присела внучка и привычно положила ладошку на его руку.

– Помнишь, я рассказывал, почему так важна честь? – поднял он взгляд на любимицу.

Девочка промолчала, сумев ощутить себя за той гранью, где не нужно вести беседу, а надо принять исповедь.

– Человек – он слаб и ленив по своей природе. Человек с целью способен добиться результата, если воля его крепка. Но для магии недостаточно воли, на высоких рангах нужна одержимость. Когда бетонная плита падает на младенца и эту многотонную ношу держит хрупкая женщина – это одержимость спасением жизни родного существа. Когда человек перепрыгивает трехметровую стену, спасаясь от стаи собак, он одержим выживанием. Но нам такое не подходит – нам нужно спасать чужие и свои жизни постоянно. Поэтому мы одержимы благополучием рода, его честью, славой и выживанием. Это не просто слова, милая. Это то, что превращает слабый ветерок «новика» в шторм «виртуоза» – всего-то нечто внутри человека, заставляющее вложить самого себя, все свои силы, опыт и возможности ради славы и благополучия рода. Бесконечное соревнование с самим собой, в котором нельзя соврать...

Старик помолчал.

– Тринадцать лет назад для нас не было на свете трагедии хуже, чем выбросить сына в неизвестность. Люди умирали в сражениях, от болезней и стихии, от старости или дурной раны – все это было, и никуда от этого не деться. Можно только оплакивать и мстить. Но никогда, ни в одном из поколений мы не отказывались от родной крови. Мы одержимы семьей, и пойти на этот шаг далось с огромным трудом. Скажу только, что твой отец лишился силы на полгода. Вообще всей силы, его даже твоя мать избивала, когда узнала... Я потерял один ранг силы. Все остальные, кто был в курсе дела, тоже ходили в страшной депрессии. Но у нас была цель. Мы, одержимые, желали роду благополучия, которое мог подарить пророк. И мы пошли на эту жертву. Я не хочу оправдываться, я знаю свою вину и вину твоего отца, но пусть мы умрем за это, если с твоей помощью наш род будет жить. Прошли годы, мы успокаивали себя, что найдем мальчика и постараемся обеспечить ему будущее. Никто не верил, что после интерната для сирот и обычной школы мы получим кого-то адекватного. Не смотри на меня так гневно. Мы любили бы его абсолютно любим.

Старик задумался.

– Потом ты нашла Максима. Сбылось пророчество твоей матери, мы получили великий дар и еще один шанс выжить в этом жестоком мире. Это тут мы кажемся большими и сильными, а знала бы ты... Не важно. Признаюсь, от этой новости мы стали сильнее... Ощутимо сильнее – если я и твой отец уже шагнули за грань наивысшего мастерства, то часть посвященных подошли совсем близко к ней. Еще одно хорошее известие – и они бы тоже ее пересекли, а клан получил бы пару-тройку «виртуозов». Всего-то дел – надо вернуть парня, убедиться, что все хорошо, и совесть внутри нас позволит чувствовать себя сильнее. Но ты не позволила, и это твое право. Ссориться с оракулом... особенно таким милым, с таким хорошеньким носиком и щечками... Ладно-ладно. В общем, ссориться – дураков нет. Искать самим – помнишь, я тебе про политику рассказывал? Нельзя. Так что ходят у нас теперь недовиртуозы и тоскливо посматривают в твою сторону. Замечала, нет? Нет? Ну, про тоскливое выражение я перебрал, они те еще убивцы... Твой дядька Амир, например. Он добрый?! Ладно, пусть будет добрый. А недавно ты показала мне брата. Сильного одаренного, разогнавшего двух «ветеранов» гвардейской охраны. – Старик упер лицо в сложенные ладони.

– Деда...

– Который в тринадцать основал компанию и заработал свои первые сто тысяч...

– Дедушка, ну не надо, – встревожилась Ксения, услышав тихие рыдания старика.

– Который имеет полное право нас ненавидеть... – Дед поднял голову и растерянно посмотрел на внучку. – Мы выкинули из семьи ее будущее. Мы ввали себе, что это будет бестолочь, без дара и чести. Если твой отец узнает об этом... Ксюша, я второй день не могу призвать силу. Что станет с ним?

– Мы ему не скажем.

– Не скажем, – эхом отозвался старик, – пока я все не исправлю. Я стану слугой, дворником рядом с ним – это не зазорно для чести! Обучение детей клана – никогда не зазорно для чести! Я не скажу, кто я и откуда, но я обязан быть рядом, когда он узнает правду о своем происхождении. Между нами не должно быть вражды.

– Не переживай, – мягко успокоила она, – он не злой.

– Может быть, – упрямо произнес старик, – но ты не можешь заглянуть в душу. Твой дар – огромное богатство, но и он дает сбой.

– Еще не было случая...

– Помнишь, я говорил про пророчество твоего рода?

– Что будущим оракулом станет девушка с именем Софья? Да, оно не сбылось, но...

– Сбылось, – отрицательно покачал головой дед. – Твоя мать – сильнейший оракул в роду. Она увидела свою маму, когда ей было всего шесть лет.

– Но почему тогда... – растерялась Ксюша.

– Она не поверила, что ее любимая мама, которую она так хотела найти, мечтала о ее любви и ласке, жаждала ее возвращения... Что ее мать бесконечно счастлива без своей дочери, – отчеканил дед и добавил чуть мягче: – Девочка не знала, что та ненавидела свою родню, а не ее лично. Дар сломался. Потом мы вытащили Софью из этого гадюшника, ей там тоже приходилось нелегко – род занял много денег и очень рассчитывал на ее дар... Но дело не в этом.

– А в чем? – совсем потерянно произнесла внучка.

– Ты уверена, что твой брат, который там, в будущем, жив и здоров, не ненавидит искренне тебя, меня, твоего отца и Амира? – вкрадчиво уточнил старик.

– Такого не будет!

– Ксюша, ты ведь видишь будущее с той же скоростью, что настоящее. Ты можешь дать гарантию, что где-то там, в моментах, которые ты не посмотрела, он не убивает нашу родню?

– Мой дар подсказал бы мне! – уже плача, крикнула Ксения.

– Может быть. А может, и нет. Никогда не задумывалась, почему при таком сильном даре Веденевы не правят миром? – не обращая внимания на слезы, спросил дед. – Посмотри на императорский дворец, попробуй увидеть его будущее! – прикрикнул он.

Ксения даже плакать забыла и растерянно захлопала глазами от такой отповеди, но потом дисциплинированно попыталась воссоздать знакомый по фотографиям образ и заглянуть за горизонт...

– Серое марево!.. – испуганно воскликнула она, отдергивая лицо.

– И это только одно место. Такое тебе не показывали, чтобы не сломать веру в свои силы, но предупредить перед отъездом я обязан. Не все, что ты хочешь увидеть, тебе покажут. Не все, что ты видишь, станет правдой. Смотри на мелочи, доверяй интуиции, не бросай ключевые события на авось.

– Но я видела будущее брата...

– Твой брат – уже фигура, – непреклонно заявил дед, – и как бы этим будущим уже не играли против нас...

Глава 28

Тайное внутри

Низкий потолок, оббитый серой тканью, глухая преграда справа. Попытка дернуться пресечена тугим жгутом через всю грудь. И уже тогда, одновременно с легкими, заполненными криком, пришло осознание – я все еще в машине. И вовсе ничего не удерживает на неудобном ложе – это всего лишь ремень безопасности. Кресло наклонено назад, упираясь во второй ряд наголовником, оттого по правую руку глухой борт машины вместо окна, а слева обзор загораживало сиденье водителя.

А вообще, на улице светло, только летний вечер ли это или раннее утро следующего дня – непонятно. И узнать неоткуда: кроме меня, в салоне никого.

Отстегнув ремень, вывалился из машины, морщась от покалывания в затекшем теле и чуть ежась от приятного холодка – все-таки утро. По правую сторону дороги аккуратным рядком выстроились молодые яблони, загораживая собой небольшую полянку с беседкой, за которой проглядывал высокий забор. По левую стоял дом в два этажа, закутанный в гранит, с крыльцом, поднятым над землей на метр, и симпатичным разнотравьем, опоясывающим все здание лентой шириной в три метра. Красивый дом, только в нем явно давно не жили – и дело даже не в высокой траве, разросшейся у фундамента, а в потрепанных рамках окон с облупившейся краской, отвалившейся кое-где облицовкой и тишине, несвойственной для такой громады.

Наверное, мои внутри, раз машина рядом. Поднявшись на семь ступенек, вежливо постучал в дверь большим железным кольцом – звонка-то не было. Тут же послышался быстрый перестук ног, и дверь распахнулась, втягивая меня внутрь вихрем по имени Федор.

– Ты проснулся! А мы хотели тебя будить, но твоя звездочка не пускала, – радостно тараторил он, утягивая меня внутрь. – Руку протянешь – и как кольнет больно!

Холл завершался в высоком, на два этажа, зале, по стенам которого слева и справа тянулись вверх деревянные лестницы. По центру стояли два дивана, создавая в плане треугольник с вершиной в виде могучего камина, ныне потушенного. Над головами тускло блестела укрытая паутиной люстра, шириной и высотой эдак метра в два, но взгляд все равно в первую

очередь упирался в огромный ростовой портрет строгого военного в черно-серебристом мундире, с двумя длинными и очень красивыми пистолетами в руках над камином.

– Красиво, да? – заметив мой интерес, брат поделился своим восторгом. – Когда-нибудь я тоже так смогу!

– Рисовать? – полюбопытствовал я, вновь будучи утянутым за братом, на сей раз к лестнице слева.

– Делать пистолеты, – с укором пояснил Федор, будто на плохую шутку.

– А где мы? – чуть притормозив, спросил я.

Второй этаж не был столь примечателен, как первый, – он скрипел старым паркетом, дышал пылью зеленой обивки стен, зато давал неплохой вид на общий зал.

– Дома, – с улыбкой доложил брат.

– А там наша квартира, да? – осторожно уточнил, кивнув по направлению нашего движения.

– Не, – замотал Федор головой.

– Комната? – чуть погрузился я.

– Нет же! Весь дом – наш! А там папин кабинет и мастерская, пойдем!

И, уже отпустив мою руку, припустил вперед, подпрыгивая от нетерпения.

– Но разве в таком доме может жить одна семья? – не поверил я, по пути трогая дерево коридорной облицовки, тяжелые бронзовые подсвечники, вглядываясь в лица на потемневших картинах по обе стороны длинного коридора, в который мы свернули.

– Ну, он маленький, да, – виновато произнес Федор, – у нас прежде был больше. А у Мишки из класса – вообще дворец!

– Стой, что значит «маленький»? Он огромный! – не сдержал я своего восторга.

– Правда? – осторожно улыбнулся брат.

– Конечно! И мы тут будем жить одни?

– Ага! – вновь счастливо улыбнулся он.

– Это ж сколько придется полы мыть? – озадаченно почесал я затылок.

– Не, это слуги делают, – отмахнулся он, вновь ухватив руку и уводя в очередной поворот коридора, к приоткрытой двери.

– Но ведь им надо платить зарплату?

– Мы не так бедны, сын, – поприветствовали из кабинета. – Проходите!

Два книжных шкафа, поставленных поперек большого зала, делили

помещение на вполне уютные комнаты под единым высоким потолком. Левая часть, не видимая от входа, видимо, была мастерской, а в правой, за широким столом и небольшим ноутбуком, среди десятков аккуратно выложенных рядами драгоценностей, улыбался Михаил. Вид он имел слегка потрепанный, будто не спал вовсе – и так, скорее всего, было. Потому как найти дом в незнакомом городе за один вечер – не совсем простое дело.

– Твоими усилиями и Божьим промыслом, у нас есть крыша над головой, – встал он из-за стола, выходя нам навстречу.

Нам достались объятия – одни на двоих, а Федору еще и испортили прическу.

– Я рад, – с приятной теплотой в душе отозвался я на похвалу. – Так быстро нашлись покупатели?

– В нашем роду мы выбираем клиентов, а не они нас, – со скромной гордостью отозвался Михаил, жестом приглашая к столу.

– Это настолько дорого стоит? – присаживаясь в одно из кресел и уступая подлокотник брату, указал я на бережно разложенные драгоценности слева от него.

– Это не стоит ничего, – отрицательно покачал отец головой и на мой удивленный взгляд добавил: – Эти вещи мы вернем владельцам.

– Но... – слегка растерялся я.

– Вещи делались для них, – поднял он крайнюю брошку в ряду и посмотрел на нее с теплой улыбкой, как на хорошую знакомую. – Медальон Маргариты Ожеговой. Красные рубины, хризолиты, серебро и медь. От давления и аритмии. На чужой шее такая вещь будет опасной. А вот тут – вещи без индивидуальной привязки, – указал он на такую же по размерам группу драгоценностей. – Вот, надень.

Рука отца передвинула в мою сторону массивный перстень с крупным синим камнем, впаянным в белый металл. Тяжелый, увесистый, он разместился на пальце свободно, чуть болтаясь.

– Чувствуешь? – внимательно посмотрел на меня отец.

– Мм, нет, – признался я.

– Пусти немного силы в камень, – зашептал в ухо брат.

По телу вмиг прошел ураган свежести, вымывая из тела усталость и сонливость, делая резкими и четкими все предметы вокруг – и будто бы давая видеть комнату шире. Неожиданно стало стыдно за свой внешний вид – моя одежда совсем не соответствовала внутреннему состоянию.

– Вот это да! – выдохнул я.

– Работает два раза в сутки, – польщенно улыбнулся Михаил, забирая

протянутое мною кольцо обратно. – Сколько может стоять бодрость для усталого воина? Чем измерять: золотом или жизнью? Нам дали за такое же колечко этот дом вместе с участком в аренду на пять лет.

– Неплохо, – с уважением посмотрел я на отца.

Сколько может стоять аренда такого дома, даже на окраине, я представлял неплохо – в свое время мы месяц искали место под наше производство.

– Продешевили, конечно, – вздохнул он. – Вот на это колечко мы все тут отремонтируем, а остальное позволит получить благосклонность местного князя, – с сожалением обвел он глазами еще два десятка предметов.

– Не слишком ли? – осторожно поинтересовался я.

– Мы тут никто, – понурился Михаил, – или отдадим, или отнимут. Не надо возражений! – вскинулся он, заметив ярость в моих глазах.

В душе поселился неприятный комок из сожаления и злости, но я задавил в себе это, до поры.

– К тому же мы всегда можем сделать новое, – подмигнул он мне и Федору. – А князь, приняв дар, станет единственным клиентом, вот увидишь. Это – выгодное вложение!

Рядом завозился Федор и отчетливо кашлянул.

– Но я не за этим тебя пригласил, – тут же с улыбкой кивнул он Федору и достал из кожаного мешочка на углу стола два одинаковых алых камня. – Федор очень попросил, чтобы мы с тобой попробовали посмотреть на эти камни повнимательнее, – обратился он ко мне. – Разумеется, не будет ничего страшного, если ты ничего не увидишь! – успокаивающе добавил он.

Посмотрев на них внимательно, покрутив в руках и украдкой попробовав на вкус, с легким разочарованием положил обратно на стол. Рядом грустно вздохнул Федор.

– Нет, – не нашел я отличия в двух камнях.

– Это нормально, все хорошо, – успокоил отец, легкими движениями выравнивая камни по одной с краем стола линии. – У каждой семьи свои секреты, разрушительные или созидающие.

– А что в них? – полюбопытствовал я, вновь придвинувшись вплотную к столу. – В камнях?

– В одном рубине есть искра творения. Другой – пустышка, гораздо чаще встречаемая, – указал он последовательно на камни. – Мы видим душу в самоцветах, металле и камне и можем делать из них полезные вещи.

– Волшебные! – по секрету прошептал в ухо брат.

– А те пистолеты в гостиной? – стрельнул я взглядом вниз, к первому этажу, и вновь приник к столу, пытаясь разглядеть нечто в правильном рубине.

– Их делала другая семья, – для порядка уточнил Михаил. – Но да, если будет заказ. Они делаются под человека, под его рост, вес, его силу и дар.

– Будут стрелять дальше и точнее? – досадуя, что камешек никак не хочет открыть свой секрет, тянул я время.

А то ведь попросят удалиться, а тут такой шанс уходит из рук... Хотя внутри меня было некое смирение – в самом деле, не все ведь сразу.

– Смотря в чьих руках, – взвешенно произнес отец. – В руках обычного человека, даже без дара, пожалуй, да. В руках сильного одаренного такое оружие сможет уничтожить боевую технику, строения и пробьет вражеские щиты.

– Да ну? – не поверил я.

– Ну, такой дар редок, – все-таки поправился Михаил, забирая горемычные рубины из-под моего носа, – и почти ни у кого нет денег такое заказать, – с ноткой гордости завершил он.

– Даже у князя?

– Оружие прадеда сильнее, чем я могу сделать, – пожал он плечами, с достойной уважения прямоотой признавая чужое мастерство. – Разве что Федор сможет сделать лучше, если будет хорошо учиться.

– Я смогу! – твердо заявил брат, чуть оглушив своим оптимизмом.

– Кстати, насчет учебы. Тоня, Катя, хватит подслушивать, идите к нам!

Из мастерской с маской вины и лукавыми глазками вынырнули сестры и атаковали свободный подлокотник.

– Сегодня поедем устраиваться в школу, – заявил отец. – Я там был – просто чудесное место. Не лицей, правда, но очень чистая, опрятная и главное – в пяти минутах от дома. Максим, тебе в какой класс?

– Г-хм, – закашлялся я, гася острую панику, – а мне не надо в школу...

– Всем детям обязательно надо получить знания. Это необходимо для жизни, для поступления в университет и карьеры, – терпеливо пояснил отец.

– Я состоявшийся взрослый предприниматель! – попытался я осуществить тактическое отступление вниз по креслу, но ухо неожиданно цепко задержала Тоня. А бежать без уха – больно.

– Значит, тебе в седьмой? – совершенно бестактно проигнорировали мое мнение.

– У меня есть другие документы! – вскинулся я, выуживая из кармана

шорт пачку пластиковых паспортов, подаренных сержантом Тетериным. – Вот, Максим Федотов, восемнадцать лет, – протянул я карточку на стол.

– Не похож, – скептически покачал головой отец и с улыбкой вернул паспорт. – А в документе, где ты мой сын, написано: «Тринадцать лет». Максим, в чем проблема?

– Ну, эмм, – замялся я, чувствуя на себе три внимательных взгляда и зубы на ухе.

– Только не говори, что в школе тебя раньше обижали, – с сарказмом произнес Михаил.

– Я не умею, – тихо прошептал я, уперев взгляд в пол.

– Что? Какой-то предмет плохо дается?

– Я... я умею писать и считать. И больше ничего... – совсем на грани слышимости признался я.

– Это не страшно, – излишне бодро заявил Михаил, зачесав затылок. – Мы поможем, да ведь, девчонки?

– Да! – пискнули в ухо и сжали на нем же зубы.

О нет, только не это! Я с ужасом отпрянул к Федору и взглядом попросил у него защиты.

– У тебя все получится, – брат снял с себя бабочку и аккуратно нацепил мне на воротник, – ведь с ней все получается, верно?

Спокойно, только спокойно! Бежать! Нет, ты мужчина. Глубокий вздох. План! Точно! Девчонок – испугать, чтобы боялись подойти. С учителями – договориться! Вперед.

Я жестом показал сестренкам, что хочу сказать им что-то на ушко. Те доверчиво повернулись и даже сложили ладошки, чтобы лучше слышать. Наивные.

– Знаете, как пахнет сгоревший человек? – жутким голосом прошептал я.

– Ка-ак? – тут же с восхищением спросили они, требуя немедленного ответа.

Отчетливо дернулся левый глаз.

– Катя, перестань есть брата! Сейчас поедem в кафе, собирайтесь, – спас меня Михаил. – Федор, тебе тоже следует переодеться. Максим, задержись.

Дождавшись ухода детей, отец самолично прикрыл за ними дверь и повесил на ручку небольшой кулон с темно-синим камнем.

– Не обижайся, мы не хотели тебя обидеть, – мягко начал он. – Пожалуйста, не сбегай от нас. Ты очень нужен нам, нужен Федору и по-настоящему дорог.

Я насупился и, ссутулившись, смотрел себе под ноги. Осознавать свое несовершенство было неприятно. А если представить, как будет в школе... Насмешки, которые придется перебивать кулаками. А ведь эти дети – не сироты, а значит, придется разбираться еще и с их родителями. Потом с полицией. Проще сбежать. Хотя очень не хочется.

– Скоро приедет его мама, и я буду уже не нужен, – тоскливо отозвался я.

– Наша мама, – поправил Михаил и грустно посмотрел в окно. – Наша мама уехала очень далеко. Наверное, лет через сорок я догоню ее. – Его голос надломился. – А через сто лет мы все встретимся вновь, одной семьей, в лучшем из миров.

Отец повернулся ко мне и с невероятной тоской посмотрел мне в глаза.

– Пожалуйста, не уходи, – тихо попросил он и добавил уже быстрее, с надеждой и просьбой: – Я сделаю тебе медальон на хорошую память, кольца на бодрость, мы найдем лучшего преподавателя, и ты быстро подтянешь знания! Ты нам очень нужен! Мне, сестрам, особенно Федору. Стань нашей семьей, пожалуйста!

Внутри почему-то стало горячо-горячо.

– Я постараюсь, – выдавил я из себя, спрятав слезу в ладони.

– Пойдем, остальные наверняка приготовились, – засуетился он, тактично не заметив моей слабости.

По пути заехали в небольшой магазин готовой одежды, где за солидную такую кучу денег мне выбрали две рубашки и пару брюк, в которые я там же и оделся – разве что бабочку перевесил и телефон переложил. Магазин по соседству поменял наши деньги на новые ботинки, модные, с острым носом. И как-то так вышло, что после переодевания я смотрелся ровней своей семье, а не случайно прибившимся мокрым воробьем. А если посмотреться в большое зеркало витрины, то мы действительно казались родичами – один цвет глаз, схожие черты лица, только волосы отличались. Как ответственно заявил Федор – мамин. И даже пообещал показать ее фотографию, если она не приедет раньше.

После двух порций мороженого (наше все равно вкуснее!) и основательного обеда нас, чуть ословелых, оттого беспомощных, повезли к школе.

А неплохое такое место, тоже за собственной оградой, да еще глухой – общей на школу и огромный завод по соседству. Только решетчатые ворота позволяли заглянуть внутрь – и увиденное понравилось. Половину территории перед школой занимала площадка для отдыха, с турниками, качелями и каруселью. Другая часть была огорожена под баскетбольную

площадку, а если заглянуть в ограду под углом, то с левой части школы был виден край футбольного поля. Само здание смотрелось белоснежной игрушкой, неведомо как оказавшейся в городе, – ни одного матерного слова на мраморных стенах, окна блестят, а два крыла по четыре этажа, выдвинутые чуть вперед над трехэтажным центром, скорее создавали вид дворца, чем школы. Я такого никогда не видел. И все это названо «СОШ с углубленным изучением отдельных предметов», под трехзначным номером.

– Ух ты! – кратко обозначил все мои мысли Федор.

Сестры уснули в машине, так что возле забора мы стояли вдвоем, переглядываясь на предмет покорения этой высоты и занятия пустующей карусели. Отец отошел чуть в сторону, пытаясь дозвониться по номеру, указанному под школьной табличкой, но пока безрезультатно.

– Вы по какому вопросу? – Из школы вышел молодой мужчина лет под тридцать, в белоснежной рубашке и таких же брюках – наверное, их фирменный школьный цвет.

– Добрый день, – обрадованно шагнул к ограде отец. – Мы недавно переехали в дом недалеко отсюда. Хотели бы записаться в школу на новый учебный год. Вот мои сыновья, и еще две дочери в машине.

Ограда открылась, пропуская работника школы.

– Сожалею, но мест в школе нет, – обескуражил он нас. – Попробуйте в сто шестую, она неподалеку.

– Может, удастся как-то решить этот вопрос? – не сдавался Михаил. – Скажем, помощь школе. Или ее преподавателям...

– Нет, извините, – слабо улыбнулся он. – Всего доброго.

– Пап, можно я?

– Да, мальчик? – терпеливо посмотрел на меня мужчина.

– Для нас найдутся места, – надавил я Голосом.

– Увы, нет, – даже не напрягся он.

Я растерянно посмотрел на дядьку – с ним не работает! А ведь я все правильно сделал...

– Вы уверены? – Новая попытка, с ломающим волю наклоном головы.

– Абсолютно.

Неужели я потерял дар? Паника прокатилась по телу. А звездочка?! Родная искра тут же родилась в ладони и была быстро спрятана. Уф, все хорошо. Наверное, просто человек бракованный.

– Мальчик, а что у тебя в руке? – ласково спросил он.

– Ничего, – буркнул я, отворачиваясь. – Мы уже уходим.

– Простите, я не спросил вашего имени – какая бестактность с моей

стороны! – Он снова подошел к отцу, протягивая ему руку. – Руслан, будем знакомы.

– Михаил, – настороженно ответил отец, от которого не укрылась причина изменения в поведении.

– А как зовут вашего сына? – сытым котом косясь на меня, спросил работник.

– Максим.

– Простите за бестактность, он одаренный? Просто если он одаренный, это совершенно другой разговор!

– Пожалуй, мы пойдем в сто шестую, – забрал свою руку папа.

– Я иду комплектом с братом и сестрами, – хмуро предупредил я человека.

Школа мне нравилась. И она нравилась Федору. А дар все равно не скрыть, так какая разница?

– Вообще не проблема! – воодушевился мужчина, приветливо открывая калитку. – Вы не могли бы отпустить вашего сына буквально на пару минут, для проверки дара? Я бы пригласил всех, но нам строго запрещено пускать посторонних, а у вас еще дочери спят в машине, не станем же их будить, верно?

В мурлыкающем голосе отчетливо слышались нотки моего Голоса – только другие, не давящие, а будто ведущие за мыслью.

– Извините, – с силой наступил я ему на ногу и растерянно похлопал глазами.

Тот хмуро выдернул свою ногу из-под моей.

– Максим? – спросил меня Михаил. – Мы можем пойти в другую школу.

– Эта сойдет, – оглядел я стены и вступил за ворота.

– Если что-то случится, немедленно мне звони! – запоздало заволновался отец.

– Если что-то случится, вы это увидите и услышите, – буркнул я себе под нос. – Что там за тест?

– Мы возьмем немного твоей крови для анализа, это совсем не больно!

– Обойдемся без крови, – хмуро отозвался я и зажег солнце на руке. – Сойдет?

– Вы все приняты! – счастливо проорал Руслан в сторону ворот. – Но порядок должен быть, – это уже мне. – Пойдем, мне надо познакомить тебя с коллегами.

Если объединить горящего энтузиазмом молодого закупщика, важную

миссию и огромную кучу денег, то получится нечто, на что долго и недоуменно будут смотреть медсестры обычного школьного медпункта. Кое-кто из них даже поищет в поисковике название аппарата, на который так удобно ставить кружку с кофе, и потом поделится с коллегами, что они тут могут делать точечную анестезию. А если еще с вон той штуки убрать кулер, то операции на сердце. Все вздохнут, но аппараты таки пожалеют, переставив емкость с водой и кружки на другой загадочный агрегат, который потом окажется новейшим прибором для лечения легких. Еще через полгода кто-то выпросит ключ от одной из двух дверей в самом конце кабинета и найдет там аппарат МРТ. После чего на обе двери повесят красивые детские рисунки, аппаратуру завесят милыми скатертями, оставив себе шкафчик с зеленкой, ватой и бинтами. И продолжают спокойно работать – с такой зарплатой лучше не беспокоить начальство, напоминая о себе.

Вот в такой кабинет целеустремленно вошла пара: молодой мужчина в белой одежде и парень в опрятной рубашке и бежевых брюках.

– Тут никого, – с легкой подозрительностью произнес парень.

– Лето, каникулы, – уверенно прошествовал ко второй двери в конце кабинета мужчина и приложил руку к рисунку с жирафом.

Дверь тихонько щелкнула, приоткрываясь.

– Идем, нам сюда, – махнул он рукой, заходя внутрь следующего помещения.

За дверью оказался короткий коридор с нехарактерно низким для этажа потолком, с единственным выходом после Г-образного поворота.

– Да не бойся, идем, – приободрил взрослый своего спутника, заметив его робость – тот все еще стоял у входа.

– А я не боюсь, у вас просто дверь интересная, – качнул он створкой и внимательно осмотрел торец.

– На магнитах, потом покажу, – заспешил мужчина. – Даже подарю, – щедро посулил он, подразумевая неодимовые магниты.

– Тогда ладно, – солидно согласился мальчик, напоследок по-хозяйски глянув на дверь.

– Вот, это наш кабинет, – распахнулась новая дверь, демонстрируя широкий зал, заставленный аппаратурой, среди которой нашлось место четырем столам для персонала.

Правда, половина столов пустовала, а из двух мужчин пару поприветствовал только один, отвлекшись на секунду от документа на мониторе.

– Руслан? – тепло улыбнулся радушный господин, умудряясь

одновременно смотреть ледяным взглядом.

– Знакомьтесь, Максим, – с показной бодростью, скрывающей легкий мандраж перед старшими коллегами, произнес Руслан. – Одаренный. Хочет учиться у нас.

– Добрый день, – буркнул парень, зажигая над рукой ослепительно сияющий шар размером с мяч. – Сразу говорю, я против крови, так что давайте разойдемся мирно.

– Какие ваши требования? – занервничал мужчина за компьютером, медленно пряча левую руку под стол к тревожной кнопке.

– Четыре места в школе, – недоуменно пожал он плечами, покосившись на Руслана.

– Вы все неправильно поняли! Максим, его брат и две сестры хотят у нас учиться, – тут же пояснил его сопровождающий, замахав руками. – Максим, убери немедленно!

– Это ты уже спецназу объяснять будешь, – буркнул, не поворачиваясь, до того молчавший мужчина.

Где-то по соседству раздался резкий удар, а затем характерный шум упавшей двери и топот ног.

Дверь осторожно приоткрыли автоматом и тут же рывкнули команду всем лечь на пол и заложить руки за голову, пока они считают до трех.

– А у вас тут нескучно, – дернув молодого мужчину за полу рубашки, поделился парень. – Но вы лучше ложитесь, я сейчас драться буду.

Тот растерянно отвел взгляд с двери на парня и будто отмер.

– Стоп! Ложная тревога, у нас все хорошо! – крикнул он в дверь, утирая пот со лба.

– Это Руслан Артемьевич? – уточнили настороженно с другой стороны.

– Да, ложная тревога, подтверждаю! – Тот зло глянул на растерянного мужчину за столом.

В кабинет вошел дядька в сером бронежилете и внимательно все осмотрел.

– А мы вам дверь выбили, – повинился он, шаркнув ногой.

– Будете уходить – оставьте возле джипа перед калиткой.

– Кого? – растерялся солдат.

– Дверь, – пояснил парень, – мне вот он ее подарил.

– Стоп! – взмолился Руслан. – Отбой тревоги! Дверь не трогать!

– Как это не трогать? – возмутились рядом.

– Я тебе новую подарю, – тяжело вздохнул Руслан и растерянно повернулся к коллегам. – Берем, а?

– Г-хм, – кашлянул неразговорчивый и повелительным жестом приказал солдату покинуть помещение. Затем он выудил откуда-то массивные очки с несколькими овалами линз на каждой плоскости стекла, водрузил на нос с горбинкой и с интересом посмотрел на парня. – Максим, ты чей будешь?

– С лимоном.

Мужчина замер в ступоре на несколько секунд, а после даже легонько встряхнул головой.

– Из какого рода? Стоп! Конкретизирую – фамилия твоя какая?

– Самойлов. Мы к вам в город вчера переехали, живем рядом. Хотели учиться, но, наверное, в другое место пойдем, – признался парень.

– Почему? – растерялся Руслан.

– Нервные вы, не уживетесь вы со мной.

– Уживемся-уживемся, – засуетился мужчина в очках, выходя из-за стола и с прищуром глядя на парня. – Руслан, и это чудо к тебе просто само пришло на порог?

– Вместе с семьей, – повторил тот с легкой гордостью, – там еще две девочки и мальчик.

– Четверо с даром?! – ахнул тот, убирая очки в карман и тут же суетясь возле загадочного аппарата, размером смахивающего на тумбу, а видом – на микроскоп.

– Я приемный, – добавил мальчик.

– Мм, – с досадой пожевал губами он, не прерывая свою загадочную работу.

– И им тоже нужны места, – надавил парень.

– Я пообещал, – робко вставил Руслан.

– Будут, обязательно будут, – кивнул, видимо, главный в этом коллективе и указал на месте подле себя. – Максим, подойди на секунду.

– Никаких уколов, – строго ответил тот, отступая на шаг.

– Это не больно! – возмутился мужчина. – Раз – и все! Это очень важно! Ты ведь хочешь узнать, насколько силен, а?

– Ты же не девчонка, – подначил Руслан, подталкивая вперед за плечи.

Максим насупился, но подошел без всякой охоты – вернее, был добуксирован на место.

– Ой, кажется, у вас аппарат не работает, – цокнул парень, глядя на клубы дыма из машины.

– Как так, я его даже не запустил! – вцепился в волосы главный.

– Какая досада, – вздохнул Максим. – Ну я пошел?

– Ничего страшного, у нас есть резервный аппарат.

– А есть третий? – поинтересовался парень.
– Нет.
– Тогда как вы потом работать будете? – резонно заявил он.
– С рабочим аппаратом... – недоуменно ответил главный.
– Ну не зна-аю... – задумчиво протянул Максим.
– Ага. А-ага... – насупился мужчина, буравя подростка взглядом. –
Ясно.
– Я вам, между прочим, прибор сейчас спас!
– А до этого – испортил!
– А у вас окна на какую сторону выходят? – принялся отступать мальчишка.
– Максим, не надо резких движений! – вскинулся Руслан. – Все будет хорошо.
– Мне снова вызывать спецназ? – флегматично уточнили из-за стола.
– Ти-ихо! – гаркнул главный. – Никаких солдат! Максим, забудь про аппарат; не хочешь – не надо. Руслан, живо вызывай Светлану!
– Максим, две минуты подожди, – взмолился Руслан, набирая номер.
– Две двери? – вопросительно поднял бровь тот.
– Три!
– Тогда ладно, – вздохнул мальчик и устроился на краю пустующего стола.

Через некоторое время в комнату вступила ослепительно красивая женщина, а вместе с нею – восхищенная тишина. В белоснежном платье, с белыми как снег волосами, волшебной феей шагнула она в центр кабинета, дабы пропеть неземным голосом:

– Вызывали?
И от этой мелодии тонко зазвенела душа каждого. Во всяком случае, для Максима так все и было.
– Светлана, у нас уникам по твоей части, – уважительно обратился к ней главный. – Максим, будь добр...

С ошеломленной, чуть растерянной улыбкой парень одним взмахом зажег солнце над головой, в половину расстояния до потолка высотой.

Жалобно пискнула техника, перезагружаясь от электромагнитной вспышки.

– Мой отчет! – раненым носорогом взревело из-за стола.
– Вот примерно такой эффект, – подвел итог мужчина, проведя рукой. – А еще он нам аппарат спалил, и я не почувствовал всплеска силы.
– «Лайтмастер», по западной категории, – уверенно констатировала женщина. – По нашей классификации – «Пересвет».

– Перспективы? – деловито уточнил он.

– Учить не сможем, – пожалала дама плечами. – У нас таких людей нет. Использовать – легко. Диверсии, обесточивание энергообъектов. Сами видите, – указала она рукой на тихо стонущего над компьютером мужчину. – От небольших узлов – до города, в зависимости от потенциала. А он уже наш?

– Я свой, – сумел победить очарование Максим, каким-то чутьем уловив неправильность в своих эмоциях.

Он уже помнил такое в своем прошлом – очарование подаренным «Сникерсом», волнительное предвкушение его вкуса в тишине и одиночестве общей комнаты – ведь все ушли на зарядку. А там оказалось тридцать крайне злых и голодных девятиклассников. И дверь тут же закрыли, стоило зайти внутрь, тут же чем-то подперев с той стороны. Но он съел «Сникерс». Целиком. И обертку забрал себе.

– Мальчик, ты такой милый, – взмахнула она ресничками. – Пойдем с нами?

– Вы покажете мне школу? – с ироничной улыбкой уточнил Максим, тут же подошел, уверенно положив ее руку себе на локоть. – Я не против прогулки, идем.

И сам повел ее из кабинета, заставив спутницу с испугом оглянуться на коллег.

– Скажите, а тут все преподаватели такие красивые? – донеслось до мужчин.

После минутного ступора, перекрывшего даже трагедию потерянных данных, раздался неуверенный голос:

– Слушайте, ну его, эти диверсии... Может, в блок разведки?

– Да не, – неуверенно произнес Руслан, откликаясь скорее на свои мысли, – не может быть...

– Может – не может... – заворчал главный, пряча довольный взгляд. – Иди, спасай Светлану.

– Да что там будет... – слабо отмахнулся он.

– Декрет там будет. За двоих с тебя спрашивать стану, учти.

– Не выдумывайте, Светлана мужчин терпеть не может.

Из коридора донесся красивый женский смех – будто колокольчики зазвенели.

Глаза Руслана округлились, а сам он молнией скрылся в коридоре.

– Диверсант, – хмыкнул главный и с удовлетворением посмотрел на пару волосков в своей руке – успел выдернуть. – Сейчас посмотрим, кто у нас из князей на стороне погулял.

Он прошел к другой стороне кабинета, несколько раз попытался воззвать к жизни крупный серый аппарат, никак не желающий включаться. Затем вытащил его из розетки, вставил штепсель снова и с удовлетворенным вздохом отметил зеленые всполохи на лампах включения. Одним нажатием он распахнул нутро агрегата, раскрывшегося, как пасть акулы, и закинул в центр специального углубления генетический материал. Вернул все в исходное состояние, клацнул по клавише и десяток минут расхаживал по комнате, пока характерный гул не доложил о завершении анализа, а из боковой створки не выскользнул лист бумаги с отчетом.

– Так, – нетерпеливо скользнул он взглядом по сухим формулировкам до списка соответствия с процентным соотношением совпадения генома, увы расставленным не по возрастанию вероятности, а по алфавитному порядку заложенных в базу генетических шаблонов. – Годуновы... Романовы... Ага, щ-щаз... – скомкал он бумагу, скривившись от совершенно нереальных процентов родства, и выбросил в мусор. – Тьфу, блин, такой аппарат испортил! Диверсант.

– Я нашего диверсанта почему-то на камерах не вижу, – донеслось со спины, где второй оставшийся в кабинете с задумчивым видом щелкал по клавишам компьютера.

– Как не видишь? – подбежал к нему главный и лично прощелкал по камерам в коридорах школы. – Они куда его повели?!

– Может, в закрытую часть... – осторожно предположили в ответ.

– Совсем сдурели? Покажи мне территорию.

Пара нажатий на клавиши, и вместо сеточки миниатюр с видами школы появилась аналогичная, но совсем с иными интерьерами, совсем не школьными, и куда в большем количестве – целый якобы «завод» по соседству служил дополнительным пространством «самой обычной школе».

– Вот они!

– Это же закрытая секция! – взвыл босс. – Дай мне связь! – и тут же сам потянулся к телефону. – Сергеич, какого черта у тебя посторонние на объекте? Как «под личную ответственность»?! Ну-ка живо их гони оттуда! Д-диверсант! – ударил он пальцем в кнопку завершения вызова.

– Или разведчик? – осторожно уточнил коллега, за что получил гневный взгляд.

– И ты давай беги туда!

Дождавшись быстрого отбытия подчиненного, босс единолично занял кресло и принялся ожидать развития событий.

Только вместо железного наведения дисциплины прибывшие на место солдаты очень сильно заинтересовались чем-то на телефоне парня, что он и Светлана до этого с интересом разглядывали. Затем этим же самым заинтересовался прибывший на место Петр. Затем подошли специалисты из ближней лаборатории и тоже сгрудились плотной толпой возле парня и его телефона.

– Что за ерунда происходит?! – вопрошал он через минуту у начальника охраны, требуя немедленно навести порядок.

Через минуту и Сергеич тоже что-то наблюдал на экране телефона, удивленно покачивая головой. Но довольную толпу все-таки развел по рабочим местам – после общей фотографии вместе с гостем и очаровательной Светланой.

Хозяин кабинета очень медленно выключил экран, отклонился на спинку кресла и прикрыл глаза. Затем распрямил пальцы, которые явно душили чью-то шею, и умиротворенно улыбнулся.

– Где Максим? – мягко поинтересовался он у вошедшего Руслана.

– Домой поехал. Представляешь, у него там видео, где он за тиграми гоняется, – удивленно покачал тот головой, направляясь к своему столу.

– Стоять! – вскинулся мужчина. – Как «уехал»?!

– Ему там три двери загрузили, тем более отец уже дважды звонил.

– Живо за ним!

– Да он завтра обещал приехать, – остановился Руслан.

– У него на телефоне снимок со всем нашим специальным отделом!!!

– Так это ведь просто на память... Ой бли-и-ин!!! – умчался в дверь подчиненный.

– Д-диверсант!.. – выдавил из себя босс. А потом поразмышлял и задумчиво спросил себя: – Или разведчик?

Эпилог

Я смотрел на тонкие линии, выведенные черной ручкой на белоснежном листе, я вглядывался в суть сотканных из них образов, пытаюсь отыскать угрозу, ловушку в равнодушных чертах своих врагов. Их было много, каждый помечен цифрой – и кто-то из них должен был стать первой целью. Выбор за мной.

Тот, кто сидел в тени настольной лампы, беззвучно помешивая чай и остро поглядывая из угла кабинета, дал мне час на решение, демонстративно развернув к себе настольные часы. Он явился в наш дом неделю назад, выглядя безобидным стариком. Мне рекомендовали его человеком, достойным доверия, у которого следует поучиться, и я пустил его в свою жизнь с преступной доверчивостью. А сегодня наступила расплата.

Две минуты назад он дал мне *это*, потребовав ответственности за свое прошлое, и я не смог ему отказать. Но как нелегко давалось каждое решение, вытасченное из той жизни, которая должна была быть моей, но так и не стала!

Звонок телефона дал так нужную мне паузу.

Старик недовольно поджал губы и отвернулся к окну. Его раздражало любое промедление.

– Максим? – обрадованно поприветствовали меня с той стороны.

– Да, – отозвался я, одновременно делая невидимые пометки возле одного из соперников – кажется, я раскусил его слабость.

– Мы нашли все! – громким шепотом поделился он.

– Рад, – серьезным голосом констатировал я, отложив ручку в сторону.

Так, по одному уже есть наметки, недолго ему осталось. Я сосредоточился на разговоре, желая завершить его быстро.

– Что с ними делать, Максим?

– Помнишь, как ты мечтал о заводе? О настоящем заводе, а не подвальном помещении в промзоне.

Старик бросил на меня внимательный взгляд.

– Помню. Мы мечтали вместе.

– Выполни свою мечту, – щедро предложил я.

– Но я не смогу! – запаниковали на другой части провода.

– Найми тех, кто сможет.

– Думаешь, у меня получится? – робко произнес мой друг.

– Конечно. Мое доверие – в твоих руках, – без единой крупницы сомнения сообщил я свое мнение, вновь поднимая ручку.

А вот и новая уязвимая мишень в списке. Ее избыточность в нижней части мы в скором времениотрежем, оставив от бывшего не больше четверти. У меня хватит на это умения и сил.

– А ты приедешь? – с надеждой раздалось в трубке.

– Не скоро, но обязательно. У меня накопилось много нерешенных задач, – постучал я краем ручки по листку.

– Может, тебе помощь нужна? – встревожился Толик. – Я пришлю ребят, мы за тебя кому хочешь ноги переломаем.

– Нет, это только моя битва. Удачи. – Я положил трубку, отодвинув ее под строгим взглядом личного надзирателя на край стола.

И эту битву я начну прямо сейчас.

Что же, господин Интеграл, вы зря так вальяжно расположились над натуральным логарифмом! Этот экзамен я начну с вас.

Я хищно сузил глаза и решительно поставил знак «равно» после первого уравнения.